

№ 2 (51)
2020

ВЕСТНИК

Дальневосточного
юридического института
МВД России

Выходит с 2001 г.
Периодичность –
четыре раза в год

Учредитель и издатель –
Дальневосточный
юридический институт
Министерства внутренних дел
Российской Федерации

Редакционная коллегия:

Главный редактор
А. В. Рябцев,
канд. юрид. наук, доцент

Заместитель
главного редактора
А. Н. Дерюга,
д-р юрид. наук, доцент

Ответственный секретарь
Е. Ю. Колобанова

Члены редколлегии:
Е. Ю. Антонова,
д-р юрид. наук, доцент;
А. М. Баранов,
д-р юрид. наук, профессор;
А. С. Бахта,
д-р юрид. наук, профессор;
С. С. Безруков,
д-р юрид. наук, доцент;
В. А. Болдырев,
д-р юрид. наук, доцент;
С. И. Давыдов,
д-р юрид. наук, доцент;
В. В. Денисенко,
д-р юрид. наук, профессор;
А. Н. Древаль,
д-р юрид. наук, профессор;
Н. Н. Егоров,
д-р юрид. наук, профессор;
В. П. Камышанский,
д-р юрид. наук, профессор;
С. М. Кузнецова,
канд. юрид. наук, доцент;
Ю. И. Кулешов,
д-р юрид. наук, профессор;
В. Н. Лищица,
д-р юрид. наук, доцент;
Н. Е. Мерецкий,
д-р юрид. наук, профессор;

СОДЕРЖАНИЕ

Уголовный процесс

Петухов Е. Н. Основы теории уголовно-процессуальных обязанностей (часть первая) / 5
Мамошин М. А. Особенности предварительного следствия по делам о применении принудительных мер медицинского характера / 13
Васильева Н. А. Институт гражданского иска в уголовном процессе: понятие, современное состояние и проблемы реализации / 19
Маркелов А. Г. О ценности использования технологий компромисса при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением / 25
Елчиев М. Ф. Устав уголовного судопроизводства 1864 г. как правовая основа для совершенствования деятельности суда по устранению препятствий к рассмотрению уголовных дел / 31

Уголовное право и криминология. Уголовно-исполнительное право

Никитенко И. В. Причины и динамика преступлений против порядка учета и регистрации мигрантов / 38
Замалеева С. В. Преступления против жизни и здоровья по уголовному законодательству Германии: сравнительный анализ / 43
Лаптев Д. Б. Об уголовно-правовой природе условного осуждения / 47
Алёхин Е. В. Лидеры экстремистских сообществ как представители преступной иерархии / 51
Тепляков В. П. Назначение наказания за вандализм лицам из отдельных социальных групп населения / 57
Сон Э. В. Спорные вопросы уголовно-правовой оценки признаков объективной стороны в составе разбоя / 63
Салыкова А. К. Дифференциация пределов назначения наказания при досудебном соглашении о сотрудничестве (соглашении о сотрудничестве) в уголовном законодательстве Российской Федерации и Республики Казахстан / 71

Криминалистика. Судебно-экспертная деятельность. Оперативно-розыскная деятельность

Мерецкий Н. Е., Шурухнов Н. Г. Некоторые особенности реализации неотложных следственных действий субъектом правоприменения / 76
Абызов Р. М. Криминалистическая характеристика типичной личности международного киберпреступника / 82
Бирюков В. В., Кабанов А. В. Использование учетно-регистрационных данных об оружии и следах его применения в расследовании преступлений / 86

И. В. Никитенко,
д-р юрид. наук, доцент;
Н. А. Шабельникова,
д-р ист. наук, профессор;
В. Н. Шамаков,
канд. юрид. наук, доцент;
Н. Г. Шурухов,
д-р юрид. наук, профессор

Редактор
Е. Ю. Колобанова

**Компьютерная верстка
и дизайн**
А. В. Ковалев

Корректор
Н. Б. Хохлова

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям:
12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право, 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право, 12.00.09 – Уголовный процесс, 12.00.12 – Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство ПИ № ФС77-77679 от 10 февраля 2020 г.

Публикуемые материалы отражают точку зрения автора, которая может не совпадать с мнением редколлегии.
Рукописи не возвращаются.

Подписано в печать 29.06.2020.
Дата выхода в свет 30.06.2020.
Бум. офис. Формат 60×84¹/₈.
Усл. печ. л. 16,2.
Тираж 300 экз. (1-й завод – 1–75 экз.)
Заказ № 27.
Цена свободная.
Подписной индекс 83731.

Дальневосточный юридический институт МВД России.
Редакционно-издательский отдел. Типография.
680020, г. Хабаровск,
пер. Казарменный, 15.

Электронный адрес редакции:
e-mail: vestnikdvui@yandex.ru
Тел. (4212) 46–52–17
Тел./факс: (4212) 46–52–06
© ФГКОУ ВО ДВЮИ
МВД России, 2020

Жердев П. А. Электронно-цифровые следы как элемент криминалистической характеристики преступлений в сфере компьютерной информации / 94

Чиненов Е. В., Щукин В. И. Судебно-бухгалтерская экспертиза как разновидность специальных знаний, используемых в расследовании преступлений в сфере экономики, совершаемых на железнодорожном транспорте / 101

Гармаев Ю. П. Особенности проведения тактических операций по делам о преступлениях, связанных с организованными и организованно-коррупцированными типами мошенничества при получении выплат / 107

Ильичев Д. А. Сведения о личности преступника и способах совершения преступлений как базовые компоненты оперативно-розыскной характеристики взяточничества / 114

Гражданское право. Предпринимательское право. Семейное право. Международное частное право

Древаль А. Н. О государственном регулировании предпринимательской деятельности: некоторые аспекты / 122

Кудряшова В. В. Перспективы совершенствования охранных обязательств на объекты культурного наследия / 127

Хамидуллин М. Т. К вопросу об организационной природе договора технологического присоединения / 133

Информация для авторов / 139

№ 2 (51)
2020

VESTNIK

of Far Eastern Law Institute
of the Ministry of Internal
Affairs of Russia

Published since 2001.
Quarterly

Founder and publisher -
Far Eastern Law Institute
of the Ministry of Internal
Affairs of Russia

Editorial board:

Editor-in-Chief
A. V. Ryabtsev,
kandidat nauk, degree in Law,
Associate Professor;

Deputy Editor-in-Chief
A. N. Deryuga,
Doctor of Law, Associate Professor

Executive Secretary
E. Yu. Kolobanova

Editorial staff:
E. Yu. Antonova,
Doctor of Law, Associate Professor;
A. M. Baranov,
Doctor of Law, Professor;
A. S. Bakhta,
Doctor of Law, Professor;
S. S. Bezrukov,
Doctor of Law, Associate Professor;
V. A. Boldyrev,
Doctor of Law, Associate Professor;
S. I. Davydov,
Doctor of Law, Associate Professor;
V. V. Denisenko,
Doctor of Law, Professor;
L. N. Dreval,
Doctor of Law, Professor;
N. N. Egorov,
Doctor of Law, Professor;
V. P. Kamyshanskii,
Doctor of Law, Professor;
S. M. Kuznetsova,
kandidat nauk, degree in Law,
Associate Professor;
Yu. I. Kuleshov
Doctor of Law, Professor;
V. N. Lisitsa
Doctor of Law, Associate Professor;
N. E. Meretskiy,
Doctor of Law, Professor;

CONTENTS

Criminal procedure

Petukhov E. N. Fundamentals of the theory of criminal procedure duties (part one) / 5

Mamoshin M. A. Features of the preliminary investigation in cases of the use of coercive measures of a medical nature / 13

Vasilyeva N. L. Institute of civil action in the criminal process: definition, current state / 19

Markelov A. G. On the value of using compromise technologies according to the accused defendant / 25

Elchiev M. F. Statute of criminal proceedings on 1864 as a legal basis for improving the activities of the court to remove obstacles to the consideration of criminal cases / 31

Criminal law and criminology. Criminal-executive law

Nikitenko I. V. Reasons and dynamics for crimes against the order of accounting and registration of migrants / 38

Zamaleeva S. V. Crimes against life and health Germany's criminal law: comparative analysis / 43

Laptev D. B. On the criminal law nature of probation / 47

Alyokhin E. V. Leaders of extremist conspiracy as representatives of a criminal hierarchy / 51

Tepliyakov V. P. Imposing penalties for vandalism on individuals from certain social groups / 57

Son E. V. Disputed issues of the criminal and legal assessment of objective signs in the structure / 63

Salykova A. K. Differentiation of the limits of purpose of punishment in the pre-judicial agreement on cooperation (cooperation agreements) in criminal legislation of the Russian Federation and Republic of Kazakhstan / 71

Criminalistics. Forensic expertise activity.

Operative search activity

Meretskiy N. E., Shurukhnov N. G. Some features of the implementation of urgent investigative actions by the subject of law enforcement / 76

Abyzov R. M. Forensic characteristics of a typical personality of an international cybercriminal / 82

Biryukov V. V., Kabanov A. V. Use of registration and registration data on weapons and traces of their use in the investigation of crimes / 86

Zherdev P. A. Electron-digital traces as an element of the criminalistics characteristic of crimes in the field of computer information / 94

I. V. Nikitenko,
Doctor of Law, Associate Professor;
N. A. Shabelnikova,
Doctor of History, Professor;
V. N. Shmakov,
kandidat nauk, degree in Law,
Associate Professor;
N. G. Shurukhnov,
Doctor of Law, Professor

Managing editor
E. Yu. Kolobanova

Typesetting and design
A. V. Kovalev

Proofreader
N. B. Khokhlova

The journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications, where basic scientific results of theses on competition of a scientific degree of candidate of science and of a doctor of science should be published by scientific specialties: 12.00.03 – Civil law; business law; family law; private international law, 12.00.08 – Criminal law and criminology; criminal-executive law, 12.00.09 – Criminal procedure, 12.00.12 – Criminalistics; forensic expertise activity; operative search activity.

The edition is registered in the Federal Service for communication, informational technologies and media control: Registration certificate ПИ № ФС77-77679 of February, 10, 2020.

The opinions of the authors may not always coincide with the editorial board's point of view. Manuscripts are not returned.

Signed for press on 29.06.2020.
Issue: 30.06.2020.
Format 60×84¹/₈. Size 16,2 printer sheets. Circulation 300 copies. (1–75 copies).
Order № 27. Free price.
Subscription index 83731.

Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
Editorial office.
Printing House.
15, Kazarmenny pereulok,
Khabarovsk, 680020

E-mail: vestnikdvui@yandex.ru
tel. (4212) 46-52-17
tel./fax: (4212) 46-52-06

© Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2020.

Chinenov E. V., Schukin V. I. Forensic accounting expertise as a kind of special knowledge used in the investigation of economic crimes committed on the rail way transport / **101**

Garmaev Yu. P. Features of conducting tactical operations in cases of crimes related to organized and orderly-corrupt types of fraud in obtaining benefits / **107**

Ilichev D. A. The criminal's identity and modus operandi as the basic components of investigative characteristics of bribery / **114**

Civil law. Business law. Family law. Private international law

Dreval L. N. On state regulation of business activity: some aspects / **122**
Kudryashova V. V. Possibilities to enhance preservation orders on cultural heritage sites / **127**

Khamidullin M. T. On the issue of the organizational nature of the grid connection agreement / **133**

Information for authors / 139

УДК 343.1

ОСНОВЫ ТЕОРИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ (ЧАСТЬ ПЕРВАЯ)

Евгений Николаевич Петухов, доцент кафедры Алтайского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент

E-mail: petuchove@mail.ru

В статье освещаются вопросы становления теории уголовно-процессуальных обязанностей как одного из важных направлений науки уголовного процесса. Приводятся основные признаки, наличие которых у совокупности научных положений свидетельствует о сформировавшейся научной теории как самостоятельной части юридической науки. Устанавливается перечень обязательных знаний о предмете познания рассматриваемой теории уголовно-процессуальных обязанностей.

Ключевые слова: уголовно-процессуальные обязанности; должное поведение; интерес; теория.

FUNDAMENTALS OF THE THEORY OF CRIMINAL PROCEDURE DUTIES (PART ONE)

Evgeny Nikolaevich Petukhov, department associate professor of the Altai State University, *kandidat nauk*, degree in Law, Associate Professor

The article highlights the following issues of the formation of the theory of criminal procedural duties as one of the important areas of the science of criminal procedure. The main features of the set of scientific statements are given, which indicate that the scientific theory has been formed as an independent part of legal science. A list of mandatory knowledge about the subject of knowledge of the theory of criminal procedure duties is established.

Keywords: criminal procedure duties; proper behavior; interest; theory.

Как известно, уголовно-процессуальная деятельность осуществляется посредством правоотношений, которые возникают, протекают и завершаются в рамках производства по уголовному делу между его участниками. Поведение данных лиц в ходе их участия в уголовно-процессуальных отношениях напрямую зависит от их процессуального статуса, закрепленного в нормах уголовно-процессуального законодательства. Так как основу процессуального статуса лица в уголовном процессе составляют права и обязанности, то поведение (возможное и должное) названных лиц определяется предоставленными законодателем им правами и возложенными на них обязанностями. От поведения участников уголовно-процессуальной деятельности, в большей части нормативного, зависит направленность данной деятельности. Это утверждение давно признано в науке уголовного процесса.

Направленность в теории и практике уголовного судопроизводства принято обозначать функцией. Как пишет в своей работе, посвященной сущности уголовно-процессуальных

функций, З. З. Зинатуллин, «уголовно-процессуальные функции есть не что иное, как основные направления уголовно-процессуальной деятельности участников уголовного процесса по решению стоящих перед ними задач» [5, с. 9]. В целом мы соглашаемся с данной дефиницией уголовно-процессуальных функций, однако считаем, что ее следует немного скорректировать, так как полагаем, что она не охватывает всех участников уголовного судопроизводства. Не нужно доказывать, что законодатель ставит задачи только перед должностными лицами и органами государства, а у других участников, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства не в силу закона, мы не видим задач. Их деятельность, а значит и присущая им функция должна быть направлена на что-то другое, общее и присущее всем участникам уголовного процесса, а не на решение задач. Мы полагаем, что функция каждого участника должна быть направлена на достижение интереса.

Интерес обязательно имеется (должен быть) у каждого участника уголовного судопроизводства: частный (материальный, процессуальный), публичный (процессуальный). Интерес (потребность) для человека как участника уголовного процесса (суд как орган – не исключение, он тоже состоит из людей) – это движущая сила, которая определяет выбор цели (ожидаемого результата) и в итоге мотивирует на активное или пассивное поведение. Отметим, что данное поведение должно реализовываться посредством участия субъектов в уголовно-процессуальной деятельности, которая осуществляется в строго установленном законом порядке. Значит, участник уголовно-процессуальной деятельности должен достигать своей цели, осуществляя присущую ему функцию, которая обуславливается возложенными на него законодателем обязанностями, так как последние определяют его должное (нормативное) поведение. Отсюда следует, что если участник уголовного судопроизводства желает достичь законного интереса по уголовному делу, то он должен надлежащим образом исполнять обязанности. Законодатель таким образом позаботился о достижении участником уголовного судопроизводства своего законного интереса путем программирования его должного поведения через закрепление в нормах уголовно-процессуального законодательства его обязанностей.

Данное умозаключение соотносится с утверждением известного советского правоведа М. А. Чельцова о том, что уголовно-процессуальная функция – это направление деятельности, которую законодатель рассматривает как обязанность соответствующего органа или лица [16, с. 11]. Впоследствии подтвердили этот постулат и теоретики права Н. И. Матузов и Б. М. Семенко, которые в своих исследованиях пришли к выводу о том, что, в отличие от прав, представляющих собой определенную и гарантированную законом возможность, дозволенность, уголовно-процессуальные обязанности всегда означают предусмотренную и обеспечиваемую законом необходимость, вынужденность соответствующего поведения. Обязанное уголовно-процессуальное поведение (как и всякое иное правовое) есть общественно необходимое ответственное поведение, которое сориентировано на удовлетворение общественных интересов и интересов личности [12, с. 34].

Наука уголовного процесса, особенно с принятием в 1993 г. Конституции РФ, которая объявила права человека и гражданина высшей ценностью, всегда уделяла и уделяет правам большое внимание, при этом обязанности, в том числе и уголовно-процессуальные, остаются не заслуженно обойденными учеными.

На данный пробел в уголовно-процессуальной науке еще в советские времена справедливо указывал В. М. Корнуков, отмечая, что в теории уголовного процесса при анализе правового положения субъектов уголовно-процессуальной деятельности часто проявляется односторонность: раскрываются права, свободы, гарантии их осуществления, а обязанности, как правило, или вовсе опускаются, или просто перечисляются. При этом он придавал, с чем и мы полностью согласны, вопросу изучения уголовно-процессуальных обязанностей большое значение. Должный уровень уголовно-процессуальной дисциплины и строгое соблюдение законности в уголовном судопроизводстве он ставил в зависимость от соответствующего

теоретического и практического осмысления обязанностей всех субъектов уголовно-процессуальной деятельности [8, с. 81–88].

С тех пор заметных изменений относительно увеличения внимания исследователей к проблеме уголовно-процессуальных обязанностей не наблюдается. Конечно, в своих монографических исследованиях, особенно в работах, посвященных уголовно-процессуальным отношениям, уголовно-процессуальной ответственности, гарантиям в уголовном судопроизводстве, уголовно-процессуальным функциям и статусу участников в уголовном процессе, ученые-процессуалисты проявляли и проявляют достаточный интерес, так как эти темы затрагивают проблемы участников уголовного процесса, обязанности которых являются наряду с правами основным элементом статуса каждого субъекта уголовного процесса, регулятором его должного поведения [2; 3; 4; 7; 19]. Из современных работ, которые полностью были бы посвящены обязанностям участников уголовного процесса, автору известны только две: А. С. Санников подготовил учебное пособие, посвященное обязанностям участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения [13], и Л. Л. Кожевников посвятил свое диссертационное исследование обязанностям обвиняемого [6].

Полагаем, что уголовно-процессуальные обязанности, выступая основным обеспечительным условием реализации интересов и прав участников в уголовном процессе и имея просто огромное значение для обеспечения всего уголовно-процессуального регулирования всех уголовно-процессуальных отношений, требуют отдельного научного исследования с позиций их теоретического осмысления, законодательного регулирования и обеспечения их надлежащей практической реализации.

Любая уголовно-процессуальная категория, ее многогранные свойства находят свое выражение в соответствующей ей научной теории. Без теории необъяснимы ее истоки, не может быть оценено ее текущее состояние и соответственно не могут быть определены перспективные направления ее дальнейшего развития. Уголовно-процессуальные обязанности, наряду с уголовно-процессуальными правами, – безусловно, самостоятельные уголовно-процессуальные категории, регулирующие поведение (соответственно возможное или должное) участников уголовного судопроизводства, следовательно, можно говорить о существовании научной теории совокупности норм, содержащих в себе уголовно-процессуальные обязанности.

Научная теория определяется как совокупность знаний об объекте познания. Она имеет свою конструкцию и отвечает следующим признакам:

1. Теория – это не отдельно взятые достоверные научные положения, а их совокупность, целостная органическая развивающаяся система.

2. Не всякая совокупность положений об изучаемом предмете является теорией. Чтобы превратиться в теорию, знание должно достигнуть в своем развитии определенной степени зрелости, – когда оно не просто описывает определенную совокупность фактов, но и объясняет их, т. е. когда знание вскрывает причины и закономерности явлений.

3. Для теории обязательным является обоснование, доказательство входящих в нее положений: если нет обоснований, нет и теории.

4. Теоретическое знание должно стремиться к обоснованности ее определяющего начала, отражающего фундаментальную закономерность данного предмета.

5. Структура научных теорий содержательно определена системой организаций идеализированных (абстрактных) объектов (теоретических конструктов).

6. Теория – это не только готовое, ставшее знанием, но и процесс его получения; поэтому она не является «голым результатом», а должна рассматриваться вместе со своим возникновением и развитием [17, с. 123].

Из уяснения сущности научной теории мы выдвигаем предположение о том, что теория уголовно-процессуальных обязанностей отвечает всем критериям самостоятельной научной теории, при этом являясь неотъемлемой частью науки уголовного судопроизводства.

О том, что теория уголовно-процессуальных обязанностей является самостоятельной частью науки уголовного процесса, свидетельствует ее научная значимость и практическая полезность, а также обособленный предмет (обязанности) и составляющие ее компоненты: понятие, сущность, содержание, признаки, правовая природа, значение в механизме уголовно-процессуального регулирования и реализации назначения уголовного судопроизводства, место и их роль в статусе участников уголовного процесса, вид (название) обязанностей, классификация обязанностей, мера обязанности, пределы (границы) действия обязанности (возникновение, исполнение и прекращение), носители обязанностей, условия обеспечения исполнения обязанностей, причины неисполнения (ненадлежащего исполнения) обязанностей, механизм надлежащего исполнения обязанностей, организационно-правовой механизм обеспечения надлежащего исполнения обязанностей, ответственность за неисполнение (ненадлежащее исполнение) обязанностей, уважительные причины неисполнения обязанностей.

Прежде всего попытаемся представить историю зарождения и становления теории уголовно-процессуальных обязанностей.

Уже в первом правовом источнике – в Русской Правде (Краткой Правде Ярослава) и далее в Пространной Правде (Правде Ярославовичей) находим закрепление уголовно-процессуальных обязанностей – обязанности в виде запрета применять кровную месть. Мстить за убитого мог не целый род и даже не все семейство, а только ближайшие его родственники. Далее, лицо, у которого находилась разыскиваемая вещь, обязан был указать, откуда она получена или каким образом приобретена с предоставлением необходимых доказательств [9, с. 371]. Кроме того, на суд возлагалась обязанность обеспечения равных возможностей сторонам на «поле» в ходе их поединка (полагаем, например, определив им одинаковое оружие для борьбы), а пострадавший и его обидчик при этом обязаны были выйти на «поле» для поединка. Также их обязанностью было подвергаться и другим испытаниям: испытанию железом (или испытание огнем) и испытанию водой [18, с. 638–639].

С течением времени в правовых актах появляется все больше обязанностей участников уголовного судопроизводства. Среди особо значимых правовых источников следует назвать:

– Судебник (Законы великого князя Иоанна Васильевича) 1497 г., в котором практически сохранились обязанности из Русской Правды и добавлена обязанность подвергнуться еще одному испытанию – присяге (крестному целованию);

– Новгородскую грамоту 1471 г., в соответствии с которой суд состоял из посадников. Для них была установлена обязанность рассмотрения дела в двухмесячный срок. При неисполнении данной обязанности в указанный срок посадник подвергался штрафу в размере 50 руб. в пользу князя и Новгорода. Также за невыполнение обязанности явиться в суд была впервые установлена ответственность в виде штрафа (боярин – 2 руб., житий человек – 1 руб.);

– Судебник Ивана Грозного 1550 г., который содержал обязанность широкого применения пытки в процессе дознания (пыточный сыск);

– Соборное уложение, изданное при царе Алексее Михайловиче в 1649 г., которое закрепило преобладание обязанности вести производство по делу розыском в виде «повального обыска». Ведущие розыск должны были составлять протоколы, акты, записки и т. д.;

– Воинский устав и указы Петра I, изданные в годы его правления. Их положения обязывали суд быть инициативным и активным («чинить розыск»). Испытанию в виде пытки обязаны были подвергаться все участники дела. При этом прописывалась обязанность в виде запрета подвергать пытке дворянина, служителя высокого чина, старых людей (70 лет и старше), недорослей и беременных женщин, а также обязанность в виде запрета допрашивать клятвопреступников, разбойников, воров и т. п.;

– Наказы Екатерины II и далее Свод законов Российской империи 1832 г., которые сохраняли уже имевшиеся обязанности в предшествующих им правовых актах. Кроме того, при

формальной системе доказательств (деление на совершенные и несовершенные доказательства) суду предписывалась обязанность вести их окончательный подсчет;

– Уставы уголовного судопроизводства, утвержденные Александром II в 1864 г., являясь актом введения в России состязательного типа уголовного судопроизводства, закрепляли обязанности участников судебного заседания: проявлять активность словесно, стороне защиты и обвинения состязаться устно при обязательном производстве проверки всех доказательств; суду оценивать доказательства свободно, основываясь на своей совести и внутреннем убеждении;

– УПК РСФСР 1922 г.; УПК РСФСР 1923 г.; Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1924 г.; Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 г. (о них скажем отдельно ниже); УПК РСФСР 1960 г.; Модельный уголовно-процессуальный кодекс для государств – участников Содружества Независимых Государств (рекомендательный законодательный акт, принят Постановлением Межпарламентской ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств, Санкт-Петербург, 17 февраля 1996 г.) и действующий в настоящее время УПК РФ 2001 г.

В данном перечне источников уголовно-процессуального права следует особое внимание обратить на Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 г. В соответствии с содержанием данных Основ уголовного судопроизводства значение обязанностей в уголовном судопроизводстве, как верно отмечает А. П. Лобанов [10, с. 7], настолько велико, что даже было отменено понятие стороны с установлением единой для всех органов государства обязанности доказывания события преступления и виновности лица, его совершившего. То есть надлежащим образом данную на то время главенствующую обязанность, которая, по сути, определяла все предназначение уголовного процесса, должны были исполнять в равной степени следователь, прокурор и даже суд.

Кроме того, следует также указать на особое место Модельного уголовно-процессуального кодекса 1996 г., которое он занимает среди данной совокупности уголовно-процессуальных актов в плане наибольшего количества закрепленных и конкретизированных, а также достаточно ясно выраженных по смыслу уголовно-процессуальных обязанностей.

На наш взгляд, если бы данный акт нашел свое место в правоприменительном процессе, то, безусловно, в сравнении с действующим уголовно-процессуальным законодательством в России, его исполнение в большей степени привело бы к наиболее эффективному уголовному судопроизводству, так как в нем четко определены цели и задачи публичного права, предназначенного защищать интересы личности, общества и государства от преступных посягательств, наказывать совершивших преступления и не привлекать к уголовной ответственности невиновных. Как представляется, в нем нет места злоупотреблению правом, так как достаточно четко, ясно и однозначно определено должное поведение каждого участника уголовно-процессуальной деятельности посредством возложения выполнимых обязанностей, определены условия, обеспечивающие их надлежащее исполнение. В нем есть место нравственному долгу (нравственным нормам общежития), а не постулату действующего уголовно-процессуального закона – не тронь меня, и я тебя не трону, который присущ обществу собственников, когда в законодательстве определяется его предназначение в виде защиты декларативных прав и свобод, а в действительности тем самым сдерживается мощный порыв правоохранительных органов в борьбе с преступностью. Подтверждением описанного состояния исполнения действующего уголовно-процессуального законодательства являются его нормы, определяющие пассивность суда по отношению к установлению истины по уголовному делу; нормы, устанавливающие различные сделки должностных лиц с лицом, в отношении которого осуществляется уголовное преследование; отсутствие субсидиарного иска в случае, когда государственный обвинитель отказался от поддержания государственного обвинения. Такое тревожное положение дел подтверждают результаты проведенного нами анкетирования следователей в Сибирском

федеральном округе России*. Большинство респондентов (97 %) не смогли отграничить предоставляемые им законодателем права от возлагаемых на них обязанностей, объясняя это тем, что у них полномочия, то есть четко выраженных обязанностей нет. Они руководствуются своим усмотрением, учитывая указания своих руководителей и надзирающего прокурора. При этом пояснили, что применяют законодательство так, чтобы их решения и действия не были обжалованы участниками уголовного дела и отменены контролирующими и надзирающими субъектами. Главным при оценке своей профессиональной деятельности 100 % респондентов назвали достижение установленных показателей. Как видим, уголовно-процессуальная деятельность осуществляется следователями не во имя защиты интересов личности, общества и государства, а ради личных достижений. Данная ситуация возможна только тогда, когда «закон, что дышло: куда повернешь, туда и вышло». При четко прописанном должном поведении, особенно субъектов, осуществляющих производство по уголовному делу, исключено какое-либо с их стороны злоупотребление правом в угоду достижения личных или корпоративных интересов и, соответственно, во вред истинному назначению уголовного судопроизводства.

Следует обратить внимание, что в действующем уголовно-процессуальном законодательстве слово «обязанность» законодатель прямо использует довольно редко (примерно 35 случаев). В большей части норм содержится как бы намек на должное поведение, особенно должностных лиц. Как верно отмечает Л. Н. Масленникова, такую регламентацию практически работники в основном воспринимают как предоставленные им правовые возможности (возможное поведение), а не как обязанности (должное поведение). При этом, по ее мнению, Конституционный Суд Российской Федерации при официальном толковании указанных норм воспринимает поведение государственных органов и должностных лиц как их обязанности [11, с. 40–41]. В данном случае существует проблема формулировки содержания обязанностей, которую Конституционный Суд РФ пытается разрешить путем их толкования, используя в своих решениях достаточно ясные и однозначные выражения, определяющие должное поведение субъектов уголовного процесса.

Полагаем, что неконкретное урегулирование обязанностей в действующем УПК РФ способствует неэффективному правовому регулированию в целом в сфере уголовного судопроизводства, так как мы получаем разбалансированную систему уголовно-процессуального права – при отсутствии одного из основных компонентов регулирования нет оптимального и эффективного взаимодействия государства и личности в уголовном процессе.

Результаты изучения содержащихся в вышеперечисленных актах положений свидетельствуют о том, что должное поведение участников уголовного судопроизводства обеспечивалось и обеспечивается, хотя и в ненадлежащей мере, посредством императивного метода регулирования общественных отношений, возникающих между названными участниками, то есть путем воздействия на участников уголовного процесса через применение к ним обязывающих и запрещающих норм. Данные нормы исключают какое-либо право выбора своего поведения, в силу чего участник должен безусловно подчиняться предписанию закона. Примером обязывающей нормы является ч. 1, п. 2.2 ч. 2 ст. 96 УПК РФ, которая обязывает следователя, осуществившего задержание подозреваемого, являющегося адвокатом, в течение 12 часов уведомить об этом адвокатскую палату субъекта Российской Федерации, членом которой является подозреваемый. Примерами запрещающих УПК РФ являются положения, в которых содержатся требования о воздержании совершать какие-либо действия (названные в норме) участнику уголовного судопроизводства. Так, согласно п. 2 ч. 4 ст. 59 УПК РФ, лицо не вправе разглашать данные предварительного расследования, ставшие ему известными в связи с участием в производстве по уголовному делу в качестве переводчика, если он был об этом заранее

* Был проведен опрос 120 следователей, осуществляющих свою деятельность на территории субъектов Сибирского федерального округа. Анкетирование проходило на базе Института повышения квалификации ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации» в г. Новосибирске.

предупрежден в порядке, установленном ст. 161 УПК РФ. Согласно ч. 1 ст. 9 УПК РФ, в ходе уголовного судопроизводства запрещается осуществление действий и принятие решений, унижающих честь участника уголовного судопроизводства, а также обращение, унижающее его человеческое достоинство либо создающее опасность для его жизни и здоровья. В данных случаях законодатель вместо ясного и однозначно понимаемого слова «обязан» использует такие регулятивные термины, как «не вправе», «не должен», «не может», «запрещается», «недопустимо» и т. д. [15].

Таким образом, из анализа рассмотренных выше источников уголовного процесса мы видим, что данный вид деятельности собственно-то и начался с обязанностей, и в последующем, вплоть до наших дней, они и являются основой существования и упорядоченного функционирования уголовного судопроизводства. Если, как пишет В. А. Середнев, вспомнить всю социальную жизнь России, начиная с Древней Руси, то мы увидим Россию как «тягловое государство», где традиционно обязанности имели преобладание, доминировали над правами [14, с. 64]. Полагаем, что этому имеется свое объяснение, так как длительное время, начиная еще с древних времен, в России преобладало консервативное (восточное) мировоззрение. Целью любой деятельности, в том числе и уголовно-процессуальной, являлись интересы, а не права, как при либеральном мировоззрении. Интересы (личные, публичные, религиозные, светские, сомодержавия, власти, общества), а не права были высшей ценностью. Это понимание смысла жизни в России и обеспечивало традиционное консервативное мировоззрение, которое передавалось из поколения в поколение. Надлежащее исполнение обязанности всегда выступало способом достижения интереса. В большей степени это была обязанность каждого субъекта по отношению к другому субъекту, к обществу в виде нравственного долга. Однако на протяжении уже более 30 лет в России побеждает либеральное мировоззрение, к сожалению, в котором преобладает эгоизм. Права стали доминировать над долгом, в итоге это достаточно негативно отразилось на осуществлении назначения уголовного судопроизводства. Уголовно-процессуальное право как публичное право всегда было нацелено на борьбу с преступностью путем установления истинной картины произошедшего преступного события и непосредственного его виновника; сегодня оно превращается в инструмент защиты мифических прав посредством простого формализма при безынициативности органов расследования, прокурора и суда, заботящихся только о достижении показателей (в том числе и прибегая к злоупотреблению правом), свидетельствующих о вымышленной эффективности деятельности, а не о торжестве добра и правды, как завещал роду человеческому Бог.

Изучение проблемы уголовно-процессуальных обязанностей также приводит нас к теоретическим источникам, в которых отражается весь процесс формирования знаний об основах теории данных обязанностей, начиная с истоков возникновения теории уголовно-процессуальных обязанностей, ее развития и до современного состояния.

Рассмотрим результаты некоторых исследований об основах теории уголовно-процессуальных обязанностей, проанализировав содержание ее компонентов и связей между ними.

Отправным элементом в теории уголовно-процессуальных обязанностей, безусловно, является понятие «обязанности участника уголовного судопроизводства». К сожалению, в нормах уголовно-процессуального права отсутствует определение указанного понятия. Данное обстоятельство объясняется очень просто – изучение сущности такой правовой категории, как «юридическая обязанность», которая по отношению к категории «уголовно-процессуальная обязанность» является базовой, изначально принадлежит общей теории права.

Действительно, разработка научного категориального аппарата теории юридических обязанностей принадлежит теоретикам права: Л. И. Петражицкому, Л. Л. Гервагену, С. С. Алексею, С. Н. Братусю, Н. Г. Александрову, С. Ф. Кечекьяну, Г. В. Мальцеву, Н. И. Матузову, Б. С. Эбзееву, Н. В. Витруку, Б. М. Семенко, И. В. Коршуновой, Р. Р. Каримовой и многим другим. Ими сформулированы достаточно многочисленные понятия юридической обязанности, опреде-

лены ее природа, признаки и классификация, разработана ее структура, установлены формы ее выражения. Обосновано ее значение в праве как основного элемента правового статуса субъекта права, как элемента правоотношения и как основного средства правового регулирования. При этом заявлено, что юридическая обязанность является основой права. Также разработан механизм реализации юридических обязанностей.

Особый вклад в продвижение теории обязанностей в России, вслед за почитаемым русским святым, преподобным Иосифом Волоцким, а также главным теоретиком «служилого» государства Иваном Пересветовым, внес евразийский государствовед Н. Н. Алексеев, который предлагал альтернативной концепции права, утвердившейся на Западе, считать на территории России концепцию обязанности. Раскрывая данную проблему, Н. Н. Алексеев пишет: «В противоположность западной жизни наше государство сложилось при преимущественном преобладании начала обязанности над началом права...». Он даже считал, что в России необходимо принять такую Конституцию, чтобы ее основой являлась Декларация обязанностей государства [1, с. 164].

В современной России также имеются его единомышленники, однако их недостаточно, поэтому в Конституции Российской Федерации имеется значительный перевес прав над обязанностями. Тем не менее, в последнее десятилетие тема обязанностей в исследованиях теоретиков права значительно возросла, и в юридической науке наблюдается подъем научного интереса к познанию сущности данной правовой категории и определению ей достойного места и роли в механизме регулирования правоотношений.

Подводя итог первой части нашего исследования, на основании вышеизложенного мы можем утверждать, что из анализа юридических источников права, посвященных регулированию отношений, возникающих в сфере уголовного судопроизводства, основным элементом механизма уголовно-процессуального регулирования поведения субъектов в указанных правоотношениях являлась и является юридическая обязанность, которую можно определить как движущую силу уголовного судопроизводства. Ее правовое значение настолько существенно, что при ее отсутствии в нормах уголовно-процессуального законодательства не достижима цель уголовного процесса.

Анализ источников теории права показывает, что в данной основополагающей части юридической науки сформировалась область знаний, наличие которых свидетельствует о существовании теории юридических обязанностей, одним из видов которых являются уголовно-процессуальные обязанности. При этом существенный вклад в разработку теории юридических обязанностей относительно их места и роли в регулировании уголовно-процессуальных отношений внесли исследователи науки уголовного процесса, которые, безусловно, занимались и проблемами в области уголовно-процессуальных обязанностей. Накопленные знания об уголовно-процессуальных обязанностях определили наличие самостоятельной теории уголовно-процессуальных обязанностей как части общей теории юридических обязанностей в юридической науке.

Литература

1. Алексеев Н. Н. Обязанность и право // Русский народ и государство. М.: АГРАФ, 2000.
2. Бахта А. С. Механизм уголовно-процессуального регулирования: монография. Хабаровск: ДВЮИ МВД России, 2010.
3. Грин И. В. Права и обязанности в уголовном процессе. М., 1912.
4. Гродзинский М. М. Обвиняемый, его обязанности и права в процессе. М., 1926.
5. Зинатуллин З. З. Уголовно-процессуальные функции: учеб. пособие. Ижевск: Изд-во Удмуртского гос. ун-та, 1994.
6. Кожевников Л. Л. Обязанности обвиняемого: понятие, виды, проблемы правовой регламентации и обеспечения условий надлежащего выполнения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2003.
7. Корнуков В. М. Конституционные основы положения личности в уголовном судопроизводстве / под ред. В. А. Познанского. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1987.
8. Корнуков В. М. Личность в уголовном судопроизводстве: проблема обязанностей // Советское государство и право. 1988. № 7.

9. Курс советского уголовного процесса. Общая часть / В.Б. Алексеев [и др.]; под ред. А.Д. Бойкова, И.И. Карпеца. М.: Юрид. лит., 1989.
10. Лобанов А.П. Функции уголовного преследования и защиты в российском судопроизводстве. Тверь, 1996.
11. Масленникова Л.Н. Субъективные права и юридические обязанности – внутрисистемные факторы, определяющие тенденции в развитии уголовного судопроизводства // Вестник университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 2.
12. Матузов Н.И., Семенко Б.М. Исследование проблем юридических обязанностей граждан СССР // Советское государство и право. 1980. № 12.
13. Санников А.С. Обязанности участников уголовного судопроизводства стороны обвинения в досудебном производстве: учеб. пособие. Екатеринбург: Уральский юрид. ин-т МВД России, 2013.
14. Середнев В.А. К вопросу понятия «права» и «обязанности»: сравнительный анализ в либеральном западном и традиционном русском сознании (рассмотрение через систему уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности) // Отечественная юриспруденция. 2016. № 7 (9).
15. Соловьев Д.Н. Актуальные вопросы языкового выражения дозволений, запретов и предписаний в уголовно-процессуальном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2011.
16. Уголовный процесс: учебник / под ред. М.А. Чельцова. М.: Юрид. лит., 1969.
17. Философия науки в вопросах и ответах: учеб. пособие для аспирантов / В.П. Кохановский [и др.]. Ростов н/Д: Феникс, 2006.
18. Чельцов-Бебутов М.А. Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. СПб.: Равенна; Альфа, 1995.
19. Якимович Ю.К. Участники уголовного процесса: монография. СПб.: Юрид. центр, 2015.

УДК 343.13

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ ПО ДЕЛАМ О ПРИМЕНЕНИИ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА

Максим Анатольевич Мамошин, доцент кафедры Дальневосточного юридического института МВД России, кандидат юридических наук

E-mail: mister.maxim83@yandex.ru

В статье рассматриваются некоторые проблемы производства предварительного следствия по делам о применении принудительных мер медицинского характера. На основе анализа уголовно-процессуального законодательства, точек зрения ученых-процессуалистов, а также правоприменительной деятельности автор предлагает некоторые пути совершенствования данного института в целях его эффективного функционирования.

Ключевые слова: психическое расстройство; подозреваемый; обвиняемый; экспертиза; следственные действия.

FEATURES OF THE PRELIMINARY INVESTIGATION IN CASES OF THE USE OF COERCIVE MEASURES OF A MEDICAL NATURE

Maxim Anatolyvich Mamoshin, department associate professor of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, *kandidat nauk*, degree in Law

The article deals with some problems of the preliminary investigation in cases of the use of coercive measures of a medical nature. On the basis of the analysis of the criminal procedure legislation, the points of view of scientists-procedural, as well as law enforcement activities, the author expresses his own position on the improvement of this institution for its effective functioning.

Keywords: mental disorder; suspect; accused; expertise; investigative action.

Расследование преступлений, совершенных душевнобольными лицами, имеет свою специфику и сопряжено с определенными сложностями, отчасти вызванными недостаточной регламентацией процессуального порядка предварительного следствия действующим Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации. Характерной особенностью расследования дел данной категории является специальный предмет доказывания, закрепленный в ч. 2 ст. 434 УПК РФ.

Некоторые авторы считают, что перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию по делам о применении принудительных мер медицинского характера, не является исчерпывающим, и высказывают мысль о его дополнении. Так, Л. Г. Татьяна отмечает, что ч. 2 ст. 434 УПК РФ может быть дополнена вопросом о возможности лица, совершившего запрещенное уголовным законом деяние, принимать участие при производстве процессуальных действий [3, с. 29]. На наш взгляд, данное предложение является сомнительным, т. к. психическое заболевание такого лица препятствует производству большинства процессуальных действий (в том числе и следственных) с его участием. Поэтому следователь в любом случае должен определить степень и характер психического расстройства подозреваемого (обвиняемого) в момент производства по уголовному делу.

Полагаем, что определенный в ч. 2 ст. 434 УПК РФ перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию, может быть дополнен пунктом о необходимости устанавливать влияние психического состояния лица на способность осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими в момент совершения противоправного деяния, а также осознавать фактический характер своих действий или руководить ими на момент производства по делу.

Данное предложение основывается на изучении судебно-следственной практики, которая показывает, что указанное выше обстоятельство приводится в заключениях судебно-психиатрической экспертизы и учитывается судом при принятии решения.

Так, в постановлении суда по одному из уголовных дел было указано следующее. Согласно заключению комиссии экспертов Краевого центра судебной психиатрии, Ш. страдает хроническим психическим расстройством в форме органического расстройства личности сложного (посттравматического, токсического) генеза вследствие эпилепсии с частными генерализованными судорожными пароксизмами, с умеренно выраженными интеллектуально-мнестическими и выраженными эмоционально-волевыми нарушениями, психическими и поведенческими нарушениями в результате употребления алкоголя (алкоголизм). Имеющиеся у Ш. нарушения психики выражены столь значительно, что в юридически значимый период лишали ее возможности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими*.

Установив наличие психического расстройства у лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, следователь может проследить динамику его психического состояния, а также поставить вопрос о хроническом расстройстве психики.

Важно своевременно определить психическое состояние лица в момент производства предварительного следствия, поскольку это обстоятельство напрямую связано с обеспечением его прав в уголовном судопроизводстве.

При расследовании уголовных дел в отношении душевнобольных лиц следователь должен определить, связано ли психическое расстройство лица с опасностью для него или других лиц либо возможностью причинения им иного существенного вреда.

Для выяснения обстоятельств, связанных с наличием у лица, совершившего общественно опасное деяние, психического заболевания, следователю необходимо назначить судебно-пси-

* Постановление Верхнебуруинского районного суда Хабаровского края от 26 августа 2015 г. по уголовному делу № 1-115/2015. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/Cudwhv3ZF4YH/> (дата обращения: 21.06.2019).

хиатрическую экспертизу, т. е. определить степень вменяемости подозреваемого (обвиняемого) и его способность самостоятельно защищать свои права и законные интересы в уголовном судопроизводстве. Следует отметить, что производство судебно-психиатрической экспертизы по делам о применении принудительных мер медицинского характера является обязательным.

Исходя из смысла ст. 196 УПК РФ, судебно-психиатрическая экспертиза подлежит незамедлительному назначению при возникновении у следователя сомнений в психическом состоянии лица, в отношении которого ведется производство по уголовному делу. Любое промедление и необоснованное затягивание с принятием данного решения влечет нарушение прав и интересов личности, что запрещено законом.

Возможно ли назначение и производство судебно-психиатрической экспертизы в стадии возбуждения уголовного дела?

Согласно ч. 1 ст. 144 УПК РФ, следователь при проверке сообщения о преступлении вправе назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок. Вместе с тем необходимо понимать, что судебно-психиатрическая экспертиза проводится только в отношении подозреваемого, обвиняемого или потерпевшего, т. е. участников уголовного процесса, юридический статус которых формируется на стадии предварительного расследования. На этапе проверки сообщения о преступлении данные участники отсутствуют, и это обстоятельство является препятствием для вынесения постановления о назначении судебно-психиатрической экспертизы в стадии возбуждения уголовного дела.

Более того, надо понимать, что душевнобольное лицо утрачивает статус подозреваемого, обвиняемого при установлении факта психического заболевания, подтвержденного заключением эксперта. Таким образом, следователь лишен возможности незамедлительно принять решение о назначении судебно-психиатрической экспертизы, если речь идет о стадии возбуждения уголовного дела.

Аналогичная ситуация складывается с проведением предварительной проверки дознавателем. Дознание по делам о преступлениях, совершенных психически невменяемыми лицами, проводится не может, они должны расследоваться в форме предварительного следствия. Но в стадии возбуждения уголовного дела у дознавателя нет возможности назначить судебно-психиатрическую экспертизу и удостовериться в невменяемости лица, в отношении которого проводится проверка. Следовательно, при наличии фактических данных, указывающих на признаки преступления, дознаватель возбуждает уголовное дело, после чего в отношении подозреваемого назначается и проводится судебно-психиатрическая экспертиза. Если факт наличия заболевания психики у подозреваемого подтверждается, возбужденное уголовное дело подлежит передаче по подследственности в орган предварительного следствия. Однако такой многоступенчатый порядок не делает расследование быстрым и эффективным, а также не способствует соблюдению прав и интересов личности. На наш взгляд, законодателю следует проработать механизмы, которые бы позволяли назначать и проводить судебно-психиатрическую экспертизу до возбуждения уголовного дела незамедлительно, если у следователя, дознавателя возникли сомнения во вменяемости лица, в отношении которого осуществляется проверка сообщения о преступлении.

Если в ходе расследования уголовного дела у следователя возникают сомнения в психическом состоянии подозреваемого (обвиняемого), он должен вынести постановление о назначении судебно-психиатрической экспертизы, где излагаются обстоятельства, на основании которых следователь пришел к такому выводу. Например, в ходе допроса подозреваемого (обвиняемого) следователь усмотрит странность в его поведении, выражающуюся в неспособности адекватно воспринимать окружающую действительность и отвечать на задаваемые вопросы.

Оформляя постановление о производстве судебно-психиатрической экспертизы, следователь должен юридически грамотно поставить вопросы перед экспертом, с учетом понятийного аппарата судебной психиатрии.

По результатам производства судебно-психиатрической экспертизы эксперт составляет заключение, в котором отражаются результаты проведенного исследования.

Отметим, что в уголовно-процессуальной литературе существует дискуссия относительно компетенции эксперта, суда и следователя по поводу вопроса об определении невменяемости лица, в отношении которого ведется производство по уголовному делу.

Профессором М. С. Строговичем высказывалась точка зрения, что в заключении судебно-психиатрической экспертизы дается ответ о состоянии психики лица, в отношении которого проведена экспертиза, а вопрос о невменяемости данного лица может быть решен только следователем или судом, поскольку понятие невменяемость хотя и имеет медицинское (психиатрическое) происхождение, но все же является юридической категорией [3, с. 498].

Согласно мнению сторонников противоположной позиции, установление вменяемости или невменяемости лица не может быть отнесено к исключительной прерогативе следствия и суда, так как для решения указанного вопроса необходимы познания в области психиатрии [1, с. 137].

Мы поддерживаем позицию М. С. Строговича, соглашаясь с тем, что эксперт, проведя судебно-психиатрическую экспертизу, должен в своем заключении изложить выводы о психическом состоянии лица, но не предрешать вопрос о его вменяемости или невменяемости.

Следователь, изучая заключение судебно-психиатрической экспертизы, проводит оценку обоснованности и законности методов исследования и сделанных экспертом выводов. Если будут выявлены нарушения закона при производстве экспертизы, то следователь в соответствии с ч. 3 ст. 88 УПК РФ должен по своей инициативе признать заключение судебно-психиатрической экспертизы недопустимым доказательством и решить вопрос о назначении повторной экспертизы.

Одной из особенностей предварительного следствия по делам о применении принудительных мер медицинского характера является то, что в таких случаях производится помещение подозреваемого (обвиняемого) в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, если установлен факт психического заболевания у лица, в отношении которого применена мера пресечения в виде заключения под стражу (ч. 1 ст. 435 УПК РФ), либо если при назначении или производстве судебно-медицинской или судебно-психиатрической экспертизы возникает необходимость в стационарном обследовании подозреваемого (обвиняемого) (ч. 1 ст. 203 УПК РФ).

Следующая проблема состоит в допустимости применения к психически больным лицам мер пресечения.

Отдельные авторы высказывают мнение о недопустимости применения мер пресечения к лицам, в отношении которых ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, а также о необходимости отмены ранее принятых к таким лицам мер пресечения [5, с. 686].

В противовес этой позиции, на страницах юридической печати можно встретить суждения, что меры пресечения в отношении душевнобольных лиц подлежат избранию на общих основаниях, установленных уголовно-процессуальным законодательством. Одни авторы объясняют такую возможность тем, что судопроизводство о применении принудительных мер медицинского характера в соответствии с ч. 3 ст. 433 УПК РФ осуществляется согласно общим положениям уголовно-процессуального законодательства с изъятиями, предусмотренными гл. 51 УПК РФ, а учитывая отсутствие прямого законодательного запрета на применение к душевнобольным лицами мер пресечения, они подлежат избранию в общем порядке [2, с. 88].

На наш взгляд, позиция тех авторов, которые допускают возможность избрания в отношении душевнобольных лиц мер пресечения, не выдерживает никакой критики. Согласно ч. 1 ст. 97 УПК РФ, меры пресечения избираются следователем, дознавателем в отношении обвиняемого, подозреваемого при наличии определенных оснований. Лицо же, страдающее психическим заболеванием, не может считаться подозреваемым, обвиняемым, а если оно таковым было признано до момента производства судебно-психиатрической экспертизы, в результате которой следователь, дознаватель пришел к выводу о невменяемости данного лица, то оно утрачивает статус подозреваемого, обвиняемого. Получается, что никакого статуса участника в уголовном процессе душевнобольное лицо иметь не может, т.к. УПК РФ эту проблему никак не обозначает, но над ней уже достаточно давно работают ученые-процессуалисты. Вместе с тем, исходя из содержания ч. 1 ст. 437 УПК РФ, лицо, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, может воспользоваться правами подозреваемого, обвиняемого, если его психическое состояние позволяет ему осуществлять эти права.

Возникает вопрос: как обеспечить надлежащее поведение душевнобольного лица, совершившего преступление (особенно тяжкое), на момент производства предварительного следствия и судебного разбирательства? Ведь меры пресечения и есть тот институт, который позволяет решить данную проблему, создать для подозреваемого, обвиняемого условия, в которых ему придется считаться с правосудием, и обеспечить нормальный ход уголовного судопроизводства. Частично данный вопрос решается в ч. 1 ст. 435 УПК РФ, где говорится, что при установлении факта психического заболевания лица, к которому в качестве меры пресечения применено содержание под стражей, по ходатайству следователя, с согласия руководителя следственного органа, а также дознавателя, с согласия прокурора, суд в порядке ст. 108 УПК РФ принимает решение о переводе данного лица в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях.

Но как быть в ситуации, когда к подозреваемому, обвиняемому до установления факта психического заболевания не применялось заключение под стражу или вообще какая-либо другая мера пресечения? На наш взгляд, законодателю следует предусмотреть возможность включения в УПК РФ специальной меры принуждения в отношении лица, страдающего психическим заболеванием, например, это может быть отдача под присмотр законного представителя, в том случае, когда лицом совершено преступление, не относящееся к категории тяжкого, и когда отсутствуют опасения, что это лицо представляет опасность для окружающих. При совершении тяжкого преступления и (или) наличии угрозы безопасности для окружающих лицо, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, должно помещаться в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, что соразмерно заключению под стражу. Для точного обеспечения прав лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, в УПК РФ следует предусмотреть процессуальный порядок избрания вышеобозначенных специальных мер принуждения.

УПК РФ не регламентирует вопросы, связанные с возможностью производства в отношении психически нездорового лица следственных и иных процессуальных действий. Полагаем, что данная ситуация должна решаться самим следователем, которому необходимо выяснить, позволяет ли психическое состояние лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, участвовать в этих действиях. Считаем, что ряд следственных действий (следственный эксперимент, проверка показаний на месте и др.), требующих серьезной организационной подготовки, привлечения большого количества участников, вообще не должны проводиться в отношении лица, страдающего психическим заболеванием. Что касается таких следственных действий, как допрос, очная ставка, то их производство возможно, если состояние здоровья душевнобольного по-

звolyет ему в них участвовать и следователь рассчитывает извлечь из его показаний значимую для дела информацию.

В связи с этим считаем целесообразным внести уточнение в УПК РФ, касающееся видов следственных действий, которые при определенных обстоятельствах могут проводиться с участием лица, страдающего психическим заболеванием, а именно дополнить ч. 1 ст. 437 УПК РФ следующим положением: «... При наличии достаточных оснований следователь производит с участием лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, такие следственные действия, как допрос, очная ставка, предъявление для опознания, судебная экспертиза ...».

На наш взгляд, название ст. 438 УПК РФ не совсем корректно, учитывая ее дислокацию в гл. 51, регламентирующей производство о применении принудительных мер медицинского характера. Как мы уже ранее отмечали, лицо, страдающее психическим заболеванием, не может выступать в статусе подозреваемого, обвиняемого, а значит, речь должна идти об участии не защитника, а адвоката. Соответственно предлагаем изменить название ст. 438 УПК РФ с «Участие защитника» на «Участие адвоката». В ее содержании по тексту заменить слово «защитник» на «адвокат».

В завершение необходимо отметить, что институт производства о применении принудительных мер медицинского характера требует своего совершенствования, поскольку судопроизводство по делам данной категории представляет практическую сложность, во-первых, ввиду участия в нем психически нездорового лица и непредсказуемости его поведения, а во-вторых, ввиду отсутствия четкости законодательных норм по ведению предварительного следствия, что ставит правоприменителя в трудное положение и препятствует решению поставленных задач.

Литература

1. Ахмедов И. Институт невменяемости // Сборник научных статей студентов юридического факультета СКФ РПА Минюста России. Махачкала, 2014. Вып. 30.
2. Мищенко Е. В. Принудительные меры медицинского характера в уголовном судопроизводстве: монография. М.: Юрлитинформ, 2010.
3. Строгович М. С. Уголовный процесс: учебник. М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1946.
4. Татьяна Л. Г. Процессуальные проблемы производства по уголовным делам с участием лиц, имеющих психические недостатки: вопросы теории и практики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Ижевск, 2004.
5. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. П. А. Лупинская, Л. А. Воскобитова. М.: Норма, 2013.

УДК 343.1

ИНСТИТУТ ГРАЖДАНСКОГО ИСКА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ПОНЯТИЕ, СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Надежда Леонидовна Васильева, доцент кафедры Дальневосточного юридического института МВД России, кандидат юридических наук

E-mail: nadya422@rambler.ru

В статье рассматриваются особенности института гражданского иска в российском уголовном процессе, а также определяются проблемы, связанные с его реализацией. Обращается внимание на то, что нормы, регулирующие порядок рассмотрения гражданского иска в рамках уголовного судопроизводства, не систематизированы и носят разрозненный характер. Автором на основе анализа норм уголовно-процессуального законодательства России и Республики Казахстан, международных документов высказывается собственная точка зрения по совершенствованию процедуры предъявления и рассмотрения гражданского иска в российском уголовном процессе.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; гражданский иск; потерпевший; уголовное дело; компенсация вреда.

INSTITUTE OF CIVIL ACTION IN THE CRIMINAL PROCESS: DEFINITION, CURRENT STATE

Nadezhda Leonidovna Vasilyeva, department associate professor of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, *kandidat nauk*, degree in Law

The article discusses the features of the institution of a civil lawsuit in the Russian criminal process, as well as identifies problems associated with its implementation. Attention is drawn to the fact that the rules governing the procedure for considering a civil claim in the framework of criminal proceedings are not systematized and are fragmented. Based on an analysis of the norms of criminal procedural law of the Russia and the Republic of Kazakhstan, international documents, the author expresses her own point of view on improving the procedure for bringing and considering a civil lawsuit in the Russian criminal process.

Keywords: criminal proceedings; civil action; injured party; criminal case; compensation for harm.

Уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации (ст. 6) среди задач уголовного судопроизводства определяет, с одной стороны, защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, с другой – защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

Системный анализ ч. 1 и 2 ст. 6 УПК РФ показывает, что во всех случаях преобладающей задачей уголовного судопроизводства является назначение справедливого наказания. Между тем, по смыслу ст. 2, 45, 52 Конституции РФ, обязанность государства заключается не только в предотвращении и пресечении в установленном законом порядке посягательств, способных причинить вред и нравственные страдания личности, но и в обеспечении потерпевшего от преступления возможностью отстаивать свои права и законные интересы любыми не запрещенными законом способами, включая компенсацию ущерба. Не случайно на эти обстоятельства обращается внимание в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 г. № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве».

Одним из способов защиты субъективных прав граждан, пострадавших от преступления, является предъявление гражданского иска.

Статистические данные о количестве рассмотренных и удовлетворенных гражданских исков в рамках уголовного судопроизводства в судах первой инстанции отражены в следующей таблице*.

Год	В рамках уголовного судопроизводства в судах первой инстанции:	
	рассмотрено гражданских исков, кол-во	полностью или частично удовлетворено гражданских исков, %
2007	145453	87,26
2008	136573	88,39
2009	138508	89,8
2010	162186	89,96
2011	147097	88,93
2012	134650	88,57
2013	125779	88,49
2014	123730	82,19
2015	119875	78,68
2016	118189	79,7
2017	114485	79,33
2018	105515	78,91
1-е по-лугод. 2019	53311	72,73

Обращает на себя внимание тот факт, что в 2018 г. судами первой инстанции было удовлетворено гражданских исков на сумму 44870 788313 руб., а в первом полугодии 2019 г. эта сумма составила 29084 137430 руб. В среднем сумма по одному удовлетворенному иску в 2018 г. равнялась 538924 руб., а в первом полугодии 2019 г. – 750094 руб.**

Следует отметить, что первые нормы, регламентирующие институт гражданского иска в уголовном процессе, появились в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г., который был принят в результате проводимой в России судебной реформы. В последующем А. Ф. Кони, давая оценку правовой регламентации гражданского иска в уголовном судопроизводстве, писал, что это является одной из наименее разработанных частей уголовного процесса [7, с. 40].

В современной доктрине уголовно-процессуального права ведется дискуссия относительно целесообразности закрепления в законодательстве института гражданского иска в уголовном процессе.

По мнению одних ученых, гражданский иск в уголовном процессе необходим, поскольку он является средством защиты прав и законных интересов потерпевшего от преступления [8, с. 43]. Другие исследователи, возражая, говорят об отсутствии смысла и логической необходимости добавления в уголовный процесс цивилистических начал [3, с. 30].

* Отчет о работе судов первой инстанции по рассмотрению уголовных дел за 2007–первое полугодие 2019 г. URL: <http://www.cdep.ru>

** Отчет о работе судов первой инстанции по рассмотрению уголовных дел за 2007–первое полугодие 2019 г. URL: <http://www.cdep.ru>

Обобщая существующие в научной литературе точки зрения, И. Б. Тутьнин и В. Г. Любан указывают, что большинство ученых придерживаются позиции о необходимости сохранения института гражданского иска в уголовном процессе [12, с. 36].

Однако, как справедливо указывает В. В. Владимирова, даже среди сторонников сохранения в уголовном процессе гражданского иска нет единства относительно определения места данного института в уголовном судопроизводстве, а также соотношения норм уголовно-процессуального и гражданского процессуального права по вопросу гражданского иска [4, с. 48].

В науке уголовного процесса, исходя из анализа уголовно-процессуальной литературы, можно выделить четыре основных подхода относительно понимания сущности рассматриваемого уголовно-процессуального института.

Сторонники первого подхода рассматривают гражданский иск как самостоятельный уголовно-процессуальный институт [8, с. 44].

Сторонники второго подхода придерживаются мнения, что гражданский иск представляет собой комплексный уголовно-процессуальный институт, состоящий из совокупности взаимообусловленных правовых норм, регулирующих общественные отношения, которые складываются в сфере уголовного судопроизводства по поводу имущественных последствий преступления [5, с. 13–14].

Сторонники третьего подхода полагают, что гражданский иск является межотраслевым институтом, то есть институтом уголовно-процессуального и гражданского процессуального права [13, с. 55].

Сторонники четвертого подхода считают, что гражданский иск следует относить к институту гражданского процессуального права, который при определенных условиях может применяться для урегулирования некоторых имущественных отношений, непосредственно связанных с производством по уголовному делу [11, с. 97].

Также не остается без внимания исследователей проблема правовой регламентации процедуры рассмотрения гражданского иска в уголовном процессе.

Так, по мнению Р. Д. Рахимова, при производстве по гражданскому иску в рамках уголовного дела суд должен руководствоваться только нормами уголовно-процессуального законодательства [10, с. 254].

Говоря о недопустимости рассмотрения гражданского иска в рамках уголовного судопроизводства, В. М. Борзов ссылается на отсутствие в законе надлежащей регламентации данной процедуры [3, с. 30].

Отсутствие единого мнения о допустимости рассмотрения гражданского иска в рамках уголовного судопроизводства обусловлено тем, что в УПК РФ нормы, регулирующие порядок рассмотрения гражданского иска в рамках уголовного судопроизводства, не систематизированы и носят разрозненный характер. Наиболее полно регламентирован лишь механизм реализации права на реабилитацию лица, подвергнутого уголовному преследованию, которому посвящена отдельная глава УПК РФ. В этой главе законодатель подробно детализировал основания возникновения права на реабилитацию и порядок возмещения имущественного и морального вреда, причиненного гражданину в результате уголовного преследования, чего нельзя сказать о гражданах, пострадавших в результате совершения преступления.

Так, во-первых, отдельные особенности подачи гражданского иска содержатся в ст. 44 УПК РФ, по смыслу наименования которой законодателем должен раскрываться уголовно-процессуальный статус гражданского истца, но никак не основания и условия подачи гражданского иска, отказа от него.

Например, в ч. 1 указанной статьи определено, что гражданским ответчиком может быть признано лицо, которое предъявило требование о возмещении имущественного вреда. Что это за требование, в какой форме оно должно быть подано, законодателем не уточняется. Обращает на себя внимание то, что такое требование может быть удовлетворено лишь при на-

личии оснований полагать, что данный вред причинен ему непосредственно преступлением. Кто должен решать вопрос о наличии таких оснований для удовлетворения требования, также не указывается. Косвенно ответ на это вопрос можно найти, исходя из анализа ч. 1 ст. 44 УПК РФ, согласно которой решение о признании лица гражданским истцом оформляется определением суда или постановлением судьи, следователя, дознавателя, то есть указанными лицами.

Во-вторых, учитывая первое, в ст. 42 УПК РФ, определяющей уголовно-процессуальный статус потерпевшего, содержится норма, согласно которой данному участнику уголовного процесса обеспечивается возмещение имущественного вреда, причиненного преступлением. При этом ч. 4 указанной статьи содержит правоустановление о том, что по иску потерпевшего о возмещении в денежном выражении причиненного ему морального вреда размер возмещения определяется судом при рассмотрении уголовного дела или в порядке гражданского судопроизводства.

Однако в данной статье не закреплена обязанность лиц, осуществляющих предварительное расследование, разъяснять потерпевшему о его праве на подачу гражданского иска для возмещения вреда, причиненного преступлением. Подобная обязанность установлена только в случае, когда прекращается уголовное дело по основаниям, предусмотренным п. 2–6 ч. 1 ст. 24, ст. 25, п. 2–6 ч. 1 ст. 27 и ст. 28 УПК РФ (ч. 4 ст. 213 УПК РФ).

Восполнение этого пробела фактически обеспечивается Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 г. № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве», в котором судьям указывается на необходимость установления факта разъяснения органами предварительного расследования потерпевшему его права на предъявление гражданского иска и принятие соответствующих действий, если такое разъяснение не проводилось и мероприятия по реализации этого права не осуществлялись.

В-третьих, подсудность рассмотрения гражданского иска раскрывается в ч. 10 ст. 31 УПК РФ, которая определяет подсудность уголовных дел.

В-четвертых, виды мер по обеспечению гражданского иска и порядок их реализации предусматриваются ст. 116–116, 160.1 и 230 УПК РФ.

В-пятых, вопросы относительно гражданского иска при постановлении приговора определяются в ст. 306, 309 и 351 УПК РФ.

Еще одна проблема, связанная с определением сущности гражданского иска в уголовном процессе, заключается в различии принципов, на которых базируется уголовно-процессуальное и гражданское процессуальное законодательство.

Так, в уголовном судопроизводстве процессуальная деятельность строится на принципе публичности. Несмотря на то, что в действующем уголовно-процессуальном законодательстве отсутствует нормативное определение рассматриваемого принципа, фактически он выражается в многочисленных уголовно-процессуальных нормах, на которых строится производство по уголовному делу.

В наиболее общем виде принцип публичности в уголовном процессе заключается в том, что подозреваемый или обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность. Бремя доказывания обвинения и опровержения доводов, приводимых в защиту подозреваемого или обвиняемого, лежит на стороне обвинения [2, с. 88].

В свою очередь, гражданское судопроизводство основано на принципах диспозитивности и состязательности. Противоположные стороны гражданского процесса наделены абсолютно равными правами по сбору и предоставлению суду доказательств в обоснование своей позиции, а также несут равное бремя доказывания обстоятельств, на которые они ссылаются [6, с. 118–120].

Учитывая сложную правовую природу гражданского иска, рассматриваемого в рамках уголовного дела, закономерно возникает дилемма относительно определения принципов, которыми следует руководствоваться при рассмотрении гражданского иска в уголовном процессе.

По данному вопросу представляется верной следующая позиция: при рассмотрении гражданского иска в уголовном процессе, как ни парадоксально, следует руководствоваться принципом диспозитивности, поскольку гражданский иск, хотя и заявленный в рамках уголовного судопроизводства, обладает всеми цивилистическими признаками [12, с. 37].

Возвращаясь к проблеме о необходимости существования гражданского иска в уголовном процессе, следует выделить следующие преимущества данного уголовно-процессуального института.

Во-первых, гражданский иск отвечает принципу процессуальной экономии, что выражается в отсутствии необходимости у потерпевшего от преступления неоднократно отстаивать свои права в двух видах судопроизводства (сначала в уголовном, а в последующем в гражданском процессе). Поэтому разрешение гражданского иска в рамках уголовного дела снижает судебную волокиту и положительно сказывается на повышении эффективности восстановления нарушенных прав потерпевшего.

Во-вторых, при рассмотрении гражданского иска облегчается процедура доказывания имущественных требований, поскольку в рамках уголовного дела устанавливается лицо, совершившее запрещенные законом действия, и, как правило, неблагоприятные последствия, наступившие в результате совершения уголовно наказуемого деяния [9, с. 47].

В-третьих, в рамках уголовного судопроизводства потерпевший освобождается от необходимости оплаты государственной пошлины, что достаточно важно в ситуациях, когда в результате совершения преступления потерпевший лишается средств к существованию.

В-четвертых, по некоторым категориям уголовных дел, таких, которые связаны со смертью близких потерпевшему людей вследствие совершенного преступления (например, убийство) или с причинением потерпевшему нравственных и физических страданий (например, истязание, изнасилование), повторное рассмотрение дела в рамках гражданского судопроизводства для разрешения иска становится негуманным.

В свете сказанного обратим внимание на Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г., который в рамках отдельных глав раскрывает процедуру реабилитации и возмещения вреда, причиненного незаконными действиями органа, ведущего уголовный процесс, а также процедуру предъявления гражданского иска (гл. 4 и 20 УПК РК).

Так, УПК Республики Казахстан определены виды гражданских исков, рассматриваемых в уголовном процессе (ст. 166); порядок предъявления гражданского иска (ст. 167); порядок применения правил об основаниях, условиях и способе возмещения ущерба (ст. 168); основания и порядок возвращения искового заявления и отказа от иска (ст. 169); виды решений по гражданскому иску (ст. 170); обеспечение гражданского иска (ст. 171); особенности исполнения приговора и постановления суда в части гражданского иска (ст. 172).

Анализ вышеуказанных и иных правовых норм Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан позволяет выделить ряд особенностей, которые заслуживают особого внимания в части обеспечения защиты лица от уголовного правонарушения.

Во-первых, уголовно-процессуальным законодательством Республики Казахстан прямо предусмотрено, что гражданский иск подается в письменной форме либо в форме электронного документа в соответствии с требованиями, предъявляемыми к искам, рассматриваемым в порядке гражданского судопроизводства.

Во-вторых, неустановление подозреваемого лица не препятствует предъявлению гражданского иска в уголовном деле.

В-третьих, лицам, осуществляющим досудебное расследование, вменяется в обязанность разъяснение потерпевшему права на предъявление гражданского иска в уголовном процессе (ч. 4 ст. 71 УПК РК).

В-четвертых, потерпевшему обеспечивается возмещение имущественного вреда, причиненного уголовным правонарушением (ч. 4 ст. 71 УПК РК). Возмещение такого ущерба регулируется Законом Республики Казахстан от 10 января 2018 г. № 131-VI ЗРК «О Фонде компенсации потерпевшим». Здесь следует отметить, что уголовно-процессуальное законодательство Республики Казахстан приведено в соответствие с международным законодательством, в частности с Декларацией основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью, которая как раз и рекомендует государствам содействовать созданию, укреплению и расширению национальных фондов для предоставления компенсации жертвам преступлений, а также других фондов, в том числе в тех случаях, когда государство, гражданином которого жертва является, не в состоянии возместить жертве причиненный ей ущерб [1, п. 12 и 13].

Подводя итог проведенному исследованию, можно сделать следующие выводы.

Гражданский иск в уголовном процессе представляет собой комплексный правовой институт, имеющий как уголовно-процессуальную, так и гражданско-процессуальную природу, суть которого заключается в возмещении вреда, причиненного преступлением.

В целях обеспечения защиты прав потерпевших в части возмещения причиненного преступлением им вреда, в том числе восполнения пробелов в правовом регулировании, необходима консолидация правовых норм, определяющих процедуру и особенности рассмотрения гражданского иска в уголовном процессе, в рамках отдельной главы УПК РФ. В частности, должны быть определены виды гражданских исков, рассматриваемых в уголовном процессе, способы возмещения вреда, основания и порядок предъявления, рассмотрения, возвращения гражданского иска, в том числе отказа от него, обеспечения гражданского иска, особенности постановления и исполнения приговора суда в части гражданского иска.

Необходимость внесения изменений в ст. 44 УПК РФ, в частности, включение нормы, предусматривающей обязанность лица, производящего предварительное расследование, разъяснение потерпевшему права на предъявление гражданского иска в уголовном процессе.

Следует предусмотреть механизм обеспечения возмещения потерпевшему вреда, причиненного в результате совершения в отношении его преступления, в тех случаях, когда компенсацию невозможно получить в полном объеме от правонарушителя или из других источников, в виде отдельного федерального закона. В качестве получателей компенсации определить несовершеннолетних, являющихся потерпевшими по преступлениям, связанным с сексуальным насилием; лиц, признанных потерпевшими по преступлениям, связанным с торговлей людьми и пытками; лиц, которые в результате совершения преступления получили значительные телесные повреждения или существенно подорвали свое физическое или психическое здоровье; лиц, наделенных правами потерпевшего в случае смерти потерпевшего; иждивенцев лиц, которые умерли или стали физически или психически недееспособными в результате совершения преступления.

Литература

1. Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью: утв. резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 40/34 от 29 ноября 1985 г. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. Безруков С. С. Международно-правовые, конституционные и уголовно-правовые предпосылки принципа публичности в уголовном процессе // Журнал российского права. 2015. № 4.
3. Борзов В. М. Гражданский иск в уголовном процессе неуместен // Российская юстиция. 2001. № 5.
4. Владимиров В. В. Гражданский иск в российском уголовном процессе // Уголовный процесс. 2005. № 10.
5. Даев В. Г. Современные проблемы гражданского иска в уголовном процессе: монография. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1972.

6. Коломина О. В. Особенности гражданского иска в российском уголовном процессе // Вестник Владимирского юридического института. 2014. № 2 (31).
7. Кони А. Ф. Нравственные начала в уголовном процессе (общие черты судебной этики). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/10173634>
8. Лившиц Ю., Тимошенко А. Назначение института гражданского иска в уголовном процессе // Российская юстиция. 2002. № 6.
9. Милицин С., Попкова Е. Уголовное дело и гражданский иск: вместе или порознь? // Российская юстиция. 2001. № 7.
10. Рахимов Р. Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности по советскому праву. М.: Госюриздат, 1961.
11. Сычев П. Г. Взаимодействие гражданской и уголовной юстиции: проблематика гражданского иска в уголовном деле // Закон. 2014. № 10.
12. Тутынин И. Б., Любан В. Г. О некоторых вопросах гражданского иска в уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. 2015. № 9.
13. Уголовный процесс: учебник / В. К. Бобков [и др.]; под ред. В. П. Божьева. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2011.

УДК 343.14

О ЦЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕХНОЛОГИИ КОМПРОМИССА ПРИ СОГЛАСИИ ОБВИНЯЕМОГО С ПРЕДЪЯВЛЕННЫМ ОБВИНЕНИЕМ

Александр Геннадьевич Маркелов, доцент кафедры Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова, кандидат юридических наук, доцент

E-mail: MarkelovAleksandr@yandex.ru

В статье приводятся ценности, устанавливающие, что идея использования процессуального компромисса при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением является отдельной технологией достижения цели и реализации назначения современного уголовного процесса. Предлагается авторская трактовка указанной идеи как рациональной технологии, направленной на повышение эффективности уголовно-процессуальной деятельности и борьбы с преступностью. Применяя компромиссный способ (технология) по уголовному делу, соблюдая при этом права и свободы волеизъявления участников процесса, предлагается частичное изменение существующих установок теории доказательственного права, в частности уголовно-процессуального доказывания. Проанализированные взаимосвязи между существующими положениями уголовно-процессуальной теории и следственно-судебной практики в части применения особого порядка при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением позволили автору сформулировать следующий вывод: компромисс в современном отечественном уголовном процессе есть полноценная технология, позволяющая рационально пользоваться и руководствоваться в правотворческой и правоприменительной практике в целях повышения эффективности уголовно-процессуальной деятельности и реализации назначения уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; особый порядок; технология компромисса; согласие лица с предъявленным обвинением.

ON THE VALUE OF USING COMPROMISE TECHNOLOGIES ACCORDING TO THE ACCUSED DEFENDANT

Alexander Gennadievich Markelov, department associate professor of the I. N. Ulianov Chuvash State University, *kandidat nauk*, degree in Law, Associate Professor

The article cites values that establish that the idea of using a procedural compromise with the accused's consent to the charge is a separate technology for achieving the goal and realizing

the purpose of the modern criminal process. An author's interpretation of this idea as a rational technology aimed at improving the efficiency of criminal procedural activities and the fight against crime is proposed. Applying a compromise method (technology) in a criminal case, while respecting the rights and freedoms of expression of the participants in the process, it is proposed to partially modify the existing attitudes of the theory of evidence, in particular criminal procedure evidence. The analyzed relationships between the existing provisions of the criminal procedural theory and investigative practice regarding the application of a special procedure with the accused's agreement with the indictment allowed the author to formulate the following conclusion: a compromise in the modern domestic criminal process is a full-fledged technology that allows rational use and guidance in law-making and law enforcement practice in order to improve the efficiency of criminal procedure and implementation of the purpose of the criminal procedure code of the Russian Federation.

Keywords: criminal proceedings; special order; compromise technology; consent of the person with the charge.

Сущность и перспективы эффективного развития современного российского уголовного процесса обуславливаются в первую очередь системой концептуальных идей и новых положений, реализация и отражение которых происходит в определенных действенных технологиях производства по уголовному делу. Теоретическая разработка и непосредственная реализация подобных технологий применительно к нуждам и потребностям следственно-судебной практики – важнейшая государственная задача, которая стоит перед современной уголовно-процессуальной наукой. От качества научного осмысления и непосредственной интерпретации предложенных законодателем технологичных идей напрямую зависят судьбы людей, вовлеченных в сферу уголовного процесса, а также эффективность и профессиональность работы правоохранительных органов в борьбе с преступностью. Только на основе всестороннего, полного и объективного научного осмысления предложенных законодателем новых технологий возможна успешная борьба с преступностью, а также модернизация современного отечественного уголовного судопроизводства.

Современная уголовно-процессуальная наука и правоприменительная практика понимают важность решения задач, поставленных государством. В частности, предложенная законодателем отдельная технология борьбы с преступностью в виде особого порядка принятия судебного решения при согласии лица с предъявленным обвинением (гл. 40 УПК РФ) находится в стадии глубокого и активного осмысления. Адекватное понимание и разрешение поставленных государством задач требует от научного сообщества творческого и внимательного подхода к созданию эффективной технологии рассмотрения и разрешения уголовных дел по существу.

В качестве ценностного и эффективного исследовательского инструмента мы предлагаем рассматривать особый порядок принятия судебного решения при согласии лица с предъявленным ему обвинением как действенную и специфическую технологию, позволяющую результативно осуществлять назначение уголовного судопроизводства. На наш взгляд, в предложенной интерпретации заложена важная идеологическая форма, которая выражается в следующем: «техника всегда должна быть средством и никогда субъектом. И в современном уголовном судопроизводстве данный подход должен быть на первом месте. Более того, эта идея должна обрести статус идеологического принципа» [10, с. 189–192].

Появление в УПК РФ гл. 40 породило оживленную научную дискуссию и не могло не вызвать интереса со стороны правоприменителей. Многочисленные сторонники предложенной законодателем особой специфической технологии в конечном итоге приходили к утверждению о заключении государством сделки о признании вины с лицом, совершившим преступление. В частности, они констатировали упрощение и ускорение современного уголовного

судопроизводства по отдельным категориям преступлений, а также экономию материальных и иных затрат, что позволит разгрузить суды от массы не вызывающих сложностей уголовных дел [6, с. 184–202; 8, с. 37; 15, с. 35–37].

Противники введения данной технологии, наоборот, приводили аргументы о недопустимости ее применения по причине идеологического несоответствия назначения современного уголовного судопроизводства [9, с. 35–37].

Несмотря на различные мнения и возражения, законодатель принял волевое решение и внес соответствующую технологию в действующий УПК РФ и позволил применять ее по отдельным категориям уголовных дел, то есть в ограниченном виде. По результатам непосредственного правоприменения введенной законодателем особой технологии сложились две точки зрения: одни предлагают считать ее разновидностью упрощенного и ускоренного производства по уголовным делам [2; 12], другие выступают за превращение его в российский аналог использования инструментов (технологий) компромисса, в том числе в форме заключения сделки о признании вины с лицом, совершившим преступление [13].

Мы склоняемся ко второй позиции. В отношении ценности использования технологии компромисса, установленной гл. 40 УПК РФ, приведем следующие аргументы.

Во-первых, данная компромиссная технология получила самое широкое распространение в правоприменительной и следственно-судебной практике. За период с 2007 по 2018 г. судами первой инстанции было рассмотрено 9052 936 уголовных дел, из которых по 8779 653 делам был вынесен приговор с осуждением 9660 286 лиц, а 273283 уголовных дела были прекращены по реабилитирующим и другим основаниям в отношении 3037 800 лиц. При этом из общего числа рассмотренных судами первой инстанции уголовных дел 73,7% (6675 173 уголовных дела) были рассмотрены и разрешены в особом компромиссном порядке, установленном гл. 40 УПК РФ, с учетом согласия обвиняемого (подсудимого) с предъявленным ему обвинением. Только за период с 2011 по 2018 г. из рассмотренных судами первой инстанции 4742 846 уголовных дел по 1946 568 делам (41%) уголовное судопроизводство осуществлялось в соответствии с гл. 40 УПК РФ и было осуждено 4168 380 лиц, которые добровольно признали свою вину в совершении преступления*.

При этом следует отметить активность судов по применению данной компромиссной технологии в целях быстрого рассмотрения и разрешения отдельных категорий уголовных дел. Так, наибольшая активность судов по применению особой компромиссной технологии, предусмотренной гл. 40 УПК РФ, пришлась на 2016–2019 гг.**

Более того, сохраняется устойчивая тенденция ежегодного роста популярности данной процессуальной технологии***. В настоящее время средняя нагрузка судьи по рассмотрению и разрешению одного уголовного дела составляет чуть более одного часа. В таких условиях**** судья всячески приветствует любую возможность по скорейшему рассмотрению и разрешению уголовных дел. Компромиссная технология устраивает и всех участников процесса. В частности, для подозреваемого, обвиняемого или подсудимого сократится время нахождения в следственном изоляторе и существенно уменьшится размер будущего наказания, участвующий в деле защитник законно получит свое вознаграждение, потерпевшему в полном

* Выборочные сводные статистические сведения о работе судов общей юрисдикции и мировых судей в Российской Федерации по рассмотрению и разрешению уголовных дел по первой инстанции в период с 2007 по 2018 г. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 08.11.2019).

** Там же.

*** Данные получены при проведении экспресс-опроса судей судов Чувашской Республики и сотрудников СУ СК РФ по Чувашской Республике (ноябрь 2019 г.).

**** Число рассмотренных районными судами уголовных дел в 2019 г. увеличилось на 30,6% (3 810 дел) по сравнению с 2018 г. (2 917 дел) // Информация о работе районных судов Чувашской Республики за 2019 г. URL: <http://usd.chv.sudrf.ru> (дата обращения: 20.05.2020).

объеме компенсируют вред от причиненного преступления, а органы расследования улучшат показатели своей профессиональной деятельности.

Таким образом, ценность использования технологии компромисса при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением заключается в том, что больше половины всех уголовных дел в Российской Федерации рассматриваются в особом порядке, предусмотренном гл. 40 УПК РФ.

Во-вторых, по нашему мнению, постановленный в порядке гл. 40 УПК РФ обвинительный приговор есть не что иное, как судебное удостоверение достигнутого заинтересованными сторонами компромисса. Иными словами, заключается определенная сделка о признании вины и согласии с предъявленным обвинением. В приговоре лишь отражаются пределы ограниченного его обжалования, установленные ст. 317 УПК РФ.

В-третьих, по мнению самих судей, рассматривающих уголовные дела в порядке гл. 40 УПК РФ, данный порядок является компромиссной уголовно-процессуальной технологией в виде заключения сделки с правосудием между государством в лице правоохранительных органов и лицом, совершившим преступление. При этом судья является пассивной фигурой и какой-либо инициативы в части вынесения процессуальных решений, согласно ч. 6 ст. 316 УПК РФ, фактически не проявляет. Таким образом, суды инертны в этом вопросе и лишь удовлетворяются ролью удостоверителя собранных по делу доказательств и формальной правомерностью представленной процедуры. В конечном итоге стороны заключают компромиссный договор о признании вины подсудимым, и за судом остается лишь обязанность скорейшего вынесения обвинительного приговора*.

В-четвертых, ценность использования технологии компромисса при согласии лица с предъявленным обвинением в соответствии с гл. 40 УПК РФ не противоречит современной идеологии уголовно-процессуального доказывания. Вместе с тем современная теория доказательственного права умалчивает о возможности использования любых договорных технологий по установлению обстоятельств дела и реализации назначения уголовного судопроизводства, тем самым создавая определенную государственную монополию на установление истины и иных необходимых обстоятельств дела, предусмотренных ст. 73 УПК РФ.

В то же время появление в действующем уголовно-процессуальном законодательстве гл. 40 УПК РФ нацеливает на пересмотр отдельных постулатов современной доктрины доказательственного права и следственно-судебной практики. Остановимся на некоторых из них.

1. Компромиссная технология разрешения уголовного дела посредством создания договорных условий, в том числе признания стороной защиты предъявленного обвинения (иска), предполагает доказанными отдельные факты и обстоятельства, что позволяет привлечь лицо к уголовной ответственности. Действительно, когда нет спора по поводу предъявленного обвинения между заинтересованными сторонами, нет и сомнений в доказанности вины лица, совершившего преступление. В данном случае путем использования технологии компромисса, реализуется диспозитивное право лица, совершившего преступление, на самоопределение, на добровольное признание своей вины за содеянное. Диспозитивность в данном случае является определенным эффективным процессом доказывания, где заинтересованные лица могут свободно распоряжаться своими правами и обязанностями. Диспозитивность есть форма распределения прав и обязанностей по доказыванию [5, с. 409–411] необходимых и устраивающих все заинтересованные стороны обстоятельств. Свобода заинтересованных сторон распоряжаться своими процессуальными правами и возможностями путем использования компромисса, а равно применяя договорной способ достижения совместной цели и установления необходимых обстоятельств по делу, предполагает изменение существующих постулатов теории уголовно-процессуального доказывания.

* Данные получены при проведении экспресс-опроса судей судов Чувашской Республики (ноябрь 2019 г.).

2. Применение технологии уголовно-процессуального компромисса возможно только при условии доказанности обвинения органами расследования, а равно при наличии достаточно собранных по уголовному делу доказательств. Иными словами, принятие процессуального решения о привлечении к уголовной ответственности предполагает обязательное установление (доказывание) необходимых обстоятельств для вынесения итогового решения по уголовному делу. В данном случае мы полагаем использовать технологию компромисса не на этапе возбуждения уголовного дела, когда нет достаточной информации о событии и составе преступления, а на этапе предварительного расследования, когда установлены (доказаны) необходимые обстоятельства, подлежащие доказыванию, позволяющие предъявить лицу обвинение в совершении конкретного преступления, то есть, собран необходимый и достаточный доказательственный материал о виновности лица в совершении преступления.

Таким образом, говорить о применении технологии компромисса в рамках привлечения к уголовной ответственности невозможно, если не собраны доказательства и в совокупности по их оценке не предъявлено соответствующее обвинение. Мы солидарны с мнением В. С. Гущева и А. С. Александрова, что преступление без уголовного иска (обвинения) не существует [3, с. 22–23]. Без обвинения государство в лице правоохранительных органов не вправе разрешить вопрос о наличии факта преступления и соответствующего наказания. Иными словами, формулирование оснований уголовной ответственности и принятие решения о применении технологии компромисса есть обязательная процессуальная форма доказывания оснований уголовного иска (обвинения) и вытекающих из этой предпосылки вынесения окончательного решения [1, с. 40].

3. Вызывает определенную дискуссию содержание истины и возможности применения технологии компромисса при согласии лица с предъявленным обвинением. Выход мы видим в следующем. Целью уголовно-процессуального доказывания всегда является познание всех существенных (необходимых) обстоятельств, имеющих значение для принятия правильного решения по уголовному делу. Возникает вопрос: каков их объем и содержание? На этот счет в науке уголовно-процессуального права существуют несколько подходов. Во-первых, «в содержание истины входит только событие преступления» [14]. Во-вторых, «истина предполагает установление фактических обстоятельств уголовного дела (событие) и юридическую оценку (квалификация преступления)» [11, с. 30]. В-третьих, «истина – это установление фактических обстоятельств уголовного дела, юридическая оценка и наказание» [4, с. 224].

Мы полагаем, что при применении технологии компромисса в процессе доказывания при согласии лица с предъявленным обвинением процессуальный акт признания обвиняемым (подсудимым) своей вины превращается автоматически в соответствующий договор (сделку) между заинтересованными сторонами. В данном случае указанный процессуальный акт о признании вины имеет не только доказательственное значение, но становится определенной парадигмой. То есть, при заключении компромисса между заинтересованными сторонами мы наглядно наблюдаем переход на новую, договорную, форму установления истины по уголовному делу. Юридическим значением признания вины обвиняемым будет отказ от уголовно-правового спора и согласие с предъявленным обвинением, в том числе согласие на вынесение в отношении его соответствующего процессуального решения. Если подсудимый признает себя виновным и соглашается с предъявленным обвинением, в том числе на рассмотрение его дела в особом, компромиссном порядке, то необходимость в доказывании всех обстоятельств отпадает. Весь собранный по уголовному делу доказательственный материал не подвергается системному анализу, а, наоборот, превращается в истинный и подлинный, не вызывающий никаких сомнений у заинтересованных сторон.

Итак, использование технологии компромисса позволяет установить истину по уголовному делу и определить необходимые обстоятельства, подлежащие доказыванию, иными словами, сделать доказанными факты и обстоятельства, которые позволяют разрешить уго-

ловное дело по существу. Следует обратить внимание на то, что УПК РФ прямо не закрепляет обязанность устанавливать истину по уголовному делу. С учетом современной идеологии уголовного процесса нельзя уверенно сказать, что истина – цель доказывания, как это было ранее закреплено в УПК РСФСР 1960 г. Тем не менее, при применении технологии компромисса в процессе доказывания необходимо тщательно исследовать отдельные существенные обстоятельства уголовного дела (событие, виновность и др.). Как мы уже отмечали, в любом случае истина по уголовному делу будет установлена.

Необходимо также подчеркнуть, что вопрос о цели доказывания в настоящее время также законодателем однозначно не прояснен. В состязательном уголовном процессе приоритет имеет процессуальная форма, а не содержание, и поэтому при применении технологии компромисса нет необходимости дополнительно нацеливать участников процесса устанавливать истину по делу. Благодаря технологии компромисса истина будет объективно установлена и устроит каждого заинтересованного участника процесса. Главная задача – обеспечить и соблюсти все права и свободы лиц, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства. В данном случае мы солидарны с Е. Б. Мизулиной, которая полагает, что «задачи уголовного судопроизводства – соблюдение прав и свобод граждан, вовлеченных в уголовный процесс, и если в ходе уголовного судопроизводства не будут нарушены права граждан, то его задачи выполнены» [7, с. 146].

Иными словами, отсутствие спора между заинтересованными сторонами относительно отдельных обстоятельств уголовного дела порождает применение технологии компромисса, а, следовательно, процесс доказывания по уголовному делу становится эффективным и незатруднительным. В конечном итоге он сокращается или прекращается вообще.

4. В пользу смелого использования технологии компромисса при согласии лица с предъявленным обвинением свидетельствуют здравый смысл и жизненный опыт. В современных условиях борьбы с преступностью необходимы новые сокращенные и экономичные технологии реализации государством обвинительной власти, в том числе посредством компромиссных способов разрешения уголовных дел. Заключение подобных компромиссных сделок и разрешение уголовного дела по существу есть не что иное, как специфическая форма реализации государственной задачи по осуществлению уголовного преследования. Считаем, что уголовная политика Российского государства должна и дальше двигаться в таком направлении и стать одним из важнейших современных инструментов борьбы с преступностью.

Таким образом, компромиссная технология при согласии лица с предъявленным обвинением, установленная гл. 40 УПК РФ, выражается во взаимных уступках заинтересованных сторон, где государственные органы и должностные лица правоохранительных и судебных органов полностью или частично отказываются от использования мер принуждения и наказания, а лицо, виновное в преступлении, совершает посткриминальные общественно полезные действия, направленные на устранение последствий преступления и активное содействие правосудию.

Изложенные доводы позволяют с большой уверенностью констатировать ценность использования технологии компромисса при особом порядке принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением, что в конечном итоге говорит о высокой актуальности и значимости ее для уголовно-процессуальной теории и следственно-судебной практики.

Литература

1. Александров А. С. Понятие и сущность уголовного иска // Государство и право. 2006. № 2.
2. Безлепкин Б. Т. Настольная книга судьи по уголовному процессу. М.: Проспект, 2013.
3. Гуцев В. С., Александров А. С. Народное обвинение в уголовном суде: учеб. пособие. Н. Новгород: Нижегород. юрид. ин-т МВД России, 1998.
4. Дорохов В. Я. Понятие доказательства // Теория доказательств в советском уголовном процессе / Р. С. Белкин [и др.]; отв. ред. Н. В. Жогин. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрид. лит., 1973.

5. Кухта А. А. Доказывание истины в уголовном процессе: монография. Н. Новгород: Нижегород. акад. МВД России, 2009.
6. Лазарева В. Теория и практика судебной защиты в уголовном процессе: монография. Самара: Самарский ун-т, 2000.
7. Мизулина Е. Б. Совершенствование уголовно-процессуального законодательства. Проект УПК Российской Федерации // Информационный бюллетень Следственного комитета при МВД России. 2001. № 1 (107).
8. Морозова И., Анненков А., Дадонов С. Сделка о признании вины как вариант мирового соглашения // Российская юстиция. 2000. № 10.
9. Петрухин И. Сделки о признании вины чужды российскому менталитету // Российская юстиция. 2001. № 5.
10. Поляков М. П., Смолин А. Ю. Технология уголовного процесса: «за» или «против» человека процессуального // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 4 (40).
11. Полянский Н. Н. Оценка доказательств вышестоящим судом в уголовных делах // Советское государство и право. 1951. № 7.
12. Рыбалов К. А. Особый порядок судебного разбирательства в Российской Федерации и проблемы его реализации. М.: Юрлитинформ, 2004.
13. Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс: учебник / под общ. ред. А. В. Смирнова. 7-е изд., перераб. М.: Норма: ИНФРА-М, 2017.
14. Строгович М. С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе / отв. ред. Б. С. Никифоров. М.: Изд-во АН СССР, 1955.
15. Тейман Стивен. Сделки о признании вины или сокращенные формы судопроизводства: по какому пути пойдет Россия? // Российская юстиция. 1998. № 10–11.

УДК 343.13

УСТАВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА 1864 г. КАК ПРАВОВАЯ ОСНОВА ДЛЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДА ПО УСТРАНЕНИЮ ПРЕПЯТСТВИЙ К РАССМОТРЕНИЮ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ

Михаил Федорович Елчиев, аспирант Саратовской государственной юридической академии

E-mail: elch2011@yandex.ru

В статье рассматриваются отдельные положения Устава уголовного судопроизводства, оказавшие значительное влияние на формирование института возвращения уголовного дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом. Существенное внимание уделено анализу правовых норм, закрепляющих требования к структуре и содержанию обвинительного акта, к порядку соблюдения существенных форм и обрядов уголовного судопроизводства, к процессу вручения обвиняемому копии обвинительного акта, к установлению в судебном следствии обстоятельств, указывающих на наличие оснований для квалификации действий обвиняемого как более тяжкого преступления, к определению оснований для соединения уголовных дел. Результаты исследования позволяют сделать вывод о целесообразности использования исторического опыта, направленного на повышение эффективности деятельности судов по устранению препятствий для рассмотрения и разрешения уголовных дел в современных условиях.

Ключевые слова: суд; прокурор; возвращение уголовного дела; устранение препятствий; рассмотрение и разрешение уголовных дел; Устав уголовного судопроизводства.

STATUTE OF CRIMINAL PROCEEDINGS ON 1864 AS A LEGAL BASIS FOR IMPROVING THE ACTIVITIES OF THE COURT TO REMOVE OBSTACLES TO THE CONSIDERATION OF CRIMINAL CASES

Mikhail Fedorovich Elchiev, post graduate of the Saratov State Law Academy

The article consider separate provisions of the Statute of criminal proceedings that having a significant impact on the formation of institution of returning a criminal case to the Prosecutor in order to eliminate obstacles to its consideration by the court. Considerable attention is paid to the analysis of legal norms stipulating the requirements for the structure and content of the indictment, to order compliance with essential forms and rituals of criminal procedure, the process of handing the accused a copy of the indictment, to establish in a judicial investigation of the circumstances pointing to the existence of grounds for qualification of actions of accused as a more serious crime, to the definition of the grounds for connection of criminal cases. The results of the study allow us to draw a conclusion about the expediency of using historical experience aimed at improving the efficiency of the courts to remove obstacles to the consideration and resolution of criminal cases in modern conditions.

Keywords: court; prosecutor; return of a criminal case; removal of obstacles; consideration and resolution of criminal cases; Statute of criminal proceedings.

Современная наука уголовно-процессуального права активно исследует вопросы возвращения судом уголовного дела прокурору. На наш взгляд, оценка новых суждений и выводов невозможна без изучения истории и развития деятельности суда по устранению препятствий для рассмотрения и разрешения уголовных дел. Это позволит наиболее полно оценить сущность и значение данного института в непосредственной взаимосвязи с эволюционным становлением модели российского уголовного процесса и построением процессуального порядка, обеспечивающего справедливое правосудие по уголовным делам, эффективную защиту личности, ее прав и свобод.

Известно, что деятельность суда, связанная с устранением недостатков, препятствующих рассмотрению и разрешению уголовных дел, имеет богатую историю в уголовном процессе России, начиная с истоков. Комплексная реформа судостроительства и судопроизводства произошла в 1864 г., она не только полностью изменила судебную систему Российской империи, водворив суд «скорый, правый, милостивый и равный для всех подданных», но и сформировала институты, которые действуют в современном законодательстве и сегодня. Именно положения Устава уголовного судопроизводства заложили основы для развития и совершенствования деятельности судов по устранению препятствий в российском уголовном процессе.

Согласно Судебным уставам 1864 г., производство по уголовным делам осуществлялось в следующих последовательных стадиях: 1) предварительное следствие, 2) предание суду, 3) приговорительные к суду распоряжения, 4) окончательное производство, 5) особые порядки производства, 6) пересмотр приговоров, 7) исполнение приговоров [8, с. 257].

Основными положениями судопроизводства устанавливалось, что предание суду есть заключительный этап предварительного производства. Проверка уголовных дел, направляемых в суд, осуществлялась специальным органом – Судебной палатой, которая констатировала, что совокупность доказательств достаточна для предания обвиняемому статуса подсудимого, то есть для того, чтобы приступить к рассмотрению дела по существу в суде в целях постановки судебного приговора [12, с. 865]. Как отмечал А. Чебышев-Дмитриев, стадия предания суду – акт крайне важный в общем ходе уголовного процесса и должен служить интересам порядка справедливой строгостью к преступникам и в то же время ограждать невиновных от напрасных и бесплодных преследований [14, с. 381]. Именно Судебная палата выясняла,

произведено ли предварительное следствие с достаточной полнотой, а также соблюдены ли все существенные формы судопроизводства (ст. 534 УУС).

Учитывая, что возвращение уголовного дела прокурору в современном законодательстве предусматривает устранение судом только формальных существенных нарушений уголовно-процессуального закона, следует остановиться более подробно на рассмотрении вопроса о том, что же считалось существенным нарушением форм и обрядов судопроизводства.

По мнению Н. А. Буцковского, существенными нарушениями обрядов и форм уголовного судопроизводства считаются нарушения уголовно-процессуального закона, допущенные на предварительном следствии и на стадии предания суду, которые ущемляют права участников процесса и влияют на правильность решения по существу. К нарушениям требований закона в досудебном производстве отнесены: осуществление производства предварительного следствия субъектом уголовного процесса, не обладающим властными полномочиями; нарушение порядка собирания доказательств в ходе следственных и иных процессуальных действий (осмотры, освидетельствования, обыски, выемки). Несоблюдение форм процесса на стадии предания суду выражалось преимущественно в нарушениях пределов власти суда, влекущих отмену приговоров [3, с. 44–47]. Как видим, уже на данном этапе развития судопроизводства и судостройства были достаточно четко обозначены основания для возвращения уголовного дела прокурору.

Исходя из анализа ст. 537 УУС, отметим, что Судебная палата обладала еще одним важным полномочием, подтверждающим значимость контрольной функции Судебной палаты: она вправе была изменить представленный на ее рассмотрение обвинительный акт путем прекращения уголовного преследования или включения в определение о предании суду по другим обвинениям, о чем составлялось итоговое определение о предании суду [16, с. 438–439]. При утверждении обвинительного акта Судебной палатой дело направлялось в суд для дальнейшего рассмотрения по существу.

Что касается обвинительного акта, то в нем, в сравнении с сегодняшней моделью обвинительного заключения, должны быть указаны всего пять основных обстоятельств, перечисленных в ст. 520 УУС: 1) событие, заключающее в себе признаки преступного деяния; 2) время и место совершения преступного деяния; 3) звание, имя, отчество и фамилия или прозвище обвиняемого; 4) сущность доказательств и улик, собранных по делу; 5) определение по закону, какому именно преступлению соответствуют признаки рассматриваемого деяния. При этом, по смыслу закона, все главные сведения и обстоятельства, установленные предварительным следствием и подлежащие проверке в судебном заседании, должны быть указаны в обвинительном акте сжато, но в точных чертах [13, с. 359], вероятность обвинения должна быть основана на доказательствах, собранных на предварительном следствии, с изложением показаний обвиняемого и свидетелей в сокращенном, но точном виде [17, с. 400].

Таким образом, заключение обвинительного акта должно было содержать выводы предварительного обвинения: 1) существенные фактические признаки состава преступления в его родовом или видовом понятии; 2) юридическое определение рода или вида преступления, которому соответствуют признаки рассматриваемого деяния, без указания степени вины со ссылкой на все статьи закона, которые должны быть уточнены в судебном следствии [2, с. 36].

Особо следует обратить внимание на то, что допущение ряда нарушений при изложении обвинительного акта не являлось препятствием к вынесению решения по делу. В качестве таких нарушений признавались: а) неполное, ошибочное или неточное изложение обстоятельств дела, неуказание фактических признаков преступления; б) употребление в обвинительном акте неуместных выражений, например наименование обвиняемого преступником; в) изложение в обвинительном акте сведений, не относящихся к делу. Препятствием не являлись также упущения при составлении обвинительного акта, такие как неуказание в обвинительном акте признаков преступления со ссылкой только на статью закона или неверное указание ста-

ть, не соответствующей признакам преступного деяния [16, с. 428–429]. В своих решениях Правительствующий сенат также подчеркивал, что ошибочное изложение в обвинительном акте обстоятельств дела не является препятствием к вынесению приговора. Основаниями вопросов к разрешению дела должны служить не только выводы обвинительного акта, но и обстоятельства, установленные в судебном следствии [12, с. 879]. Кроме того, отсутствие в обвинительном акте сведений о прежней судимости обвиняемого не признавалось судами неустранимым препятствием, исключающим возможность принятия решения по существу дела. Данный недостаток устранялся в подготовительных к суду распоряжениях, обеспечивая незамедлительное производство дела и его процессуальный порядок. На этой стадии процесса суду было разрешено самостоятельно принимать меры к собиранию материала, необходимого для разрешения дела по существу (истребовать справки о судимости обвиняемого, его возрасте). При этом такие распоряжения суда должны были касаться только формальных условий производства [9, с. 548]. Несмотря на самостоятельную деятельность суда по собственной инициативе принимать меры к вынесению правосудного приговора, именно в этой стадии процесс приобретал состязательный характер с соблюдением равноправия сторон. Подсудимому, например, предоставлялось право избирать себе защитника, ходатайствовать о дополнении списка свидетелей, о вызове свидетелей и т. д. [12, с. 896]. Очевидно, что в целях совершенствования современной деятельности судов по устранению препятствий для рассмотрения и разрешения уголовных дел представляется необходимым принять во внимание данный исторический опыт судопроизводства.

Пересмотру и корректировке, на наш взгляд, подлежит устранение процессуального нарушения в виде невручения обвиняемому копии обвинительного заключения как основание для возвращения уголовного дела прокурору. Исходя из принципа равноправия сторон, каждая сторона процесса должна быть ознакомлена с сущностью обвинения и списком вызываемых в суд свидетелей. Отсюда и вытекала важность процессуального значения процедуры вручения подсудимому копии обвинительного акта и списка свидетелей, вызываемых обвинением. С момента получения этих документов подсудимый мог заранее ознакомиться с сущностью предъявленного обвинения и тем самым подготовиться к защите, а список лиц необходим был для того, чтобы пополнить его теми лицами, присутствие которых в судебном заседании он считает необходимым и важным [9, с. 549]. Поэтому Уставом уголовного судопроизводства данное нарушение признавалось существенным. Выдача копии обвинительного акта являлась обязанностью суда и вручалась подсудимому на основании распоряжения председателя суда (ст. 556 УУС). Обвиняемому, находящемуся на свободе, обвинительный акт вручался через полицию, обвиняемому, находящемуся под стражей – председателем окружного суда, который вызывал обвиняемого в заседание суда или отправлялся в место его заключения [13, с. 381–382]. Невручение копии обвинительного акта и отсутствие расписки в деле служило основанием для невозможности назначения судебного заседания. Если же подсудимый знакомился и с обвинительным актом, но он не был ему вручен, это не являлось препятствием к вынесению приговора [16, с. 452]. Важным моментом на этом этапе процесса являлось то, что с получением копии обвинительного заключения у стороны защиты имелись процессуальные права, среди которых право рассматривать в канцелярии суда подлинное дело и выписывать из него необходимые сведения (ст. 570 УУС) [8, с. 276–277]. Отметим, что современной наукой уголовно-процессуального права не раз указывалось на то, что судами данное обстоятельство расценивается как непреодолимое препятствие для рассмотрения дела по существу. Поэтому считаем правильным согласиться с позицией, закрепляющей порядок, согласно которому суд, приостановив производство по делу в связи с невручением копии обвинительного заключения, обязывает прокурора вручить ее обвиняемому без возвращения уголовного дела [11].

Несомненный интерес представляет производство дел в окружных судах – в последней и важнейшей стадии процесса, в которой выражались основные начала судопроизводства как

гарантии правосудия: состязательность и равноправие сторон [12, с. 892]. Суд не обладал полномочиями обвинительной власти, он обязывался принять дело к своему производству и рассмотреть его, при этом не вправе был возбуждать уголовное преследование в отношении лиц, не привлекаемых к ответственности по делу, иное свидетельствовало бы о несоответствии роли суда как судебного органа [9, с. 541].

На данной стадии окружными судами принимались решения о возвращении уголовных дел. Так, в 1877 г. возвращено 1031 дело, в 1878 г. – 1173 дел, в 1879 г. – 1310 дел. Я. Городынский отмечал, что $\frac{3}{4}$ возвращенных окружными судами таких следствий относилось к числу направленных по ст. 277 УУС на прекращение. Это необходимо было для того, чтобы опровергнуть неосновательно предъявленное обвинение и тем самым поставить вопрос о прекращении следствия [5, с. 131–132].

С. Г. Щегловитовым при изучении данного вопроса указывалось, что по смыслу ст. 547 УУС, окружной суд должен решить вопрос о том, что необходимо дополнить дело только теми данными, отсутствие которых препятствует суду вынести приговор по делу. При этом суд был не вправе обсуждать вопрос о том, представляется ли предварительное следствие и обвинительный акт достаточно полными в смысле полного и всестороннего исследования обстоятельств преступления, привлечения к делу всех обвиняемых и собранных в отношении их по делу доказательств [16, с. 444].

Как было уже отмечено, окончательное разъяснение обстоятельств деяния должно быть произведено судебным следствием. Поэтому, с точки зрения А. Чебышева-Дмитриева, «окончательная специализация внешней и внутренней стороны деяния в обвинительном акте будет преждевременной». Это вынуждало обвинительную власть просить об обращении дела к дополнению, по новым обстоятельствам, которые существенно изменяли обвинение, указанное в обвинительном акте, или игнорировать эти обстоятельства в ущерб правосудию [14, с. 453]. То есть законом было предусмотрено еще одно основание для возвращения дела. Если по результатам судебного следствия и заключительных прений, а также обвинительного акта суд устанавливал, что обнаружено «новое» преступное деяние, влекущее за собой наказание более строгое, чем определено в обвинительном акте, суд возвращал дело вновь на стадию предварительного следствия и «составления обвинительного акта по всем преступным действиям подсудимого» (ст. 752–753 УУС) [6, с. 369]. Таким образом, прокурор не вправе предложить обвинение подсудимого в преступлении, которое расходится с обвинением, сформулированным в обвинительном акте. Закон предусматривал за прокурором обязанность ходатайствовать перед судом об обращении дела к дополнению и составлению нового обвинительного акта [3, с. 418]. Тем самым обвинительный акт для суда устанавливал границы, в которых должно вращаться судебное следствие и за пределы которого не должна выходить ответственность обвиняемого [1, с. 62]. Говоря современным языком, обвинительный акт устанавливал пределы судебного разбирательства, которое проводилось только в отношении обвиняемого и лишь по предъявленному ему обвинению. Считаю целесообразным реализовать данное положение Судебного устава в современных условиях, а именно: если в ходе судебного разбирательства установлены фактические обстоятельства, указывающие на наличие оснований для квалификации действий обвиняемого как более тяжкого преступления, то о возвращении уголовного дела для устранения препятствий обязан ходатайствовать прокурор. При таких условиях будет исключен обвинительный уклон в деятельности суда и сохранена состязательная конструкция судопроизводства.

Относительно разрешения судом вопроса о применении мер медицинского характера отметим, что освидетельствование проводилось в отношении двух категорий лиц: 1) совершивших преступное деяние в состоянии невменяемости – «не в здравом рассудке или в состоянии умственного расстройства»; 2) заболевших психическим расстройством, то есть впавшим в болезненное состояние после совершения преступного деяния (ст. 353 УУС).

Исследование психического состояния обвиняемого производилось следователем в рамках уголовного дела в особом порядке, после чего он обязан был внести дело на рассмотрение окружного суда [12, с. 729]. При освидетельствовании душевнобольных обвиняемых суд обязан проверить в совокупности данные, собранные предварительным следствием, путем проведения повторного освидетельствования в суде (ст. 355 УУС) [16, с. 370].

Предметом производства судебно-психиатрической экспертизы являлось разрешение вопроса о дальнейшем направлении дела к прекращению или о подготовке дела к рассмотрению в судебном следствии. Если в судебном заседании по результатам повторного освидетельствования судом устанавливалось, что психическое расстройство у обвиняемого не исключает вменяемости и он подлежит уголовной ответственности, то уголовное дело возвращалось прокурору. Важно подчеркнуть, что механизм устранения препятствий судом к рассмотрению уголовного дела по обозначенному основанию коренным образом отличался от существующего порядка, закрепленного в действующем законодательстве РФ. При таких обстоятельствах уголовное дело возвращалось прокурору «в дальнейшее распоряжение» [4, с. 77–79], без прямого указания суда о необходимости составить обвинительный акт, что, по нашему мнению, с содержательной стороны относительно функции суда правильно с точки зрения соблюдения принципа состязательности. Поэтому в целях исключения обвинительных начал в выстроенной модели правосудия полагаем реализовать данное положение в современном законе. Также нельзя не обратить внимание на тот факт, что участие судьи в составе окружного суда в производстве освидетельствования обвиняемого являлось снованием для его отстранения от рассмотрения дела по существу в судебном заседании. Сенат по этому поводу определял, что судьи в таком случае не могут быть беспристрастными и свободными при вынесении судебного приговора [12, с. 731–732].

Относительно вопроса соединения уголовных дел отметим, что такое решение принималось Судебной палатой. Суд был вправе рассматривать отдельно дела, по которым были вынесены отдельные определения о предании обвиняемого суду. Решение суда о совместном рассмотрении дел принималось исключительно по практическим соображениям, а не из-за внутренней связи уголовных дел [15, с. 469]. Исходя из принципа безотлагательного наказания за совершенное преступление, определение о предании суду выносилось в отношении тех обвиняемых, относительно которых обстоятельства по делу установлены и приведены в надлежащую ясность. Вместе с тем нельзя было останавливать предание обвиняемого суду в совершении им более тяжкого преступления, если при этом расследование по менее тяжкому преступлению продолжалось [10, с. 190–191]. То есть наличие в отношении обвиняемого уголовного дела, по которому производится предварительное следствие, не являлось препятствием для раздельного судебного рассмотрения другого поступившего в отношении его в суд уголовного дела. Формулировка же ныне действующей правовой нормы о необходимости соединения уголовных дел, по нашему мнению, приводит прежде всего к нарушению прав и законных интересов заинтересованных лиц на своевременную судебную защиту, сводится к прямому указанию органам предварительного следствия провести полное, объективное и всестороннее расследование, которое, по смыслу решения, должно окончиться направлением дела в суд, то есть предрешается вопрос о виновности лица. При этом не следует забывать, что исход любого дела может быть непредсказуемым в зависимости от результатов собранной по делу доказательственной базы, от принятия следователем решения о составлении обвинительного заключения и направления дела в суд, до прекращения уголовного дела. Считаем, что справедливо будет согласиться с предложением об исключении п. 4 ч. 1 ст. 237 УПК РФ – соединение уголовных дел как основание возвращения уголовного дела прокурору [7, с. 135].

На основании изложенного с очевидностью можно констатировать, что Судебный устав 1864 г. стал платформой для формирования института возвращения уголовных дел прокурору для устранения препятствий. Однако, как видим, налицо отступление от ключевых поло-

жений исторического нормативно-правового акта при становлении и развитии рассматриваемого института. Поэтому для комплексного решения проблем устранения препятствий к рассмотрению уголовных дел судом (нарушения при составлении обвинительного заключения, невручение копии итогового процессуального документа, необходимость составления обвинительного заключения по уголовному делу, направленному с постановлением о применении меры медицинского характера, соединение уголовных дел, необходимость изменения обвинения на более тяжкое) положения Устава уголовного судопроизводства 1864 г. должны быть приняты во внимание современным законодателем как правовая основа для совершенствования деятельности суда.

Литература

1. Арсеньев К. К. Предание суду и дальнейший ход уголовного дела до начала судебного следствия: сб. практ. заметок. СПб.: Тип. В. Демакова, 1870.
2. Буцковский Н. А. О деятельности прокурорского надзора вследствие отделения обвинительной власти от судебной. СПб., 1867.
3. Буцковский Н. А. Очерки судебных порядков по Уставам 20 ноября 1864 г. СПб.: Тип. Скарятин, 1874.
4. Волжин В. А. Закон и жизнь: заметки по гражданскому судопроизводству, по судоустройству, уголовному судопроизводству и комментарии к статьям Уложения о наказаниях. СПб.: Тип. А. Мучника, 1891. Т. 2.
5. Городынский Я. О дополнении оконченных предварительных следствий // Журнал гражданского и уголовного права. Изд. Санкт-Петербургского юридического общества. 1885. Кн. 4.
6. Духовской М. В. Русский уголовный процесс. М., 1902.
7. Ежова Е. В. Соединение уголовных дел как основание их возвращения прокурору // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Право. 2006. № 5 (60).
8. Николаев И. П. Краткий курс уголовного судопроизводства. СПб., 1912.
9. Случевский В. К. Учебник русского уголовного процесса: судоустройство-судопроизводство. СПб., 1913.
10. Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. СПб.: Гос. канцелярия, 1867. Ч. 2.
11. Тришева А. А. Возвращение уголовного дела прокурору и разумный срок уголовного судопроизводства // Законность. 2011. № 5.
12. Устав уголовного судопроизводства: систематический комментарий / А. Ф. Кони [и др.]; под общ. ред. М. Н. Гернета. Вып. 3. Ст. 249–594. М.: Изд. М. М. Зива, 1914.
13. Фойницкий И. Я. Курс русского уголовного судопроизводства, составленный по лекциям профессора С.-Петербур. ун-та И. Я. Фойницкого и изданный в руководство слушателям 1884–1885 г. Т. 2. СПб.: Изд. Я. Кудрицкий и Д. Богословский, 1884–1885.
14. Чебышев-Дмитриев А. П. Русское уголовное судопроизводство по Судебным уставам 20 ноября 1864 г. СПб.: Изд. В. П. Печаткин, 1875.
15. Шрамченко М. П. Устав уголовного судопроизводства (с позднейшими узаконениями, законодательными мотивами, разъяснениями Правительствующего сената и циркуляра Министерства юстиции). СПб., 1909.
16. Щегловитов С. Г. Устав уголовного судопроизводства. Сер. Судебные уставы императора Александра II с законодательными мотивами и разъяснениями. 6-е изд. испр. и доп. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1895.
17. Щегловитов С. Г. Устав уголовного судопроизводства. Сер. Судебные уставы императора Александра II с законодательными мотивами и разъяснениями. 9-е изд. испр. и доп. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1907.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ. УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 343.9

ПРИЧИНЫ И ДИНАМИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ПОРЯДКА УЧЕТА И РЕГИСТРАЦИИ МИГРАНТОВ

Илья Викторович Никитенко, профессор кафедры Дальневосточного юридического института МВД России, доктор юридических наук, доцент

E-mail: dfvnii@mail.ru

В статье представлены некоторые аналитические сведения, отражающие состояние и динамику преступлений против установленного законом порядка учета и регистрации мигрантов, а также суждения о наиболее очевидных причинах и условиях их совершения. В обобщающих выводах содержатся предположения о возможных вариантах развития криминогенной ситуации относительно рассматриваемой сферы правовых отношений.

Ключевые слова: детерминанты преступности; незаконная миграция; преступность; состояние и динамика преступности; удельный вес преступлений; уголовное законодательство.

REASONS AND DYNAMICS FOR CRIMES AGAINST THE ORDER OF ACCOUNTING AND REGISTRATION OF MIGRANTS

Ilya Viktorovich Nikitenko, professor of the Department of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Associate Professor

The article presents some analytical information reflecting the state and dynamics of crimes against the statutory order of registration and registration of migrants, as well as judgments on the most obvious reasons and conditions for their commission. Summarizing conclusions contain assumptions about possible options for the development of a criminal situation regarding the legal sphere under consideration relationship.

Keywords: determinants of crime; illegal migration; crime; state and dynamics of crime; specific gravity for crimes; criminal law.

Исследование криминологических свойств преступлений против установленного миграционным законодательством порядка учета и регистрации иностранных граждан и лиц без гражданства традиционно начинается с анализа их динамики относительно тех регионов России, в которых отмечаются средние показатели иммиграционной активности*. Подобный методологический подход позволяет наиболее объективно охарактеризовать исследуемую группу преступлений.

* Под показателями миграционной активности следует понимать так называемое «миграционное сальдо», то есть разницу между миграционным приростом и убылью (иммиграцией и эмиграцией).

Одним из таких субъектов Российской Федерации является город федерального значения Санкт-Петербург. В целом же по России криминогенная обстановка, влияющая на состояние и динамику миграционной преступности, складывается весьма неоднородно. Вероятно, это обусловлено комплексом криминогенных факторов, наиболее значимыми среди которых являются: динамика трудовой иммиграции; характер миграционного законодательства, определяющего требования миграционного режима в период пребывания иностранных мигрантов в России; организация эффективной деятельности в сфере обеспечения миграционной безопасности государства, включающей миграционный контроль и профилактику правонарушений против установленного законом порядка миграции населения.

Так, по итогам 2017 г. в городе Санкт-Петербурге совершено 3297 преступлений против порядка управления, что практически сопоставимо с показателями 2016 г. – 3290 преступлений. Общий прирост составил 7 преступлений, что соответствует 0,2% [7, с. 76–79].

Однако по преступлениям против установленного порядка учета и регистрации мигрантов, предусмотренным ст. 322.2 и 322.3 УК РФ, был отмечен значительный рост. Так, более чем в шесть раз возросло количество преступлений, предусмотренных ст. 322.2 УК РФ «Фиктивная регистрация гражданина Российской Федерации по месту пребывания или по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации и фиктивная регистрация иностранного гражданина или лица без гражданства по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации», и более чем в два с половиной раза выросло число преступлений по ст. 322.3 УК РФ «Фиктивная постановка на учет иностранного гражданина или лица без гражданства по месту пребывания в жилом помещении в Российской Федерации».

Более чем на 43% возросло количество преступлений, связанных с незаконным пересечением Государственной границы России, что вызывает особое беспокойство, так как именно эти деяния часто являются предикатными к иным преступлениям против установленного законом порядка миграции населения, включая преступления, предусмотренные ст. 322.2 и 322.3 УК РФ.

Согласно данным Управления по вопросам миграции ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области, в 2017 г. наблюдался незначительный рост внешней миграции, однако на этом фоне количество выявленных преступлений, предусмотренных ст. 322.1 УК РФ «Организация незаконной миграции», фактически не изменилось по отношению к 2015–2016 гг. [7, с. 76–79].

Сведения о зарегистрированных преступлениях против установленного законом порядка миграции населения

Статья УК РФ	Количество зарегистрированных преступлений			±% к 2016 г.
	2015 г.	2016 г.	2017 г.	
Ст. 322 УК РФ	68	73	54	+ 43,4
Ст. 322.1 УК РФ	30	36	35	– 2,8
Ст. 322.2 УК РФ	3	3	18	+ 500,0
Ст. 322.3 УК РФ	85	149	411	+ 175,8

Следует учитывать, что приведенные сведения отражают лишь ту динамику роста исследуемой группы преступлений, которая соответствует количеству выявленных и далее учтенных в официальных статистических документах. Однако известно и то, что преступления против установленного законом порядка миграции населения, по ряду объективных причин, относят к категориям средней и даже высокой латентности. В связи с этим с определенной

долей вероятности можно предположить, что их реальное количество может быть в десятки раз больше официальных сведений, зафиксированных в статистических отчетах правоохранительных органов.

Вызывают вопросы и количественные соотношения между преступлениями в исследуемой группе.

Так, на рассматриваемой территории удельный вес преступлений, связанных с фиктивной регистрацией иностранных граждан или лиц без гражданства (ст. 322.2 УК РФ), в общем массиве преступлений против порядка миграции населения, совершенных в период с 2015 по 2017 г., составил 2,5 %. Этот же показатель в отношении преступлений, предусмотренных ст. 322.3 УК РФ, равен 66,8 %. Однако в рассматриваемый период динамика прироста первых в 2,8 раза выше вторых.

Вероятно, что подобные различия в количественных показателях между исследуемыми преступлениями обусловлены рядом криминогенных факторов, связанных с миграционной ситуацией в целом.

Во-первых, преступления, связанные с незаконной постановкой на миграционный учет, с самого начала введения в действие ст. 322.3 УК РФ [1] проявляли значительно более высокие темпы прироста, чем преступления, предусмотренные ст. 322.2 УК РФ, что вполне оправдывает их некоторое снижение в исследуемый период. Но если, как было указано ранее, динамика совершения подобных преступлений, предусмотренных ст. 322.3 УК РФ, во многом зависит от интенсивности миграционных процессов и, в частности, трудовой иммиграции, прирост которой стабильно высок в течение последних пяти лет [5], то можно предположить, что, хотя и с меньшей интенсивностью, тенденция роста таких преступлений, вероятно, сохранится и в будущем.

На фоне анализа динамических показателей исследуемой группы преступлений особый интерес вызывает многократная, более чем в сто раз, разница показателей между количеством выявленных преступлений, предусмотренных ст. 322.2 и 322.3 УК РФ. И это при том, что юридические составы указанных преступлений весьма схожи. Различия же заложены лишь в основаниях прохождения и специфике процедур, обеспечивающих законность пребывания иностранных мигрантов на территории России.

Так, постановке на миграционный учет подлежат все вновь прибывшие в Российскую Федерацию иностранные граждане и лица без гражданства. При этом сроки прохождения данной миграционной процедуры весьма ограничены (не позднее 7 рабочих дней после прибытия) [2].

В свою очередь, из содержания ст. 14 Федерального закона «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» следует, что обязательная регистрация постоянно или временно проживающих в Российской Федерации иностранцев по месту их жительства необходима только для оформления права пользования жилыми помещениями. При этом выполнение указанных предписаний обязательно как для иностранцев, временно или постоянно проживающих в России, так и собственно граждан Российской Федерации, что во многом раскрывает суть этой юридической процедуры. В связи с этим следует отметить, что юридическое оформление прав на использование жилых помещений в Российской Федерации обязательно лишь в случаях приобретения иностранными мигрантами определенного правового статуса в соответствии с Федеральным законом «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [3]. В большинстве случаев приобретение вышеупомянутого правового статуса связано с оформлением иностранными мигрантами разрешения на временное проживание (далее – РВП) либо вида на жительство в Российской Федерации. Известно, что возможное количество предоставляемых государством в течение года РВП определяется специальными квотами, которые распределяются по субъектам Российской Федерации. Объемы же выделяемых квот не являются усредненными,

но зависят от ряда факторов, характеризующих тот или иной регион России. То же самое можно сказать и о неравномерности распределения потребностей регионов в обеспечении дополнительными трудовыми ресурсами за счет трудовой иммиграции.

Однако есть и некоторые исключения, когда РВП, а также виды на жительство могут быть предоставлены вне квоты, например, вступление в брак с гражданами России, нахождение на иждивении граждан России, факт рождения в Российской Федерации или в РСФСР и наличие в прошлом гражданства СССР, а также иные предусмотренные миграционным законодательством подобные обстоятельства [3]. Вместе с тем вполне очевидно, что количество оформлений обычных, сезонных разрешений на занятие трудовой деятельностью – так называемых «патентов» – в десятки, а иногда и в сотни раз превышает число предоставляемых РВП.

Количество предоставляемых иностранцам видов на жительство еще меньше, кроме случаев, о которых упоминалось выше, когда подобные ходатайства удовлетворяются независимо от установленных государством квот. Однако для этого, как и для предоставления РВП, необходимо наличие установленных миграционным законодательством оснований [3].

Если же данные обстоятельства рассматривать в контексте требований миграционного законодательства России, выполнение которых обязательно для приобретения иностранными мигрантами соответствующего правового статуса, например, для постановки на миграционный учет в местах пребывания либо регистрации в жилых помещениях в местах проживания, то увидим, что частота обращений о постановке на миграционный учет значительно превышает число регистраций. Соответственно этому разнятся и количественные показатели миграционных деликтов и преступлений против установленного законом порядка пребывания на территории России иностранных мигрантов [4].

Таким образом, прослеживается тесная взаимосвязь между востребованностью, а также частотой совершаемых правовых процедур, связанных с выполнением соответствующих предписаний миграционного законодательства, и количеством совершаемых преступлений против порядка учета и регистрации иммигрантов, что подтверждается не только логическими выводами, но и эмпирическими данными. Иными словами, интенсивность иммиграционных процессов и связанных с ними правовых процедур оказывает существенное влияние на динамику рассматриваемой группы преступлений. В связи с этим подобные обстоятельства можно рассматривать в качестве специфических криминогенных факторов, влияющих на динамику рассматриваемой группы преступлений.

Однако было бы в корне неверно воспринимать высокую интенсивность иммиграционных процессов самостоятельной причиной, порождающей (воспроизводящей) рассматриваемые криминальные явления. Вероятно, что сами по себе такие процессы являются лишь одним из источников соответствующих криминальных угроз, а также рисков их возникновения, именно поэтому подобные факторы следует рассматривать в качестве криминогенных. Очевидно и то, что рост рассматриваемых преступлений не является прямым следствием увеличения числа иммигрантов, а при правильной организации соответствующих направлений правоохранительной деятельности влияние указанного фактора на их динамику значительно снижается.

Однако следует учитывать то, что рост иммиграции, особенно ее трудового сегмента, способствует увеличению спроса на юридическое сопровождение первичных миграционных процедур. При этом административный регламент допускает предоставление определенной части подобных услуг на коммерческой основе. Указанные мероприятия осуществляются через участие посреднических структур в оказании юридической и бюрократической помощи вновь прибывшим иностранцам, что предполагает взимание дополнительной оплаты согласно установленной государством тарификации.

Очевидно, что наряду с легальной сферой предоставления указанных миграционных услуг существует и теневая, которая нередко вступает в противоречие с действующим уголовным законодательством России. Изучение же сложившейся правоприменительной практики,

связанной с привлечением к уголовной ответственности за преступления против установленного законом порядка миграции населения, способствует осознанию некоторых детерминант подобных криминальных явлений.

Как было отмечено ранее, среди широкого комплекса миграционных преступлений определенная их часть связана с нарушением правил прохождения различных миграционных процедур, включая фиктивную постановку на миграционный учет либо фиктивную регистрацию иностранных граждан и лиц без гражданства, прибывающих в Россию с различными целями.

Однако из изученных материалов следственной и судебной практик следует, что в общем массиве возбуждаемых уголовных дел по признакам составов преступлений, предусмотренных ст. 332.2 и 322.3 УК РФ, преобладают те, где фиктивные учет либо регистрация совершались в отношении иностранных мигрантов, прибывших в Российскую Федерацию в целях занятия трудовой деятельностью.

Среди наиболее распространенных причин совершения подобных преступлений большинство опрошенных экспертов и других участников опроса выделяют именно те, которые связаны с организационными и правовыми факторами. Сами же мигранты наиболее часто называют социально-экономические причины, а также правовую неосведомленность, проблемы с поиском лиц, готовых предоставить свои помещения для постановки на миграционный учет и регистрации в местах пребывания мигрантов.

Анализируя наиболее распространенные причины совершения преступлений против учета и регистрации мигрантов по месту пребывания в жилых (нежилых) помещениях в пределах территории Российской Федерации, следует обратить внимание на фактор неосведомленности последних относительно особенностей отечественного миграционного законодательства [6, с. 64–69].

Следует отметить, что все из известных уголовному праву России составов преступлений, предусматривающих ответственность за нарушение отечественного миграционного законодательства, корреспондируют к множеству правовых институтов, определяющих правила миграции населения. Не являются исключением и преступления против установленного российским законодательством порядка учета и регистрации мигрантов.

Кроме того, активное внедрение в административную практику информационных технологий, позволяющих выполнить многие из формальных предписаний миграционного законодательства (авторизация в так называемых электронных очередях; подача заявлений; предоставление не требующей личного участия мигранта, но предусмотренной административным регламентом информации и много другое), также вызывает у некоторых вновь прибывших мигрантов затруднения. Это, в свою очередь, приводит к нарушению установленных сроков, которые весьма ограничены, и, как следствие, – к нарушению режима пребывания в Российской Федерации.

Литература

1. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 21 декабря 2013 г. № 376-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2013. № 51. Ст. 6696.
2. О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации: федеральный закон от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 30. Ст. 3285.
3. О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации: федеральный закон от 25 июня 2002 г. № 115-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3032.
4. Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации и расчетные варианты ее развития: аналитический обзор / Ю. М. Антонян [и др.]. М.: ВНИИ МВД России, 2018.
5. Миграция населения в России: тенденции, проблемы, пути решения // Социальный бюллетень. Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. М., 2018. URL: <https://ac.gov.ru/archive/files/publication/a/16766.pdf>
6. Никитенко И. В. Миграционная политика современной России: проблемы законодательства и практики его применения // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2016. № 2 (35).
7. Состояние преступности в Санкт-Петербурге: криминологический мониторинг и прогноз: науч.-практ. пособие: в 2-х ч. / под общ. ред. А. П. Богданова и А. А. Кочина. СПб.: Изд-во «Р-КОПИ», 2018. Ч. I.

УДК 343.3/.7

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ГЕРМАНИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Светлана Владимировна Замалева, доцент кафедры Дальневосточного юридического института МВД России, кандидат юридических наук

E-mail: zam77@bk.ru

В статье анализируются преступления против жизни и здоровья по уголовному законодательству Германии. Автор приходит к выводу о том, что система преступлений, посягающих на жизнь и здоровье, в целом сохраняет классические виды уголовно-правовых запретов, но при этом обладает определенной спецификой. Особый интерес для российского законодателя представляют технико-юридические приемы конструирования составов преступлений против жизни и здоровья, а также выделение немецким законодателем в самостоятельный состав таких преступлений, как лишение жизни по просьбе потерпевшего (эвтаназия); истязание опекаемых лиц; участие в драке и др.

Ключевые слова: вред жизни и здоровью; телесное повреждение; убийство; уголовная ответственность; наказание.

CRIMES AGAINST LIFE AND HEALTH GERMANY'S CRIMINAL LAW: COMPARATIVE ANALYSIS

Svetlana Vladimirovna Zamaleeva, department associate professor of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, *kandidat nauk*, degree in Law

The article analyzes crimes against life and health under the German criminal law. The author comes to the conclusion that the system of crimes encroaching on life and health, as a whole, preserves the classical types of criminal law prohibitions, but at the same time has certain specifics. Of particular interest to the Russian legislator are the technical and legal techniques for constructing the elements of crimes against life and health, as well as the allocation by the German lawmaker of such crimes as independent elements: deprivation of life at the request of the victim (euthanasia); torture of wards; participation in a fight and others.

Keywords: harm to life and health; personal injury; murder; criminal liability; punishment.

Преступления, посягающие на жизнь и здоровье, – самые распространенные и наиболее опасные преступления против личности. Повышенная общественная опасность данных деяний обусловлена тем, что субъект преступления в ходе реализации своего преступного умысла посягает на высшее и неотчуждаемое нематериальное благо человека – его жизнь и здоровье.

В последние годы статистика преступлений против жизни и здоровья показывает стабильную распространенность и типичность таких деяний не только в России, но и за рубежом. В связи с этим зарубежный опыт законодательной регламентации преступлений, посягающих на жизнь и здоровье, может оказаться полезным в процессе совершенствования российского уголовного законодательства.

Проанализируем особенности уголовной ответственности за преступления против жизни и здоровья по уголовному законодательству Германии.

Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии [1] (далее – УК ФРГ) был принят 15 мая 1871 г., и до настоящего времени в нем произошло большое количество изменений, которые в основном касаются Особенной части.

УК ФРГ не кодифицирован полностью, к источникам относятся: Конституция 1949 г.; Конституции земель – субъектов Федерации; Уголовное уложение 1871 г.; Дополнительное уголовное законодательство; уголовное законодательство субъектов Федерации – земель; Международный уголовный закон.

Уголовный закон ФРГ структурно состоит из Общей и Особенной частей. Общая часть состоит из 5 разделов, 2 глав и 79 параграфов.

Открывается Общая часть УК ФРГ нормами, регулирующими сферу действия уголовного закона во времени и в пространстве (§ 2–10).

Понятие преступления немецким законодателем сформулировано на основе принципа ненаказуемости деяния, не запрещенного уголовным законом. Уголовно наказуемые деяния подразделяются на преступления и проступки (§ 12).

Субъект преступления, как и в российском законодательстве, включает следующие обязательные признаки: физичность, вменяемость, возраст.

Вина представлена в виде преднамеренности (умысел) и неосторожности. Следует отметить, что неосторожность в форме легкомыслия уголовный закон ФРГ не выделяет, однако в ряде норм Особенной части законодатель использует слово «легкомыслие».

К стадиям совершения преступления, как и по УК РФ, немецкий законодатель относит приготовление, покушение, оконченное преступление.

Соучастие в преступлении по УК ФРГ не содержит определения понятия «соучастие». Формами соучастия являются подстрекательство и пособничество.

К обстоятельствам, исключающим преступность деяния, УК ФРГ относит вынужденную оборону (§ 32) и крайнюю необходимость (§ 34). Помимо Уголовного кодекса обстоятельства, исключающие преступность деяния, предусмотрены иными нормативными актами.

Особенная часть уголовного закона ФРГ состоит из 30 разделов, 358 параграфов. Разделы систематизированы по объекту. Параграфы УК ФРГ в основном состоят из диспозиции и санкции или только санкции, кроме того часть параграфов не описывают преступление и наказание, а носят сугубо рекомендательный характер. Следует отметить, что Особенная часть УК ФРГ содержит в том числе и уголовно-процессуальные нормы, в которых прописаны отдельные процессуальные действия.

УК ФРГ в иерархии охраняемых ценностей поставил на первое место интересы общества и государства, а не интересы личности, в отличие от УК РФ.

Разделы сформированы в Особенной части по усмотрению законодателя, а не по важности охраняемого объекта. В итоге, преступления против жизни расположены в разделе 16, а преступления против здоровья – в разделе 17 [2, с. 21].

Итак, раздел 16 УК ФРГ «Наказуемые деяния против жизни» выделяет следующие преступления: убийство; прерывание беременности; геноцид; оставление в опасности; небрежное лишение жизни.

Открывается раздел самым тяжким преступлением против жизни – *убийство*. Немецкий законодатель выделяет три вида убийства.

В § 211 УК ФРГ установлена ответственность за *тяжкое убийство*, которое совершается при наличии отягчающих обстоятельств (удовлетворение половой потребности, корысть и другие). Такое убийство наказывается пожизненным лишением свободы.

За *простое убийство* ответственность наступает по § 212 УК ФРГ.

В § 213 УК ФРГ регламентирована ответственность за *менее тяжкий случай убийства* (например, убийство виновного без собственной вины или тяжкое оскорбление со стороны убитого человека и другие случаи).

Особый интерес представляет § 216 УК ФРГ «Лишение жизни по просьбе потерпевшего (*эвтаназия*)». В случае лишения жизни по настойчивой и серьезной просьбе потерпевшего, виновному лицу могут назначить лишение свободы до пяти лет.

Таким образом, немецкий законодатель выделяет убийство по мотиву сострадания (эвтаназию) в качестве самостоятельного привилегированного состава преступления, в отличие от российского законодательства, где эвтаназия расценивается как простое убийство.

Ответственность за *прерывание беременности* предусмотрена немецким законодателем в § 218 УК ФРГ. Наказывается деяние лишением свободы на срок до трех лет (ч. 1). В особо тяжких случаях – против воли беременной женщины или при создании опасности гибели или причинения тяжкого вреда ее здоровью – наказание увеличивается до пяти лет (ч. 2).

В отличие от российского законодательства, немецкий УК ФРГ подробно описывает условия правомерности (неправомерности) прерывания беременности. Так, условия правомерности прописаны в § 218а «*Ненаказуемость прерывания беременности*». В части 1 § 218а обозначены такие условия ненаказуемости, как предъявление необходимых документов; срок беременности не более 12 недель.

Согласно ч. 2 § 218а, к условиям ненаказуемости относится проведение прерывания беременности по медицинским показаниям для предотвращения опасности гибели и причинения тяжкого вреда здоровью беременной женщины, если невозможно такую опасность предотвратить иным способом.

Также ненаказуемы случаи прерывания беременности, если есть серьезные основания полагать, что беременность наступила в результате наказуемого деяния, при этом срок беременности не должен быть более 12 недель (ч. 3 § 218а).

Беременная женщина (§ 218) не подлежит наказанию, если прерывание беременности врач произвел после консультации (§ 219) и если срок не превышает более 22 недель (ч. 4 § 218а).

К наказуемым ситуациям прерывания беременности немецкий законодатель относит: прерывание беременности без медицинского заключения; неправильное медицинское заключение (§ 218в); нарушение врачебного долга при прерывании беременности (§ 218с); агитация за прерывание беременности (§ 219а); незаконный сбыт средств для прерывания беременности (§ 219в).

Следует отметить, что подход немецкого законодателя в вопросе правовой регламентации за прерывание беременности заслуживает внимания не только потому, что подробно описывает условия правомерности (неправомерности) проведения такой операции, но и потому, что возлагает обязанность от воздержания совершения прерывания беременности на медицинских работников, имеющих высшее медицинское образование соответствующего профиля, в случае, если они нарушают регламентированные условия прерывания беременности.

Интересно, что к преступлениям против жизни немецкий законодатель относит и *геноцид* (§ 220а УК ФРГ). В УК РФ есть аналогичная норма (ст. 357), но она относится к разделу о преступлениях против мира и безопасности человечества.

Параграф 220а состоит из двух частей. По части 1 ответственность за геноцид наступает в случае полного или частичного умышленного уничтожения национальной, расовой, религиозной или иной группы. Наказывается такое деяние пожизненным лишением свободы. В неопасных случаях геноцида (ч. 2) наказание смягчается, однако лишение свободы не может быть менее пяти лет.

И в УК РФ (ст. 125) и в УК ФРГ (§ 221) установлена ответственность за *оставление в опасности*.

Отметим, что, в отличие от отечественной нормы, в § 221 УК ФРГ помимо основного состава предусмотрены квалифицирующие признаки, содержащие в том числе и общественно опасные последствия.

Так, по ч. 2 анализируемой нормы наказание ужесточается до 10 лет лишения свободы в случае оставления в опасности своего ребенка или лица, доверенного для воспитания или попечения, или если в результате деяния причиняется тяжкий вред здоровью потерпевшего,

а в случае причинения смерти потерпевшему в результате деяния, лишение свободы не может составлять менее трех лет (ч. 3).

Заключает раздел 16 УК ФРГ § 222 «Лишение жизни по небрежности». Это неосторожное преступление. Законодатель предусмотрел лишь одну форму неосторожности – небрежность.

Преступления против здоровья немецкий законодатель сосредоточил в разделе 17 УК ФРГ «Наказуемые деяния против телесной неприкосновенности». В обозначенном разделе выделяются следующие преступления: телесное повреждение; опасное телесное повреждение; истязание опекаемых лиц; тяжкое телесное повреждение; телесное повреждение, повлекшее смерть; согласие потерпевшего; небрежное телесное повреждение; участие в драке.

Следует подчеркнуть, что российский законодатель отказался от использования в УК понятия «телесные повреждения» и употребил дефиницию «причинение вреда здоровью». По УК РФ причинение вреда здоровью характеризуется определенной степенью тяжести (легкий, средний, тяжкий вред). Немецким законодателем степень тяжести причиненного вреда не дифференцирована. Можно лишь предполагать, о какой степени тяжести причиненного вреда здоровью идет речь.

Так, в § 224 УК ФРГ предусмотрена ответственность за *опасное телесное повреждение*. Под ним понимается: применение вредных для здоровья веществ; применение оружия; нападение; групповое преступление; опасное для жизни лечение. Наказывается такое деяние лишением свободы от 6 месяцев до 10 лет.

Предположительно, в анализируемой норме идет речь о вреде здоровью средней тяжести при отягчающих обстоятельствах.

Следующий § 225 УК ФРГ устанавливает ответственность за *истязание опекаемых лиц*. Имеются в виду мучение, истязание, нанесение вреда здоровью в случае злонамеренного невыполнения своего долга заботиться о несовершеннолетнем или беззащитном вследствие болезни, физического недостатка лице. Виновному лицу грозит лишение свободы на срок от 6 месяцев до 10 лет.

В случае наступления смерти или других тяжких последствий для опекаемого, срок лишения свободы не может составлять менее одного года.

Немецкий законодатель устанавливает ответственность за *тяжкое телесное повреждение* (§ 226), аналогично норме ст. 111 УК РФ. Наказывается такое деяние лишением свободы на срок от одного года до 10 лет. Если указанные последствия стали результатом умышленных действий со стороны виновного, то лишение свободы не может составлять менее трех лет. Таким образом, анализируемая норма охватывает как умышленные, так и неосторожные деяния.

В § 227 УК ФРГ выделяется самостоятельный состав, предусматривающий ответственность за *телесное повреждение со смертельным исходом*. Российский законодатель аналогичное преступление разместил в ч. 4 ст. 111 УК РФ в качестве квалифицированного состава.

Интерес представляет § 228 УК ФРГ, устанавливающий ответственность за нанесение телесных повреждений с *согласия потерпевшего* лица, причем если такое деяние нарушило общепринятые нормы морали. О наказании за такое деяние в норме ничего не сказано.

Отметим, что УК РФ не выделяет причинение вреда здоровью с согласия потерпевшего в самостоятельный состав преступления.

Ответственность за *небрежное телесное повреждение* установлена в § 229 УК ФРГ. Вина в анализируемом преступлении, как и в предыдущих неосторожных деяниях, предусмотрена только в форме небрежности, однако не уточняется, о каком телесном повреждении идет речь.

Как уже было отмечено, УК ФРГ регламентирует некоторые уголовно-правовые вопросы. В частности, в § 230 УК ФРГ закреплены условия преследования виновных лиц по заявлению потерпевшего. Процессуальные вопросы в УК РФ, в отличие от немецкого законодательства, не рассматриваются.

Заключает главу 17 § 231 УК ФРГ, предусматривающий ответственность за участие в драке. По смыслу данного параграфа, ответственность наступает за сам факт участия в драке или в нападении. При наступлении смерти человека или других последствий в результате драки или нападения ответственность наступает по другой норме (§ 226).

Российский законодатель сам факт участия в драке в качестве самостоятельного состава не выделяет.

Таким образом, анализ уголовного законодательства Германии показывает, что система преступлений, посягающих на жизнь и здоровье, в целом сохраняет классические виды уголовно-правовых запретов, но при этом обладает определенной спецификой. Во-первых, УК ФРГ в иерархии охраняемых ценностей поставил на первое место интересы государства, а не личности. Во-вторых, степень тяжести причиненного вреда немецким законодателем не дифференцируется. В-третьих, УК ФРГ содержит ряд преступлений, которые не выделяются в самостоятельный состав по российскому законодательству: лишение жизни по просьбе потерпевшего (эвтаназия); истязание опекаемых лиц; участие в драке и др. В-четвертых, УК ФРГ, в отличие от российского законодательства, содержит и уголовно-процессуальные нормы, в которых прописаны отдельные процессуальные действия.

Литература

1. Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии: в ред. от 13 ноября 1998 г. по состоянию на 15 мая 2003 г. / пер. с нем. Н. С. Рачковой; науч. ред. и вступ. ст. Д. А. Шестакова. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003.
2. Аистова Л. С., Краев Д. Ю. Уголовное право зарубежных стран: учеб. пособие. СПб., 2013.

УДК 343.24

ОБ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ УСЛОВНОГО ОСУЖДЕНИЯ

Дмитрий Борисович Лаптев, доцент кафедры Западно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук

E-mail: lapa612@mail.ru

В статье рассматриваются разные подходы к определению уголовно-правовой сущности условного осуждения. В частности, анализируются позиции авторов, предлагающих считать условное осуждение разновидностью наказания, особыми формами исполнения приговора, освобождения или отсрочки отбывания наказания и др. Делается вывод, что условное осуждение – это иная мера уголовно-правового характера, подразумевающая коррекцию поведения осужденного в период испытательного срока посредством возложения на него особых обязанностей и установления порядка осуществления за ним контроля. Выделяются признаки условного осуждения как иной меры уголовно-правового характера: назначение в качестве альтернативы наказанию; ограниченный круг субъектов, к которым применимо условное осуждение; испытательный характер, допускающий неприменение назначенного наказания в будущем, если осужденным в период испытательного срока будут надлежащим образом исполняться возложенные обязанности.

Ключевые слова: иные меры уголовно-правового характера; условное осуждение; наказание; отсрочка отбывания наказания; освобождение от наказания.

ON THE CRIMINAL LAW NATURE OF PROBATION

Dmitriy Borisovich Laptev, department associate professor of the West Siberian Branch of the Russian State University of Justice, *kandidat nauk*, degree in Law

The article considers different approaches to determining the criminal legal nature of a suspended conviction. In particular, the positions of the authors proposing to consider suspended sentences as a form of punishment, special forms of execution of sentence, release or suspension of serving of sentence, etc., are analyzed. It is concluded that probation is another measure of a criminal law nature, which implies correcting the behavior of the convicted person during the probationary period by imposing special duties on him or her and establishing the procedure for monitoring him or her. There are signs of probation as another measure of a criminal law nature: alternative to punishment of appointment; The limited range of subjects to which suspended sentences apply; Probationary character, allowing for the non-application of the penalty imposed in the future, if the convicted persons are duly discharged during the probationary period.

Keywords: other measures of a criminal law nature; conditional condemnation; punishment; serving sentence delay; release from punishment.

На сегодняшний день можно с уверенностью констатировать, что условное осуждение является чрезвычайно востребованным в правоприменительной практике. Так, по состоянию на 31 декабря 2018 г. на учете в уголовно-исполнительных инспекциях состояло 509665 чел., осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества, или с применением ст. 73 УК РФ*. В 2017 г., по данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, условное осуждение применено к 25,7 % осужденных, а реальное лишение свободы – к 29 %, в 2018 г. – к 25,3 % и 28,2 % соответственно. За 2008–2017 гг. интенсивность применения условного осуждения понизилась с 38,9 до 25,3 %, т. е. фактически на треть, а реального лишения свободы – с 33,9 до 28,2 %**. Из этого можно заключить, что причиной ее снижения стало более широкое назначение наказаний, не связанных с изоляцией от общества.

Хотя наказание и является, по образному изречению А. Ф. Кистяковского, выражением «души уголовного права» [11, с. 352], современная уголовно-правовая политика строится в ключе сокращения избыточного применения репрессивных мер уголовно-правового воздействия. Поэтому условное осуждение с назначением испытательного срока выступает весьма важным уголовно-правовым инструментом, посредством которого могут быть достигнуты цели наказания.

Необходимо отметить, что единый подход к определению уголовно-правовой сущности условного осуждения в отечественной доктрине уголовного права до настоящего времени не сложился. При этом сформировалось четыре основных подхода к определению его уголовно-правовой сущности.

Так, А. А. Пионтковский определял условное осуждение как форму наказания, максимально эффективную для применения к лицам, совершившим преступления впервые [15, с. 12]. М. А. Гельфер именовал его «особым видом» наказания, подчеркивая, что условно осужденный подвергается специальным правоограничениям, а испытательный срок устанавливается в целях его исправления [7, с. 2–5]. Данный подход представляется сомнительным, так как, исходя из ч. 1 ст. 73 УК РФ, суд при применении условного осуждения констатирует возможность исправления осужденного без реального отбывания наказания.

Противники такого определения юридической природы условного осуждения исходят из того, что государственное принуждение (обязательный признак уголовного наказания) в данном случае не реализуется [13, с. 199–204]. В целом это не вполне справедливо: ст. 74 УК РФ содержит перечень оснований для отмены условного осуждения, а ч. 5 т. 73 УК РФ – перечень обязанностей, которые могут быть возложены на условно осужденного. Однако, как и признание условного осуждения мерой уголовно-правового воздействия, альтернативной

* Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы // ФСИН России. URL: <http://fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (дата обращения: 16.10.2019).

** Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2008–2018 годы // Судебный департамент при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2074> (дата обращения: 16.10.2019).

наказанию [8, с. 4], такая точка зрения представляется правильной. В период условного осуждения за лицом осуществляется контроль, и хотя оно не испытывает серьезных правоограничений, объем уголовно-правового воздействия оказывается значительным.

Сторонники другой научной позиции, например Ю.М. Ткачевский, напротив, полагают, что условное осуждение представляет собой особую форму исполнения приговора, поскольку в отношении лица установлен испытательный срок, а дополнительное наказание, назначенное ему, исполняется самостоятельно [18, с. 32–38]. Как и в предыдущем случае, укажем, что формулировка «без реального отбывания наказания» не позволяет считать условное осуждение формой исполнения приговора. К тому же исполнение приговора – это самостоятельный уголовно-процессуальный, а не уголовно-правовой институт.

Комплексную уголовно-правовую и пенитенциарную природу условного осуждения обосновали такие авторы, как В.Н. Бойко, И.В. Никитенко и О.В. Сукманов, указав, что его «можно рассматривать с позиций особого правового компромисса между государством в лице суда и преступником в лице осужденного, когда преступник берет обязательства о соблюдении выдвинутых судом условий, а государство же, в свою очередь, поощряет позитивно-правовое поведение осужденного неприменением реального наказания в течение испытательных сроков» [4, с. 8–11]. Этот подход представляется логичным и в целом характеризующим условное осуждение как альтернативу наказанию.

В соответствии с еще одним научным подходом условное осуждение – это особая форма освобождения лица от назначенного по приговору суда наказания [9, с. 7; 12, с. 5–7]. Такой подход соответствовал положениям УК РСФСР 1960 г., поскольку порядок условного осуждения регламентировался в нем в главе об освобождении от наказания. Однако сегодня ст. 73–74 УК РФ расположены в главе о назначении наказания, а их содержание не позволяет констатировать, что условно осужденный освобождается от наказания. Он находится под контролем, осуществляемым уполномоченным органом, исполняющим наказание, он принуждается к исполнению обязанностей, возложенных по приговору суда, а непосредственно условное осуждение может быть отменено как в случае совершения нового преступления, так и в связи с уклонением от добросовестного исполнения возложенных обязанностей. Условный характер осуждения не предполагает обязательного и окончательного (до истечения испытательного срока) освобождения от наказания. Обращаясь к структуре Общей части УК РФ, можно отметить, что условное осуждение прямо не включено в перечень оснований освобождения от наказания и соответствующие положения находятся в главе о назначении наказания, поэтому даже с юридико-технической точки зрения не входят в состав института освобождения от наказания. Аналогично выглядит предложение признать условное осуждение «отложенным наказанием» [19, с. 91–99], поскольку ст. 73–74 УК РФ не предполагают обязательного обращения приговора к исполнению.

И наконец, некоторые авторы справедливо полагают, что условное осуждение – это самостоятельная мера уголовно-правового характера, применяющаяся к лицам, исправление которых с помощью наказания представляется суду нецелесообразным [6, с. 67; 14, с. 64]. В период испытательного срока стимулируется законопослушное поведение преступника, а по его окончании погашается судимость. Такой подход согласуется с правовыми позициями Конституционного Суда РФ и Пленума Верховного Суда РФ.

Конституционный Суд РФ в одном из своих определений подчеркнул, что испытательный срок, устанавливаемый при условном осуждении, не является наказанием [1]. Из этого следует, что и условное осуждение не признается таковым. Пленум Верховного Суда РФ указал, что условным может быть признано только основное наказание, а испытательный срок, устанавливаемый при условном осуждении, не является наказанием [2]. Соответственно, применение условного осуждения – это альтернатива наказанию, т. е. иная мера уголовно-правового характера. Исходя из ч. 1 ст. 2 УК РФ, за совершение преступлений могут назначаться

или наказания, или иные меры уголовно-правового характера, поэтому данный вывод представляется однозначным. Кроме того, изменение категории преступления на менее тяжкую улучшает положение осужденного, в том числе и потому, что позволяет применить к нему условное осуждение [3]. Из этого можно заключить, что условное осуждение также не обладает признаками уголовного наказания.

На основании изложенного представляется возможным определить уголовно-правовую природу условного осуждения следующим образом. Условное осуждение – это иная мера уголовно-правового характера, подразумевающая коррекцию поведения осужденного в период испытательного срока посредством возложения на него особых обязанностей и установления порядка осуществления за ним контроля. Условное осуждение является альтернативой наказаний как связанных с изоляцией от общества (содержание в дисциплинарной воинской части, лишение свободы), так и не связанных (исправительные работы, ограничение по военной службе). Испытательный срок имеет принудительный характер, что позволяет воздействовать на осужденного, превращая его в законопослушную личность.

Через условное осуждение реализуется уголовная ответственность [5, с. 165], поэтому его отнесение к иным мерам уголовно-правового характера является справедливым. В связи с этим сомнительно утверждение о том, что «правовая природа условного осуждения остается неясна» [17, с. 75–78]. Возможность применения условного осуждения по четырем основным видам наказания (исправительные работы, ограничение по военной службе, содержание в дисциплинарной воинской части, лишение свободы), запрет применения к части осужденных, представляющих наибольшую степень общественной опасности, контроль в период испытательного срока – все указанные признаки позволяют считать условное осуждение именно иной мерой уголовно-правового характера, применение которой сопряжено с установлением для осужденного периода испытания, завершение которого (при условии соблюдения всех параметров поведения, установленных в приговоре суда) тождественно трансформации личности осужденного с отказом от преступного способа удовлетворения потребностей.

Конкуренция условного осуждения с некоторыми видами наказаний (например, с ограничением свободы), признаки которой диагностированы некоторыми авторами [10, с. 131–135], не является основанием для его признания видом наказания. Например, по своей сущности и содержанию в Общей части УК РФ во многом совпадают штраф (вид наказания) и судебный штраф (иная мера уголовно-правового характера). Из этого можно заключить, что перечень средств, применимых при уголовно-правовом воздействии к лицам, совершившим общественно опасные посягательства, ограничен, и потому такие совпадения теоретически и практически возможны. Однако это не означает установления тождества между наказанием и иными мерами уголовно-правового характера, а лишь подчеркивает их взаимосвязь.

Исследуя совпадающие сферы применения условного осуждения и ограничения свободы, некоторые авторы ссылаются на мнение правоприменителей, отмечающих их наличие [16, с. 11–17]. Соглашаясь с тем, что особенности исполнения условного осуждения и ограничения свободы частично совпадают, отметим, что правоограничительный потенциал наказаний и иных мер уголовно-правового характера может иметь сходство.

Таким образом, признаками условного осуждения как иной меры уголовно-правового характера выступают:

- назначение в качестве альтернативы наказанию, при этом законодательно ограничен как перечень наказаний, назначаемых условно, так и категории преступлений, по делам о которых может быть применено условное осуждение;
- ограниченный круг субъектов, к которым применимо условное осуждение;
- испытательный характер, допускающий неприменение назначенного наказания в будущем, если осужденным в период испытательного срока будут надлежащим образом исполняться возложенные обязанности.

Литература

1. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Кажяевой Светланы Борисовны на нарушение ее конституционных прав частью третьей статьи 72 Уголовного кодекса Российской Федерации и частью восьмой статьи 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 19 июля 2016 г. № 1690-О. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. О практике применения судами положений части 6 статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 мая 2018 г. № 10. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
4. Бойко В. Н., Никитенко И. В., Сукманов О. В. Исполнение условного осуждения: учеб.-практ. пособие. Хабаровск, 2003.
5. Борченко Д. Ю. Конфискация имущества как иная мера уголовно-правового характера: понятие, природа, социальное предназначение и порядок применения: дис. ... канд. юрид. наук. Тольятти, 2007.
6. Бышевский Ю. В., Марцев А. И. Наказание и его назначение: учеб. пособие. Омск: Омская высш. школа милиции МВД СССР, 1975.
7. Гельфер М. А. Условное осуждение в СССР // Проблемы права. 1939. № 2.
8. Гладких В. И., Дьяконова С. В. Условное осуждение: правовая природа и проблемы применения: монография. М.: Изд-во Междунар. юрид. ин-та, 2009.
9. Зельдов С. И. Освобождение от наказания и его отбывания. М.: Юрид. лит., 1982.
10. Каданева Е. А. Конкуренция уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера // Уголовная юстиция. 2018. № 11.
11. Кистяковский А. Ф. Элементарный учебник общего уголовного права. М.: Лань, 2014.
12. Кобец П. Н., Краснова К. А. О необходимости совершенствования института условного осуждения в современной России // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2009. № 6.
13. Курс уголовного права: учебник: в 5 т. Т. 2. Общая часть. Учение о наказании / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М.: Зерцало, 2002.
14. Нечепуренко А. А. Институт уголовного испытания как воплощение идеи условности наказания: препринт. Омск: Омская акад. МВД России, 2007.
15. Пионтковский А. А. Об условном осуждении, или системе испытания: уголовно-политическое исследование. Одесса, 1894.
16. Рахматуллин З. Р. Сравнительный анализ условного осуждения и уголовного наказания в виде ограничения свободы // Эпоха науки. 2015. № 1.
17. Тарасов А. Н. Условное осуждение по законодательству России: вопросы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2003.
18. Ткачевский Ю. М. Юридическая природа условного осуждения // Уголовное право. 1999. № 1.
19. Уразбаев Р. Ш. Условное осуждение: наказание или освобождение от наказания? // Вестник экономики, права и социологии. 2017. № 3.

УДК 343.3

ЛИДЕРЫ ЭКСТРЕМИСТСКИХ СООБЩЕСТВ КАК ПРЕДСТАВИТЕЛИ ПРЕСТУПНОЙ ИЕРАРХИИ

Егор Владимирович Алехин, доцент кафедры Дальневосточного юридического института МВД России, кандидат юридических наук

E-mail: negus87@mail.ru

Статья посвящена изучению состояния и перспектив борьбы с организованной преступностью. В частности, рассмотрению подлежит категория лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, и решение вопроса о возможности отнесения к ней лидеров экстремистских сообществ. В определении результатов проведенного исследования автор опирается на анализ юридической литературы, правоприменительной практики и зарубежного опыта.

Ключевые слова: организованная преступность; экстремизм; экстремистское сообщество; высшее положение в преступной иерархии; вор в законе.

LEADERS OF EXTREMIST CONSPIRACY AS REPRESENTATIVES OF A CRIMINAL HIERARCHY

Egor Vladimirovich Alyokhin, department associate professor of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, *kandidat nauk*, degree in Law

The article is devoted to the study of the state and prospects of the fight against organized crime. In particular, the category of persons occupying a senior position in the criminal hierarchy and the decision on the possibility of classifying leaders of extremist conspiracy to it are subject to consideration. In determining the results of the study, the author relies on the analysis of legal literature, law enforcement practice and foreign experience.

Keywords: organized crime; extremism; extremist conspiracy; a senior position in the criminal hierarchy; criminal kingpin.

Проблема борьбы с организованной преступностью не утрачивает своей актуальности, несмотря на то, что данный феномен не является новым для нашей страны. Многогранность его проявлений затрагивает различные сферы общественной жизни, тем самым спектр лиц, которые могут быть вовлечены в организованную преступную деятельность, оказывается достаточно широким, что приводит к дальнейшему увеличению масштабов распространенности преступности, поскольку данные формирования являются одним из основных ее источников. При этом опасения вызывает тот факт, что подавляющее большинство преступлений (95,9%), совершаемых организованными группами или преступными сообществами, относятся к категории тяжких и особо тяжких*. Не случайно в Стратегии национальной безопасности в качестве одной из основных угроз указана деятельность преступных организаций [4].

Особое место в рассматриваемой проблеме отводится лицам, занимающим высшее положение в преступной иерархии, которые выступают в качестве идеологов организованной преступной деятельности. Под их руководством осуществляются процессы вовлечения в свои ряды новых членов, планирования преступлений и координации действий исполнителей, создаются устойчивые преступные связи, выходящие за пределы их территориального нахождения, переходя на трансграничные и международные уровни, формируются новые криминальные проявления. Их деятельность сопровождается расширением сферы влияния, проникновением во властные структуры и гражданские институты.

Рассматривая сложившуюся ситуацию в качестве новой угрозы и проявляя обеспокоенность проблемой роста данных преступлений, законодателем в 2009 г. в УК РФ была введена часть 4 ст. 210, предусматривающая ответственность за создание преступного сообщества лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии [1]. Однако, как отмечают И. В. Никитенко и Т. В. Якушева, реальные результаты противодействия организованной преступности, основанные на объективном анализе, свидетельствуют о том, что достичь ожидаемого положительного эффекта в противодействии деятельности высокоорганизованных преступных сообществ на правоприменительном уровне так и не удалось [16]. Спустя десять лет, развивая положения данной нормы, УК РФ был дополнен [2] ст. 210.1 «Занятие высшего положения в преступной иерархии», согласно которой для привлечения лица к уголовной ответственности достаточно лишь его принадлежности к данной ячейке преступного мира.

Представляется, что данная норма введена законодателем для того, чтобы привлечь к уголовной ответственности тех лиц, которые, являясь лидерами в криминальной среде, своими действиями не формируют объективную сторону состава преступления. Как принято считать, «вор в законе», «положенец», «смотрящий» являются авторитетами в уголовной, тюремной

* Состояние преступности в России за январь–декабрь 2019 года. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/19412450> (дата обращения: 30.01.2020).

среде, что не предусматривает обязательного совершения ими преступлений. В частности, их деятельностью может охватываться контроль за местами лишения свободы, снабжение заключенных продуктовыми передачами и другие, не связанные с преступлениями мероприятия. Носители вышеуказанных «титолов» до введения ст. 210.1 УК РФ не могли считаться совершившими преступление лишь в силу их уголовного «статуса», пока не совершат преступления. Не вступая в дискуссию по поводу обоснованности и своевременности данной нормы, в ходе которой указывается на отсутствие достаточной правоприменительной практики по ч. 4 ст. 210 УК РФ, следует отметить, что имеющаяся информация о фактах возбуждения уголовных дел по ст. 210.1 УК РФ* позволяет оптимистично предположить о выработке в скором времени практики выявления, раскрытия и расследования данного вида преступлений. При этом обратим внимание, что во всех указанных примерах не фигурируют лидеры преступного мира, причастные к преступлениям против основ конституционного строя и безопасности государства. В первую очередь речь идет о лидерах экстремистских сообществ, которые, как представляется, также могут быть отнесены к категории лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии. Такой вывод может быть сделан исходя не только из тесной связи диспозиций ст. 210 и 282.1 УК РФ, что уже ранее отмечалось [11], но и проведенного анализа юридической литературы, нормативно-правовых актов.

В Концепции внешней политики Российской Федерации [3] отмечается расширение сферы влияния транснациональной организованной преступности, устанавливающей связи с террористическими и экстремистскими организациями, которые, являясь источниками экстремистской идеологии, приводят к разрушению традиционных механизмов государственного управления и обеспечения безопасности, увеличению масштабов незаконного распространения оружия и боеприпасов, призывают к применению насильственных методов для достижения своих целей в политическом, межнациональном и межрелигиозном соперничестве. Концепция общественной безопасности в Российской Федерации [5] называет деятельность экстремистских организаций одним из основных источников ее угроз. Согласно Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года [6], деятельность экстремистских организаций (в том числе международных) и объединений экстремистского толка относится к числу внешних и внутренних угроз.

Таким образом, учитывая не только повышенное внимание к проблеме расширения сферы влияния экстремистских организаций, но и степень угрозы, исходящей с их стороны, можно сделать вывод о необходимости усиления мер борьбы с данным феноменом и обратить внимание на возможность отнесения ряда лидеров экстремистских сообществ к лицам, занимающим высшее положение в преступной иерархии. Они, по сути являясь идеологами экстремистской деятельности, представляют наибольшую общественную опасность, поскольку могут координировать преступные действия, создавать устойчивые преступные связи между различными организованными группами и совершать иные действия, направленные на проникновение и распространение своих идей, но при этом оставаться «в тени» и не попадать в поле зрения правоохранительных органов, тем самым уходя от ответственности.

Однако пока нет однозначного понятия лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, и перечня критериев, которые позволяли бы отнести к нему того или иного лидера. Между тем в п. 24 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» [7] говорится о необходимости в ходе доказывания состава по ч. 4 ст. 210 УК РФ определить, в чем заключалось руководство

* Петров И. Первый пошел // Российская газета. 2019. 29 мая; Соковнин А. Суд не поверил Ахмеду Сутулому // Коммерсантъ. 2019. 19 августа; Трифонов В. Следствие закрепило положение Шишкана // Коммерсантъ. 2019. 23 августа; Трифонов В. Циркачу заочно напомнили о статусе // Коммерсантъ. 2019. 30 июля.

со стороны конкретного лица, каким образом осуществлялась координация преступных действий, создание устойчивых связей между организованными группами либо раздел сфер влияния и преступных доходов, а также предоставить иные сведения о его авторитете и лидерстве.

Это не могло не вызвать вопросы в первую очередь у сотрудников правоохранительных органов, которым пришлось столкнуться с необходимостью доказывать факт принадлежности лица к определенной ячейке преступной иерархии, а также дискуссию в юридической науке, так как возникла необходимость дать четкое толкование рассматриваемой нормы в целях совершенствования как правоприменительной практики, так и ее законодательного обеспечения. При этом следует отметить, что некоторые авторы еще в 2010 г. предупреждали, что включенный в ст. 210 УК РФ квалифицирующий признак совершения преступления лицом, «занимающим высшее положение в преступной иерархии», породит сложности на практике, поскольку эта дефиниция имеет во многом оценочный характер [17]. До настоящего времени консенсус по данному вопросу не достигнут. Одни авторы либо ставят знак равенства между лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии, и воров в законе либо, расширяя значение первого, включают в него признаки, характеризующие также и иных членов воровского сообщества (положенцы, смотрящие и др.) [13; 15; 19]. Другие, не отождествляя лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии, с представителями воровского движения, определяют его как одного из лидеров в криминальной среде, которое организовало преступное сообщество и осуществляет руководство им [10; 18].

Вторая позиция представляется более удачной, поскольку оценке подлежит не столько статус лица, сколько фактические действия, которые были им совершены. В таком случае расширяется круг субъектов, которые могут быть отнесены к лицам, занимающим высшее положение в преступной иерархии. Однако это позволяет, во-первых, уйти от оценки положения лидера коллоквиализмами преступного мира, не имеющими законодательного закрепления, что благотворно скажется на процессе доказывания. Во-вторых, избавит правоприменителей от необходимости определять момент, с которого лицо будет считаться утратившим свой статус, ведь если рассматривать вопрос уголовной ответственности исходя из положения лица в преступном мире, которое будет сохраняться за ним как в процессе предварительного следствия, во время отбывания наказания в местах лишения свободы, так и после освобождения из них, то правоохранительные органы будут обязаны возбуждать уголовное дело по ст. 210.1 УК РФ в день его выхода на свободу.

Кроме того, данная позиция не идет вразрез с положениями названного выше Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 12, где указано, что о лидерстве лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, может свидетельствовать и наличие связей с экстремистскими и (или) террористическими организациями или наличие коррупционных связей и т. п. Ведь, как отмечается в научной литературе, лидеры экстремистских и (или) террористических организаций могут оказывать влияние на лидера преступного сообщества (преступной организации) – вора в законе. В таком случае тот вынужден будет подчиниться лидерам экстремистской и (или) террористической организации и его статус окажется ниже [12].

При этом следует обратить внимание на тот факт, что для рассматриваемых формирований характерно наличие ряда признаков организованной преступной деятельности, они могут представлять собой объединенные одной целью организованные группы, им присуща преступная иерархия, которая может иметь даже большую выраженность, чем в воровских сообществах [14].

Как отмечается в Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года, лидеры экстремистских организаций в своей деятельности ориентируются преимущественно на молодежь, при этом повышенный интерес они проявляют к отличающимся высокой степенью организованности неформальным объединениям националистов, орга-

низациям футбольных болельщиков, активно вовлекая их членов в свои ряды, провоцируя на совершение преступлений экстремистской направленности, в том числе в ходе проведения спортивных и культурных мероприятий. Внимание к их деятельности обоснованно – среда футбольных фанатов является одним из источников кадров в организации экстремистского толка, что стало особенно заметно в последнее время: за период 2017–2019 гг. в список запрещенных экстремистских организаций было внесено четыре объединения футбольных фанатов («ТОЙС», «Сектор 16», «Фирма», «Автоград Крю»)*.

Экстремистская деятельность футбольных фанатов может проявляться в совершении ими ряда правонарушений и преступлений – от хулиганских действий до убийства, призывов к осуществлению экстремистской деятельности, а поскольку она носит массовый характер, то не исключена возможность перерастания их действий в вооруженный мятеж, что может привести к международным конфликтам и войнам, примеры чего имеются в мировой истории**. Исходя из этого особое значение приобретает деятельность лидеров фанатского сектора, которые могут использовать негативные настроения болельщиков в личных целях либо в интересах иных лиц. Так, в мае 2019 г. в Самаре футбольный фанат был осужден по ст. 282.2 УК РФ «Организация деятельности экстремистской организации» за вербовку жителей региона к участию в боевых действиях на стороне запрещенной в России праворадикальной организации «Правый сектор»***.

Поэтому, оценивая лидера экстремистского сообщества по признакам лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, следует определить, в чем именно заключалось руководство (формирование идеологической составляющей, разработка планов преступной деятельности, вербовка новых членов, решение финансовых вопросов, распределение сфер влияния, обеспечение конспирации и др.) и степень распространенности его влияния как на членов сообщества, так и на участников иных преступных формирований.

В борьбе с организованной преступностью интересен опыт Грузии. В 2005 г. был принят Закон «Об организованной преступности и рэкрете» [9], где раскрывается содержание понятия вора в законе как лица, которое в любой форме осуществляет управление или организацию воровского сообщества либо с использованием методов деятельности воровского сообщества осуществляет управление или организацию определенной группы лиц. Соответственно, в основе оценки лежит фактическая деятельность по управлению конкретным кругом лиц, совершающих преступления. Корреспондирующие поправки были внесены в Уголовный кодекс Грузии [8]****: статья 223.1 предусматривает уголовную ответственность за членство в воровском сообществе и пребывание лица в положении вора в законе.

Учитывая схожее содержание ст. 210.1 УК РФ, можно сделать вывод о том, что российское законодательство рассматривает высшее положение в преступной иерархии достаточно широко: к нему помимо воров в законе могут быть отнесены и криминальные авторитеты,

* Организация футбольных болельщиков «ТОЙС» (иные наименования: Т.О.У.С, The Opposition Young Supporters) (решение Советского районного суда г. Самары от 11.04.2017); Общественное объединение футбольных болельщиков «Сектор 16» Бугульминского муниципального района Республики Татарстан (иные наименования: С-16, Bugulma Ultras (решение Бугульминского городского суда Республики Татарстан от 28.05.2018); Организация футбольных болельщиков «Фирма» футбольных фанатов «Поколение» (решение Пролетарского районного суда г. Тулы от 14.06.2018); Общественное объединение футбольных болельщиков «Автоград Крю» (другие наименования: Autograd Crew, Kamaz Ultras, Blue White Crew) (решение Набережночелнинского городского суда Республики Татарстан от 06.02.2019).

** Речь идет о массовых беспорядках в Перу 24 мая 1964 г. на футбольном матче между аргентинской и перуанской командами, после чего в стране было введено военное положение; в июне 1969 г. беспорядки во время матча привели к так называемой футбольной войне между Гондурасом и Сальвадором.

*** Самара: приговор вербовщику в «Правый сектор». URL: <https://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/news/counteraction/2018/07/d39745/> (дата обращения: 27.01.2020).

**** В 2018 г. грузинский парламент внес в него изменения, дополнив ст. 223.2 «Участие в воровском сходе», ст. 223.3 «Поддержка деятельности воровского сообщества», ст. 223.4 «Обращение к члену воровского сообщества/вору в законе или получение материальной выгоды либо материального преимущества в результате такого обращения», ужесточив тем самым уголовную ответственность членов воровского мира.

и лица, имеющие связи с экстремистскими сообществами (либо лидеры экстремистских сообществ). Таким образом, норма разработана с учетом возможности изменяющейся криминологической обстановки, исключая зависимость лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, от формулировки статуса, употребляемой в преступном мире, вводя оценочные показатели, которые будут рассматриваться в каждом конкретном отдельно взятом деле. Поэтому, резюмируя вышеизложенное, можно сделать вывод о возможности отнесения организаторов экстремистских сообществ к лицам, занимающим высшее положение в преступной иерархии, независимо от их статуса в воровском мире, учитывая масштаб деятельности и степень воздействия на преступные действия членов преступных организаций как в пределах одного региона, так и нескольких, наличие зарубежных связей и возможностей как финансирования преступной деятельности, так и получения от нее материальной выгоды.

Литература

1. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и в статью 100 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федеральный закон от 3 ноября 2009 г. № 245-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2009. № 45. Ст. 5263.
2. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности: федеральный закон от 1 апреля 2019 г. № 46-ФЗ // Российская газета. 2019. 3 апреля.
3. Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации: указ Президента РФ от 30 ноября 2016 г. № 640 // Собрание законодательства РФ. 2016. № 49. Ст. 6886.
4. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1 (ч. II). Ст. 212.
5. Концепция общественной безопасности в Российской Федерации: утв. Президентом РФ 14 ноября 2013 г. № Пр-2685. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
6. Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года: утв. Президентом РФ 28 ноября 2014 г. № Пр-2753. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
7. О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней): постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2010 г. № 12 // Российская газета. 2010. 17 июня.
8. Уголовный кодекс Грузии (принят 22 июля 1999 г. № 2287-вс) // Законодательный вестник Грузии. URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/16426?publication=212>.
9. Об организованной преступности и рэкете: закон Грузии от 20 декабря 2005 г. № 2354 // Законодательный вестник Грузии. URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/27814?publication=1>.
10. Агапов П. В., Сухаренко А. Н. Актуальные проблемы борьбы с лидерами преступной среды России // Безопасность бизнеса. 2017. № 5.
11. Алехин Е. В. Соотношение понятий «экстремистское сообщество» и «преступное сообщество (организация)» // Право и правопорядок: вопросы теории и практики: сб. науч. тр. Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2018.
12. Антонова Е. Ю. Лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии, как специальный субъект преступления // Актуальные вопросы рассмотрения уголовных дел в суде присяжных: сб. материалов всерос. науч.-практ. конф. Хабаровск: Юрист, 2017.
13. Горбунов О. А. Некоторые вопросы, связанные с субъектом преступления, предусмотренного ст. 210 УК РФ // Преступность, национальная безопасность, бизнес / под ред. А. И. Долговой. М.: Рос. криминолог. ассоциация, 2012.
14. Григорьев Д. А., Морозов В. И. Как определить лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии? // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 4 (30).
15. Гришко А. Я. Особо квалифицирующий признак создания преступного сообщества (преступной организации) // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 2.
16. Никитенко И. В., Якушева Т. В. Координация преступных действий организованных групп: проблемы законодательства и правоприменительной практики // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2017. № 2 (39).
17. Никитенко И. В., Якушева Т. В. Организация преступного сообщества: проблемы квалификации // Уголовное право. 2010. № 5 (39).
18. Скобликов П. А. Высшее положение в преступной иерархии: проблемы толкования и применения ч. 4 ст. 210 УК РФ // Закон. 2019. № 7.
19. Шалагин А. Е. Криминологическая характеристика лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2016. № 4.

УДК 343.241

НАЗНАЧЕНИЕ НАКАЗАНИЯ ЗА ВАНДАЛИЗМ ЛИЦАМ ИЗ ОТДЕЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП НАСЕЛЕНИЯ

Владимир Петрович Тепляков, старший преподаватель Дальневосточного юридического института МВД России

E-mail: maksime177@rambler.ru

В статье анализируются уголовно-правовые нормы, определяющие виды наказаний за вандализм. Исследуются проблемные вопросы фактической пенализации, связанные с назначением наказания некоторым социальным группам лиц, в отношении которых уголовным законодательством установлен ряд ограничений в применении отдельных видов наказаний. Статистические показатели деятельности судов наглядно демонстрируют актуальность рассмотренного вопроса. Предлагаются соответствующие изменения в уголовное законодательство.

Ключевые слова: неотвратимость наказания; профилактика вандализма; наказание; инвалид; несовершеннолетний; беременная женщина; осужденный.

IMPOSING PENALTIES FOR VANDALISM ON INDIVIDUALS FROM CERTAIN SOCIAL GROUPS

Vladimir Petrovich Teplyakov, senior lecturer of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article analyses the criminal law governing the penalties for vandalism, researched problem issues the actual penalization related to the sentencing some social groups of persons in respect of which criminal law prescribes a number of restrictions in the use of certain types of sentences. Statistical indicators of the courts' activity clearly demonstrate the relevance of the issue under consideration. In conclusion, the relevant changes to the criminal law are proposed.

Keywords: inevitability of punishment; prevention of vandalism; penalization; disabled person; minor; pregnant woman; convict.

Предупреждение и пресечение преступности правоохранительными органами России основывается на уголовном законодательстве, которое не только определяет, какие опасные для личности, общества или государства деяния признаются преступлениями, но и устанавливает за их совершение определенные виды и размеры наказаний, которые в основном определяются законодателем в зависимости от степени общественной опасности преступного деяния. Наказание заключается в лишении или ограничении прав и свобод осужденного лица и назначается судом не только в целях исправления осужденного и восстановления социальной справедливости, но и в целях предупреждения совершения новых преступлений.

Определенный интерес с точки зрения профилактики преступности представляет законодательная и практическая реализация принципа неотвратимости наказания к осужденным, чья вина в совершении преступления доказана в суде с вынесением обвинительного приговора. Особенное внимание привлекает к себе реальность превентивного воздействия уголовного закона на некоторые социальные группы лиц, к наказанию которых действующим уголовным законодательством предъявляются определенные ограничения в целях реализации некоторых конституционных гарантий, в том числе касающихся защиты материнства, детства, интересов инвалидов, пожилых и других лиц, нуждающихся в социальной защите со стороны государства.

Рассмотрим этот вопрос на примере осуществления принципа неотвратимости наказания за вандализм. Данная проблема стала предметом обсуждения с Д. А. Медведевым, тогда Председателем Правительства Российской Федерации, при посещении им моторвагонного депо «Подмосковная». В ходе встречи работники депо высказались за внесение изменений в уголовное законодательство и ужесточение наказания за вандализм на подвижном составе, на что Д. А. Медведев ответил: «Очевидно, что это вопрос правоприменения. У нас в действующем уголовном законодательстве есть две статьи, которые предусматривают уголовную ответственность. Одна из них касается умышленного уничтожения чужого имущества ... А вторая так и называется – «Вандализм», то есть то же, по сути, порча. Там не сверхстрогое наказание, но дело не в том, чтобы оно было сверхстрогим, дело в том, чтобы оно было неотвратимым. Любой человек, который пытается что-то подобное сделать, должен понимать, что за это можно поплатиться. Это многих бы остановило. Очень важно, чтобы эти случаи не оставались безнаказанными»*.

Так, согласно статистической отчетности формы № 10.3 «Отчет о видах наказания по наиболее тяжкому преступлению (без учета сложения)», за 12 месяцев 2018 г.** по всем составам преступлений осуждены 658291 чел., из них 190 чел. за совершение вандализма, что составило 0,03 % от общего числа осужденных. За аналогичный период 2017 г. осуждены 697054 чел., из них 197 чел. за совершение вандализма, что составило 0,03 % от общего числа осужденных. Таким образом, наказание за совершение рассматриваемого вида преступлений на территории Российской Федерации назначается достаточно редко, что, конечно же, связано с невысокой долей вандализма в структуре преступности.

Виды основных наказаний, назначенных осужденным

Виды наказаний	По всем составам УК РФ, чел.		По ст. 214 УК РФ, чел.	
	2018 г.	2017 г.	2018 г.	2017 г.
Штраф	85760	90791	73	76
Обязательные работы	116058	129382	42	47
Исправительные работы	56450	56456	29	24
Принудительные работы	795	480	1	0
Ограничение свободы	22966	25114	29	36
Лишение свободы	187853	197620	7	5
Условное наказание	181659	189446	5	5
Освобождено от наказания (или наказание не назначалось)	6285	7165	4	4

Как видно из отчета, в отношении 38,4 % осужденных за вандализм применялся штраф (АППГ-36,6 %), 22,1 % – обязательные работы (АППГ-23,9 %), 15,3 % – исправительные работы (АППГ-12,2 %), 0,5 % – принудительные работы (АППГ-0 %), 15,3 % – ограничение свободы (АППГ-18,3 %), 3,7 % – лишение свободы (АППГ-2,5 %), 2,6 % – условное наказание (АППГ-2,5 %) и 2,1 % осужденных освобождены от наказания (АППГ-2,0 %).

Эти статистические данные указывают на то, что преобладающая доля применяемых видов наказаний за вандализм не связана с лишением свободы (96,3 %; АППГ-97,5 %). В со-

* Дмитрий Медведев посетил железнодорожную станцию «Подмосковная». URL: <http://government.ru/news/24526/> (дата обращения: 25.01.2020).

** Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам за 12 месяцев 2018 года. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4891> (дата обращения: 02.02.2020).

вокупности со значительной долей случаев освобождения осужденных от наказания это свидетельствует о невысокой фактической наказуемости за совершение рассматриваемого вида преступлений, которая составляет только 3,7 % (АППГ-2,5 %).

Чтобы разобраться в причинах этого явления, необходимо проанализировать уголовно-правовые нормы, определяющие ответственность за вандализм, а именно ст. 214 УК РФ, установившую уголовную ответственность и наказание за такие общественно опасные деяния, как осквернение зданий или иных сооружений, а равно порчу имущества на общественном транспорте или в иных общественных местах. Во второй части указанной статьи предусмотрено усиление наказания при наличии в действиях виновного лица хотя бы одного из квалифицирующих признаков: совершение вандализма группой лиц или совершение вандализма по мотивам ненависти или вражды (расовой, национальной, политической, идеологической, религиозной или в отношении какой-либо социальной группы). Следует отметить, что при условии установления в действиях виновного лица вышеуказанных мотивов ненависти или вражды такой акт вандализма признается преступлением экстремистской направленности, на это указывают п. 2 примечания к ст. 282.1 УК РФ (Организация экстремистского сообщества) и п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 [2], что, в свою очередь, свидетельствует о достаточно высокой потенциальной опасности рассматриваемого преступления, несмотря на его незначительную долю в структуре преступности. В подтверждение повышенной степени общественной опасности преступлений, совершаемых по мотивам ненависти или вражды, целый ряд примеров приводят И. В. Никитенко и Э. В. Хомик [3, с. 60], указывая, что такие действия посягают на моральные устои общества и основы общественного и государственного устройства.

По своему характеру вандализм признается законодателем настолько общественно опасным, что он понизил возраст субъекта данного преступления с шестнадцати до четырнадцати лет (ч. 2 ст. 20 УК РФ) и при этом назвал вандализм среди таких особо тяжких преступлений, как террористический акт (ст. 205 УК РФ), прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности (ст. 205.3 УК РФ), участие в деятельности террористической организации (ч. 2 ст. 205.5 УК РФ), акт международного терроризма (ст. 361 УК РФ), участие в незаконном вооруженном формировании (ч. 2 ст. 208 УК РФ), убийство (ст. 105 УК РФ), посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277 УК РФ).

Однако в соответствии с ч. 2 ст. 15 УК РФ вандализм относится к категории преступлений небольшой тяжести, на что нам указывает перечень наказаний за данное преступление. Так, санкцией ч. 1 ст. 214 УК РФ (с учетом положений гл. IX Общей части УК РФ) предусмотрены следующие виды и размеры наказаний за совершение вандализма без квалифицирующих признаков:

- 1) штраф в размере от 5000 до 40000 руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 3-х месяцев;
- 2) обязательные работы на срок от 60 до 360 часов;
- 3) исправительные работы на срок от 2-х месяцев до 1 года;
- 4) арест на срок от 1 до 3-х месяцев.

Учитывая, что в настоящее время в Российской Федерации наказание в виде ареста не применяется, так как для исполнения этого вида наказания еще не созданы специальные учреждения (арестные дома), то при вынесении приговора суд может выбирать осужденному наказание в виде штрафа, обязательных работ или исправительных работ, что позволяет индивидуализировать меру наказания виновному и в зависимости от обстоятельств совершенного преступления, и от криминологических характеристик личности преступника. Также необходимо отметить, что выбор осужденному вида наказания осуществляется не произвольно, а с учетом требований ч. 1 ст. 60 УК РФ, согласно которой более строгое наказание назнача-

ется только в том случае, если менее строгое наказание не сможет обеспечить исправления осужденного и предупреждения совершения им и другими лицами новых преступлений.

Из указанного перечня наименее строгим наказанием, конечно же, является штраф, сумма которого, согласно требованиям ч. 3 ст. 46 УК РФ, устанавливается с учетом имущественного положения осужденного и его семьи, а также с учетом возможности получения им заработной платы или иного дохода. Других ограничений для назначения штрафа уголовным законом не предусмотрено, что и делает его достаточно универсальным видом наказания.

В случае, если осужденный не имеет имущества, семьи, работы и дохода, то есть относится к социальной группе так называемых люмпенов, то такому осужденному суд может назначить наказание в виде обязательных или исправительных работ. Однако, согласно требованиям ч. 4 ст. 49 и ч. 5 ст. 50 УК РФ, указанные виды работ не могут быть назначены осужденным:

- женщинам, имеющим детей в возрасте до 3-х лет;
- беременным женщинам;
- лицам, признанным инвалидами первой группы;
- военнослужащим, проходящим военную службу по контракту на воинских должностях рядового и сержантского состава, если они на момент вынесения судом приговора не отслужили установленного законом срока службы по призыву (далее по тексту – военнослужащие).

Таким образом, если названные лица, не считая военнослужащих, которые по своему определению имеют работу и доход, одновременно относятся к группе люмпенов, то в случае совершения ими вандализма, предусмотренного ч. 1 ст. 214 УК РФ, они фактически наказания не понесут в связи с отсутствием у них имущества и дохода, за счет которых возможно взыскать штраф. При указанных обстоятельствах суду приходится игнорировать факт отсутствия имущества, семьи, работы и дохода у осужденного на момент осуждения и назначать ему менее строгое наказание в виде штрафа даже в тех случаях, когда осужденный не способствовал расследованию уголовного дела и своим поведением препятствовал изобличению соучастников преступления и раскрытию преступления. Обоснованность такого судебного решения, конечно же, не бесспорна, но оправдать назначение штрафа возможно под предлогом вероятного получения осужденным какого-либо законного дохода или заработной платы в будущем, с обязательным установлением рассрочки платежа на срок до пяти лет, так как немедленная уплата штрафа является для осужденного из социальной группы люмпенов неосуществимой. Установление рассрочки уплаты штрафа на длительный период времени дает реальную возможность такому осужденному выйти из сложившейся трудной жизненной ситуации, не прибегая к криминальным способам получения средств для уплаты штрафа. Однако такая гипотетическая возможность получения люмпенами дохода или заработной платы, достаточных для уплаты штрафа, изначально сомнительна, особенно если речь идет о женщинах, имеющих детей в возрасте до трех лет, или о лицах, признанных инвалидами первой группы, так как и без судимости им достаточно сложно устроиться на работу.

Из этого следует, что цели восстановления социальной справедливости, исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений недостижимы при указанной формулировке санкции ч. 1 ст. 214 УК РФ, в результате чего принцип неотвратимости наказания явно не соблюдается и отсутствует необходимое превентивное воздействие уголовного закона в отношении указанных социальных групп осужденных.

Аналогично непростая ситуация складывается и с назначением наказаний за квалифицированные составы вандализма, предусмотренные ч. 2 ст. 214 УК РФ. Так, санкцией указанной уголовно-правовой нормы с учетом положений гл. IX Общей части УК РФ предусмотрены следующие виды и размеры наказаний:

- 1) ограничение свободы на срок от 2-х месяцев до 3-х лет;
- 2) принудительные работы на срок от 2-х месяцев до 3-х лет;
- 3) лишение свободы на срок от 2-х месяцев до 3-х лет.

В данном перечне обращает на себя внимание отсутствие наказаний, предусмотренных ч. 1 ст. 214 УК РФ, что не упрощает сопоставление квалифицированного и простого видов вандализма между собой по степени общественной опасности. Самым мягким наказанием за квалифицированный состав вандализма является ограничение свободы, которое, согласно требованиям ч. 6 ст. 53 УК РФ, не может назначаться следующим социальным группам населения:

- военнослужащим;
- апатридам (лицам без гражданства);
- лицам, не имеющим места постоянного проживания на территории Российской Федерации;
- иностранным гражданам.

В случае, если осужденный относится к одной из указанных групп лиц, то такому осужденному суд может назначить наказание в виде лишения свободы или принудительных работ. Однако, согласно требованиям ч. 7 ст. 53.1 УК РФ, принудительные работы не могут назначаться:

- мужчинам, достигшим 60-летнего возраста;
- женщинам, достигшим 55-летнего возраста;
- женщинам, имеющим детей в возрасте до 3-х лет;
- беременным женщинам;
- несовершеннолетним;
- лицам, признанным инвалидами первой или второй группы;
- военнослужащим.

Из этого следует, что если признанный виновным в совершении вандализма принадлежит одновременно и к одной из социальных групп населения, указанных в ч. 6 ст. 53 УК РФ, и к одной из социальных групп, указанных в ч. 7 ст. 53.1 УК РФ, то суд при вынесении обвинительного приговора вынужден рассматривать вопрос о назначении виновному (например, беременной женщине, не имеющей места постоянного проживания на территории Российской Федерации, или несовершеннолетнему апатриду; мужчине без гражданства, достигшему шестидесятилетнего возраста, или иностранному гражданину, являющемуся инвалидом второй группы) наказания только в виде лишения свободы, то есть наиболее строгого из предусмотренных санкцией ч. 2 ст. 214 УК РФ.

Таким образом, законодатель изначально лишает указанных осужденных, традиционно нуждающихся в социальной поддержке со стороны государства, возможности отбыть за совершение вандализма менее строгое наказание, чем лишение свободы, что не в полной мере соответствует конституционной гарантии обеспечения государственной поддержки инвалидов, материнства, детства и пожилых граждан, закрепленной в ч. 2 ст. 7 Конституции РФ, и конституционному принципу равенства прав человека (ч. 2 ст. 19 Конституции РФ), запрещающему любые формы ограничения прав по признакам социальной принадлежности людей.

Также необходимо учесть, что, согласно требованиям ч. 6 ст. 88 УК РФ, наказание в виде лишения свободы запрещено назначать несовершеннолетним осужденным, впервые совершившим преступления небольшой тяжести, к числу которых относится не только простой, но и квалифицированный состав вандализма. Из этого следует, что если несовершеннолетнее лицо признано инвалидом второй группы, или является беременной женщиной, или женщиной, имеющей ребенка в возрасте до трех лет, и при этом одновременно принадлежит к одной из социальных групп населения, указанных в ч. 6 ст. 53 УК РФ (например, не имеет места постоянного проживания на территории Российской Федерации или является иностранным гражданином), то к такому несовершеннолетнему лицу нельзя применять ни одного из наказаний, предусмотренных ч. 2 ст. 214 УК РФ, и несовершеннолетний осужденный фактически не наказывается, так как, согласно положениям ч. 1 ст. 60 УК РФ, назначение вида и размера наказания должно осуществляться в пределах санкции, установленной соответствующей статьей Особенной части УК РФ. А значит, таких несовершеннолетних осужденных суду приходится

освободить от уголовной ответственности даже в тех случаях, когда в действиях виновных нет смягчающих наказание обстоятельств и они своим поведением препятствовали расследованию преступления, изобличению соучастников преступления и т. п.

Таким образом, в отношении указанных лиц действующее уголовное законодательство не только не дает в полной мере негативной оценки криминального поведения вышеуказанных социальных групп населения, но и не оказывает своего превентивного воздействия, то есть уголовная ответственность таких людей не устрашает, и они понимают, что за совершение вандализма реального ограничения или лишения значимых для них прав и свобод уголовным законом не предусмотрено.

В то же время п. 27 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 [1] установлено, что в подобных ситуациях допускается назначение судом любого менее строгого наказания, чем предусмотрено перечнем наказаний, указанным в санкции соответствующей статьи. В ситуации с вандализмом таким наказанием является штраф. Однако кроме вышерассмотренных проблемных вопросов его применения выявляется еще одна проблема, которая выражается в размере штрафа, а именно, в каких пределах его следует назначать: в пределах санкции, предусмотренной ч. 1 ст. 214 УК РФ (от 5000 до 40000 руб.), или в размерах, указанных в ч. 2 ст. 46 УК РФ (от 5000 до 500000 руб.), или в размерах с учетом санкций ч. 1 ст. 214 и ч. 2 ст. 46 УК РФ (от 40000 до 500000 руб.).

Из этого следует, что цели восстановления социальной справедливости, исправления осужденного и предупреждения совершения им новых преступлений при действующей формулировке санкции ч. 2 ст. 214 УК РФ недостижимы в отношении указанных социальных групп людей.

Решение указанной проблемы видится в совершенствовании санкций уголовно-правовых норм за вандализм с целью уголовно-правового воздействия на предупреждение преступлений. Предлагается добавить в санкцию ч. 1 ст. 214 УК РФ наказание в виде лишения свободы на срок от 2-х месяцев до 2-х лет, а в санкцию ч. 2 ст. 214 УК РФ – наказание в виде штрафа от 40000 до 300000 руб. Предлагаемые в законодательство изменения позволят суду назначать эти виды наказания осужденным из вышеуказанных социальных групп населения в полном соответствии с требованиями ст. 60 УК РФ и тем самым реализовать неотвратимость наказания, что должно положительно повлиять на общую и частную профилактику как вандализма, так и других преступлений.

Литература

1. О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. Никитенко И. В., Хомик Э. В. Уголовная ответственность за посягательства на свободу совести и межконфессиональное согласие: вопросы теории и законодательства // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2017. № 1 (38).

УДК 343.71

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОЦЕНКИ ПРИЗНАКОВ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ В СОСТАВЕ РАЗБОЯ

Эдуард Вадимович Сон, старший оперуполномоченный ОМВД России по г. Уссурийску, аспирант Дальневосточного федерального университета

E-mail: Eduard_son@mail.ru

На основе доктринального анализа, изучения материалов судебно-следственной практики об ответственности за разбойное нападение в статье исследуются признаки объективной стороны разбоя. Автором исследованы такие конструктивные признаки объективной стороны разбоя, как «нападение» и «насилие», исследована проблема их соотношения, а также проблема разграничения понятий «насилие» и «принуждение». В целях решения вопросов, возникающих при уголовно-правовой квалификации разбойных нападений, единообразного понимания положений уголовного законодательства при применении норм об ответственности за разбойное нападение, предложены авторские определения понятий «насилие» и «нападение».

Ключевые слова: разбойное нападение; признаки объективной стороны разбоя; нападение; насилие; угроза применения насилия; принуждение.

DISPUTED ISSUES OF THE CRIMINAL AND LEGAL ASSESSMENT OF OBJECTIVE SIGNS IN THE STRUCTURE

Eduard Vadimovich Son, senior operative of the OMVD of Russia in Ussuriysk, post graduate of the Far Eastern Federal University

Based on the analysis of the legal literature and materials of judicial practice on liability for a robbery, the article investigates the signs of the objective side of robbery. The author investigated such constructive signs of robbery as «attack» and «violence», investigated the problem of their relationship, as well as the problem of distinguishing between the concepts of «violence» and «coercion». In order to solve the problems arising from the criminal legal qualification of armed assaults, to have a uniform understanding of the provisions of the criminal law when applying the rules on responsibility for armed assault, the author's concepts of «violence» and «assault» are proposed.

Keywords: robbery; signs of the objective side of robbery; attack; violence; threat of violence; coercion.

В современных условиях хищение чужого имущества является одним из самых распространенных преступлений. По данным ГИАЦ МВД России, удельный вес таких преступлений на протяжении многих лет в России стабильно составляет около 50 % от числа всех зарегистрированных преступлений*. Наиболее опасной формой хищения чужого имущества является разбойное нападение, что обусловлено причинением вреда при его совершении не только отношениям собственности, но и жизни либо здоровью граждан.

Описание признаков объективной стороны в составе преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 162 УК РФ, вызывает определенные трудности при уголовно-правовой оценке данной разновидности хищения. Употребляя термины «нападение», «насилие» при описании конструктивных признаков объективной стороны состава разбойного нападения, законодатель не разъясняет данные понятия. Вопросы уголовно-правовой оценки обозначенных призна-

* Сайт МВД РФ. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai>

ков объективной стороны в составе разбоя вызывают споры и в научных кругах. В свою очередь, неточное понимание конструктивных признаков состава преступления может привести к неправильной квалификации содеянного и, как следствие, к незаконному привлечению к уголовной ответственности.

В целях устранения спорных вопросов, возникающих при оценке отдельных признаков объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 162 УК РФ, полагаем необходимым исследовать те из них, которые определены в законе через термины «нападение» и «насилие».

Термин «нападение» происходит от слова «напасть», которое значит броситься на кого-нибудь, что-нибудь с враждебным намерением, а также вообще начать действовать против кого-нибудь с враждебной целью [27, с. 342].

В доктрине уголовного права уделено немало внимания проблематике дефиниции нападения в составе разбоя, вместе с тем среди специалистов нет единства в понимании данного термина.

По мнению теоретиков, нападение – это такое внезапное, неожиданное для потерпевшего насилие или угроза применения насилия, которое по своему объективному характеру может причинить смерть или телесное повреждение, опасное для жизни или здоровья лица, подвергшегося нападению [см., напр.: 25, с. 448; 35, с. 74].

Ю. И. Ляпунов под нападением понимает «...внезапные для потерпевшего агрессивные действия виновного, которые соединены с насилием или угрозой применения насилия» [20, с. 311]. Более развернутое определение дает Г. А. Кригер, представляя под нападением в разбое внезапное насильственное воздействие на потерпевшего, которое может быть как открытым, то есть осознаваемым лицом, подвергшимся нападению, или третьими лицами, так и выражающимся в неожиданном и никем не наблюдаемом воздействии на лиц, которые и сами могут не осознавать факта нападения (удар сзади, выстрел из засады и т. п.) [23, с. 128].

Н. С. Гагарин определяет нападение при разбое как активные, внезапные, умышленные, противоправные действия, создающие опасность немедленного и непосредственного применения насилия над личностью потерпевшего, опасного для его жизни или здоровья, совершенные с целью завладения государственным имуществом либо личным имуществом граждан [13, с. 15–16].

Криминалисты указывают на взаимосвязь признаков разбоя, которые определены через термины «нападение» и «насилие». Вместе с тем вопрос соотношения этих понятий является дискуссионным. Так, одни авторы отстаивают позицию относительно самостоятельности понятий «нападение» и «насилие», не отрицая при этом их тесную взаимосвязь друг с другом [13, с. 15]. Например, З. А. Незнамова считает, что разбой является сложносоставным преступлением, состоящим из двух действий – нападения и применения насилия [36, с. 268].

По мнению В. А. Владимирова, нападение в разбое выступает как «активное и неожиданное для потерпевшего агрессивное действие, создающее реальную опасность немедленного и непосредственного применения насилия над личностью, подвергшейся нападению, с целью завладения социалистическим имуществом» [12, с. 111].

М. К. Алиев видит насилие как структурный элемент нападения, а потому утверждает, что насилие соотносится с нападением как «составная часть целого с самим целым» [3, с. 59].

Достаточно распространена в уголовно-правовой доктрине точка зрения о том, что понятия «нападение» и «насилие» тождественны [см., напр.: 17, с. 35; 18, с. 19; 35, с. 74]. Г. А. Кригер, поддерживая данную позицию, объясняла одновременное указание на нападение и на насилие в диспозиции разбоя неудачной редакцией закона [24, с. 14]. Другие авторы, по всей видимости решая проблему «неудачной редакции» закона, предлагают не употреблять термин «нападение» в дефиниции разбоя [см., напр.: 5, с. 45; 33, с. 61; 39, с. 84].

По мнению Ю. И. Ляпунова, нападение и насилие составляют органическое единство двух неразрывных агрессивных актов, субъективно объединенных единой целью – хищением

чужого имущества, поэтому о нападении как самостоятельном объективном признаке разбоя можно говорить весьма условно, так как вне насилия или угрозы применения насилия оно теряет уголовно-правовое значение [21, с. 33].

Однако мы не можем согласиться с точкой зрения авторов, кто полагает, что нападение и насилие понятия тождественные. Нам представляется, что законодатель не случайно выделил насилие и нападение в разбое в качестве отдельных конструктивных признаков объективной стороны: так он обозначил разнородность рассматриваемых понятий. В качестве аргумента сошлемся на то, что объективный признак нападения присущ не только разбою, но и, например, преступному пиратству (ст. 227 УК РФ), под которым понимается нападение на морское или речное судно в целях завладения чужим имуществом, совершенное с применением насилия либо с угрозой его применения. Если отождествлять нападение и насилие, то возникает вопрос: как можно применить насилие к судну? К такому же выводу можно прийти и при рассмотрении преступления, предусмотренного ст. 360 УК РФ, где наряду с представителем иностранного государства или сотрудника международной организации нападение может осуществляться и на помещения, и на транспортные средства.

Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» ставит разбой в один ряд с другими формами хищения – кражей и грабежом, тем самым признавая разбой формой хищения.

Следовательно, можно заключить, что нападение в разбое является способом хищения, а насилие выступает средством его достижения, а потому отождествлять понятия «нападение» и «насилие» некорректно.

Согласимся с теми криминалистами, которые считают, что нападение представляет собой действия, создающие опасность причинения вреда здоровью личности [см., напр.: 13, с. 16; 12, с. 111]. По данному пути идет и судебно-следственная практика. Так, например, в описательно-мотивировочной части приговора суд указал, что С. напал на потерпевшего Б. и с целью подавления его воли к сопротивлению, осознавая открытый и демонстративный характер своих действий, направил нож, используемый в качестве оружия, в сторону Б, приставил его к горлу Б. и потребовал от последнего передать ему имущество. Деяния С. квалифицированы как разбой, то есть нападение в целях хищения чужого имущества, совершенное с угрозой применения насилия, опасного для жизни и здоровья, с помощью предмета, используемого в качестве оружия*. Таким образом, суд разделил объективные признаки разбоя С. на нападение, которое выразилось в том, что С. достал нож и направил его в сторону потерпевшего, и насилие, которое выразилось в том, что С. приставил нож к горлу потерпевшего.

Как уже было отмечено выше, в числе других признаков нападения специалисты выделяют агрессивность и внезапность [см., напр.: 20, с. 311; 25, с. 448; 35, с. 74]. Однако, как нам представляется, они не всегда характерны для нападения.

Так, Д. с целью хищения имущества Р., для того, чтобы лишить последнюю возможности сопротивляться ее преступным действиям, решила усыпить Р. Д. напала на Р., применив в отношении последней опасный для жизни и здоровья сильнодействующий гипотензивный лекарственный препарат «Клофелин», подсыпав его в кружку с алкогольным напитком, Р. выпила его и уснула. Д., убедившись в том, что Р. спит, похитила денежные средства и имущество Р. и скрылась**. Действия Д. были квалифицированы судом по ч. 1 ст. 162 УК РФ. В описательно-мотивировочной части судебного акта указано, что Д. совершила нападение в тот момент, когда подсыпала клофелин в напиток Р.

* Приговор Октябрьского районного суда г. Томска Томской области от 27 июня 2019 г. по делу № 1–36/2019 // Архив Октябрьского районного суда г. Томска Томской области.

** Приговор Амурского городского суда Хабаровского края от 21 января 2014 г. по делу № 1–27/2014 // Архив Амурского городского суда Хабаровского края.

Из приведенного примера видно, что при совершении разбоя Д. не проявляла никакой агрессии, а ее противоправные действия и вовсе были незаметны для потерпевшей.

Другим аргументом, подтверждающим нашу позицию, служит пример, когда виновный совершает нападение с целью хищения путем выстрела из засады. В данном случае также можно говорить об отсутствии явной агрессии.

Относительно признака внезапности в характеристике нападения можно сослаться на случаи, когда нападение для виновного ожидаемо, однако разбой не исключается. Например, когда потерпевший видит через камеры видеонаблюдения, как группа людей в масках, с оружием проникает на территорию его домовладения.

Отметим попытку Пленума Верховного Суда РФ решить проблему толкования дефиниции нападения в Постановлении от 17 января 1997 г. № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» [1], в п. 6 которого под нападением предлагается понимать действия, направленные на достижение преступного результата путем применения насилия над потерпевшим либо создания реальной угрозы его немедленного применения. Однако, как нам видится, данная формулировка не решает проблему, а лишь вносит еще больше неопределенности. Считаем, что указание в дефиниции нападения на применение насилия излишне, так как при такой формулировке понятия «нападение» и «насилие» отождествляются. Возникает вопрос: насколько целесообразно и необходимо конструировать насилие в качестве отдельного обязательного признака разбойного нападения, если данный признак, по мнению высшего судебного органа, уже подразумевается в нападении?

Отметим, что Пленум Верховного Суда РФ приводит данное понятие в разрезе практики применения судами законодательства об ответственности за бандитизм, но разве понятийный аппарат в уголовном законодательстве не должен быть единообразным? Вряд ли допустимо использование в уголовном законодательстве одних и тех же терминов с разным смыслом.

Считаем, что нападение представляет собой умышленные активные действия, направленные на создание объективной угрозы для жизни или здоровья потерпевшего либо иных лиц, с целью достижения виновным преступного результата.

Учитывая, что с помощью термина «насилие» в составе разбоя законодатель сконструировал отдельный обязательный признак объективной стороны рассматриваемого преступления, то целесообразно остановиться и на его рассмотрении.

Под насилием принято понимать незаконное принудительное воздействие, применение физической силы к кому-либо, нарушение личной неприкосновенности [27, с. 349], действие незаконное и своевольное [14, с. 1218]. Следовательно, насилию свойственны такие признаки, как незаконность действий, притеснение, нарушающие личную неприкосновенность. Вместе с тем криминалисты вкладывают в понятие насилия как уголовно-правовой категории различное содержание. Одни специалисты понимают насилие как принуждение лица к действиям, противоречащим его желаниям. Так, по мысли А. А. Пионтковского, насилие есть всякое принуждение потерпевшего к действиям, противоречащим его желаниям [28, с. 88]. Аналогичной позиции придерживаются и другие авторы [см., напр.: 5, с. 50; 7, с. 25; 19, с. 29]. Другие ученые считают, что насилие – это воздействие на тело, нарушающее неприкосновенность человека [см., напр.: 8, с. 435; 15, с. 11; 30, с. 60].

Для решения вопроса о состоятельности позиции криминалистов, связывающих насилие с принуждением, считаем необходимым сравнить два этих понятия. Термин принуждение означает заставить сделать что-нибудь [27, с. 562]. Уголовно-правовое понятие «принуждение» образует одно из обстоятельств, исключаящих преступность деяния*. По смыслу уголовного закона, принуждение может быть физическим или психическим. Вместе с тем ни

* В соответствии с ч. 1 ст. 40 УК РФ не является преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам в результате физического принуждения, если вследствие такого принуждения лицо не могло руководить своими действиями (бездействием).

уголовным законодательством, ни Пленумом Верховного Суда РФ дефиниция принуждения не сформулирована, хотя в доктрине уголовного права эта тема не является новой и широко исследована специалистами.

Так, по мнению одних ученых, принуждение представляет собой один из методов, формирующих состояние подчиненности, и представляет собой веление или прямое действие [4, с. 248–249]. По мнению других, под принуждением понимается воздействие одного человека на другого с целью заставить лицо совершить какие-либо действия или воздержаться от их совершения [22, с. 24–25; 29; 30, с. 11]. Однако в подавляющем большинстве исследователи выделяют основной признак принуждения – подавление свободной воли.

Свобода воли состоит из двух компонентов: субъективного («хочу», «не хочу») и объективного («могу», «есть объективная возможность») [40, с. 13]. Значит, при осуществлении принуждения умысел виновного направлен на подавление воли человека с целью заставить последнего вопреки и помимо его желания совершить какие-либо действия или воздержаться от них.

Полагаем, что насилие и принуждение надлежит разграничивать по содержанию субъективной стороны данных явлений: при принуждении (физическом или психическом) умысел виновного направлен на подавление воли потерпевшего, конечным результатом принуждения является определенное действие или бездействие лица, совершенное вопреки и помимо желаний потерпевшего, тогда как при насилии его применение и есть основная цель виновного и конечный результат.

Таким образом, в качестве промежуточного вывода можно заключить, что насилие и принуждение – очень близкие между собой понятия, но не являющиеся синонимами. Насилие выступает одним из способов подавления воли, то есть принуждения. Вместе с тем, согласимся, что не всегда принуждение реализуется посредством применения насилия*, равно как и не всегда насилие применяется с целью принуждения**.

Теперь остановимся на вопросе определения уголовно-правового понятия насилия. Теме насилия посвящено достаточное количество научных трудов, вместе с тем до настоящего времени не сложилась единая позиция по вопросу определения данного понятия.

Некоторые исследователи под насилием понимают умышленное общественно опасное противоправное воздействие на организм человека, осуществляемое против или помимо его воли, направленное на нарушение физической и психической неприкосновенности [2, с. 22; 30, с. 60; 31, с. 15]. Более развернутую дефиницию насилия разработал Е. В. Безручко, предложив понимать под ним физическое воздействие на другое лицо, посягающее на его телесную неприкосновенность, здоровье или жизнь, ограничивающее или исключающее его свободу, а равно умышленное противоправное воздействие на психику другого лица с целью подавления его воли либо принуждения к определенным действиям или бездействию, а также действия, характеризующиеся реальной возможностью причинения вреда охраняемым законом интересам, сопровождаемые психическим воздействием на потерпевшего [7, с. 25].

Сформулировала рассматриваемое понятие и Всемирная организация здравоохранения, понимая под насилием преднамеренное применение физической силы или власти, действительное или в виде угрозы, направленное против себя, против иного лица, группы лиц или общины, результатом которого являются (либо имеется высокая степень вероятности этого) телесные повреждения, смерть, психологическая травма, отклонения в развитии или различного рода ущерб [26, с. 5].

* Е.Г. Веселов по этому поводу отмечает, что принуждение может быть осуществлено в форме уговоров, просьб, создания тяжелых жизненных условий и проч., то есть без открытого, явно выраженного насилия [11, с. 32].

** По мнению В. Ф. Иванова, насилие, которое применяется с целью причинения физической или психической травмы, не охватывается понятием понуждения [16, с. 90].

Специалистами выделяются такие основные признаки насилия, как общественная опасность, противоправность, умышленный характер деяния, воздействие на человека, нарушение неприкосновенности [2, с. 22; 6, с. 94; 15, с. 11; 30, с. 60; 34, с. 22]. В целях формулирования авторского определения насилия как уголовно-правовой категории считаем необходимым проанализировать данные признаки.

По смыслу уголовного закона, любое преступление обладает общественной опасностью и причиняет вред объектам уголовно-правовой охраны, иначе нет смысла криминализировать деяние, не обладающее общественной опасностью и не причиняющее вред охраняемым правовыми нормами общественным отношениям, интересам и благам. В связи с этим такие признаки насилия, как общественная опасность и противоправность, не являются дискуссионными среди специалистов.

Согласимся с тем, что осуществить насилие по неосторожности невозможно [37, с. 60]. Субъективный признак насилия, заключающийся в умышленном характере деяния, выводится из позиции законодателя, в соответствии с которой преступления, сопряженные с насилием, носят исключительно умышленный характер. Кроме того, в пользу этого свидетельствует и признание в рамках отдельных составов преступными таких деяний, как, например, причинение смерти по неосторожности, причинение вреда здоровью по неосторожности и др.

Анализ научных положений показывает, что нет единого понимания относительно признака воздействия, а точнее, предмета воздействия. По мнению А. Н. Романкова, воздействие осуществляется на жизнь и здоровье [31, с. 15], Р. Д. Сабиров усматривает направленность воздействия на анатомическую целостность и органы человека [32, с. 27]. С точки зрения других криминалистов, воздействие направлено как на организм человека, так и на его психику [34, с. 22; 38, с. 7].

Психика человека является неотъемлемой частью человеческого организма, отвечающей за отображение субъектом объективной реальности, складывающейся в процессе его взаимодействия с внешним миром [10, с. 581]. Некоторые авторы утверждают, что воздействие на лицо может быть энергетическим (воздействие на физиологическую подструктуру) и информационным (воздействие на психику) [8, с. 143–149; 11, с. 44; 37, с. 12].

Так, К., на почве ссоры, нанес потерпевшей Р. не менее пяти ударов ладонью по лицу, не менее пяти ударов кулаком в область носа, затем толкнул Р. руками в грудь, в результате последняя упала на пол, ударившись головой о дверь, после чего нанес ей не менее двух ударов ногой по телу. Суд указал, что К. своими действиями причинил Р. физическую боль и психические страдания, вызвавшиеся в чувстве обиды от причиненного ей насилия*.

Таким образом, психические страдания могут быть причинены путем систематического нанесения побоев, то есть путем физического воздействия. Информационное воздействие на психику может иметь вредное последствие на физиологическую составляющую организма – от появления какой-либо болезни, связанной с нарушением отдельных физиологических функций организма, вплоть до смерти потерпевшего. Приведем пример из судебной практики.

Н., специализирующийся на внесудебном взыскании кредиторских задолженностей, в целях взыскания задолженностей с Ч. неоднократно высказывал ему в грубой форме угрозы повредить и уничтожить имущество, а также причинить вред здоровью, которые потерпевший воспринимал как реальные и опасался их осуществления. Угрозы сопровождалось нецензурными словами, оскорблениями, тем самым причиняли потерпевшему психические и нравственные страдания. Будучи неспособным более терпеть обозначенные угрозы и унижение со стороны Н., потерпевший совершил самоубийство путем повешения**.

* Приговор Тернейского районного суда Приморского края от 27 июня 2018 г. по делу № 1–9/2018 // Архив Тернейского районного суда Приморского края.

** Приговор Кунашакского районного суда Челябинской области от 21 марта 2019 г. по делу № 1–49/2018 // Архив Кунашакского районного суда Челябинской области.

Приведенный в примере факт причинения психических и нравственных страданий посредством систематического оскорбления, высказывания угроз, унижения, мы полагаем, надлежит расценивать как психическое насилие.

Такой признак насилия, как нарушение неприкосновенности, считаем исключительно юридическим. В соответствии с Конституцией РФ каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Полагаем, данная норма послужила появлению этого признака. Вместе с тем он представляется излишним в определении насилия, так как признак противоправности и так подразумевает, что насилие нарушает охраняемые законом права и свободы, в том числе и право на личную неприкосновенность.

Подводя итог изложенному, можно определить насилие в уголовно-правовом смысле: это общественно опасное противоправное умышленное посягательство, направленное на причинение вреда организму (физиологическим системам, органам и тканям) и психике человека, которое осуществляется вопреки и помимо воли потерпевшего посредством воздействия на него информационным и (или) энергетическим путем.

Завершая рассмотрение спорных вопросов уголовно-правовой оценки конструктивных признаков объективной стороны в составе разбоя, подчеркнем, что нападение в разбое является способом хищения, а насилие выступает средством его достижения. В целях решения обозначенных в настоящей публикации проблем предлагаем:

– под нападением в составах Особенной части уголовного законодательства РФ понимать умышленные активные действия, направленные на создание объективной угрозы для жизни или здоровья потерпевшего либо иных лиц, с целью достижения виновным преступного результата;

– под насилием в составах Особенной части уголовного законодательства РФ следует понимать общественно опасное противоправное умышленное посягательство, направленное на причинение вреда организму (физиологическим системам, органам и тканям) и психике человека, которое осуществляется вопреки и помимо воли потерпевшего посредством воздействия на него информационным и (или) энергетическим путем. Несмотря на близость понятий «насилие» и «принуждение» они не являются синонимами, их следует различать.

Предложенные новеллы могут послужить разрешению спорных вопросов, возникающих при квалификации объективной стороны разбойного нападения, и внести вклад в единообразии правоприменительной практики.

Литература

1. О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 января 1997 г. № 1. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. Абубакиров Ф. М. Уголовно-правовая оценка насилия в уголовном законодательстве и судебной практике // Российский судья. 2011. № 8.
3. Алиев М. К. Разбой: уголовно-правовые и криминалистические аспекты (по материалам судебной практики Карачаево-Черкесской Республики и Ставропольского края): дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2008.
4. Ардашкин В. Д. О подчинении и принуждении в советском государственном управлении // Вопросы государства и права. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 1966.
5. Барсукова И. Г. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика разбоя: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.
6. Безверхов А. Г. Насилие и его виды в уголовном праве России: вопросы методологии теории и практики // Вестник Самарского государственного университета. 2014. № 11/1.
7. Безручко Е. В. Использование термина «насилие» в уголовном законодательстве России // Уголовное право. 2014. № 5.
8. Бойцов А. И. Понятие насильственного преступления // Криминологические и уголовно-правовые проблемы борьбы с насильственной преступностью: межвуз. сб. / отв. ред. Н. А. Беляев, Д. А. Шестаков. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1988.
9. Бойцов А. И. Преступления против собственности: монография. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002.
10. Большой психологический словарь / под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. М.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003.

11. Веселов Е. Г. Физическое или психическое принуждение как обстоятельство, исключающее преступность деяния: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2002.
12. Владимиров В. А., Ляпунов Ю. И. Ответственность за корыстные посягательства на социалистическую собственность. М.: Юрид. лит., 1986.
13. Гагарин Н. С. Квалификация некоторых преступлений против социалистической и личной собственности: монография. Алма-Ата: Изд-во «Казахстан», 1973.
14. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 2 т. М.: ИД ННН, 1994. Т. 2.
15. Джавадов Ф. М. Квалификация насильственных преступлений, совершенных с применением оружия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1985.
16. Иванов В. Ф. Уголовная ответственность за вовлечение несовершеннолетних путем понуждения в преступную и иную антиобщественную деятельность // Личность преступника и уголовная ответственность: правовые и криминологические аспекты: межвуз. науч. сб. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1987. Вып. 3.
17. Иванцова Н. А. Разбой – насильственное хищение чужого имущества // Уголовное право. 2003. № 2.
18. Ивахненко А. М. Квалификация бандитизма, разбоя, вымогательства: проблемы соотношения составов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1996.
19. Иващенко А. В. Насилие и уголовный закон // Социально-правовые проблемы борьбы с насилием: межвуз. сб. науч. тр. Омск, 1996.
20. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. 3-е изд., доп. и изм. / под ред. Ю. И. Скуратова, В. М. Лебедева. М.: НОРМА-ИНФА, 2000.
21. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: науч.-практ. (постат.). 2-е изд., перераб. и доп. / под ред. С. В. Дьякова, Н. Г. Кадникова. М.: Юриспруденция, 2013.
22. Костров Г. К. Уголовно-правовое значение угрозы: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1970.
23. Кригер Г. А. Квалификация хищений социалистического имущества. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрид. лит., 1974.
24. Кригер Г. А. Ответственность за разбой. М.: Юрид. лит., 1968.
25. Курс уголовного права. Особенная часть: учебник / под ред. Г. Н. Борзенкова и В. С. Комиссарова. Т. 3. М.: Зерцало-М, 2002.
26. Насилие и его влияние на здоровье: доклад о ситуации в мире / под ред. Этьенна Г. Круга [и др.]; пер. с англ. Л. В. Дубровиной, А. С. Первушина. М.: Весь Мир, 2003.
27. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. Изд. 4-е, доп. М.: ИТИ Технологии, 2006.
28. Пионтковский А. А. Преступления против личности. М.: НКЮ СССР, 1938.
29. Попов Д. В. К вопросу о соотношении уголовно-правовых понятий: принуждение и насилие // Актуальные вопросы уголовного процесса современной России: межвуз. сб. науч. тр. Уфа, 2003.
30. Радостева Ю. В. Уголовно-правовое понятие насилия: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006.
31. Романков А. Н. Уголовно-правовая характеристика насильственного способа совершения преступлений против собственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2000.
32. Сабиров Р. Д. Уголовно-правовая борьба с насильственными групповыми посягательствами: дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1981.
33. Семернева Н. К. Квалификация преступлений (части Общая и Особенная): науч.-практ. пособие. Екатеринбург: Проспект; Уральская гос. юрид. акад., 2010.
34. Сердюк А. В. Насилие: уголовно-правовое и криминологическое исследование / под ред. С. П. Щербы. М.: Юрлитинформ, 2002.
35. Сирота С. И. Преступления против социалистической собственности и борьба с ними / под ред. В. С. Жгутова, В. В. Труфанова. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1968.
36. Уголовное право. Особенная часть: учебник / отв. ред. И. Я. Козаченко, З. А. Незнамова, Г. П. Новоселов. 3-е изд., изм. и доп. М.: НОРМА, 2001.
37. Шарапов Р. Д. Насилие в уголовном праве: понятие, квалификация, совершенствование механизма уголовно-правового предупреждения: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2006.
38. Шарапов Р. Д. Уголовно-правовая характеристика физического насилия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1999.
39. Шарапов Р. Д. Физическое насилие в уголовном праве: монография. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001.
40. Шевелева С. В. Свобода воли и принуждение в уголовном праве: дис. ... д-ра юрид. наук. Курск, 2015.

УДК 343.2/7

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ПРЕДЕЛОВ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ ПРИ ДОСУДЕБНОМ СОГЛАШЕНИИ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ (СОГЛАШЕНИИ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ) В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Алия Кайратовна Салькова, доцент кафедры Центрально-Казахстанской академии (Казахстан, г. Караганда)

E-mail: aliya-salykova@mail.ru

В статье обращается внимание на различие в подходах к законодательной регламентации назначения наказания при досудебном соглашении о сотрудничестве (соглашении о сотрудничестве) в уголовном законодательстве Российской Федерации и Республики Казахстан. В частности, отмечается отсутствие в нормах Уголовного кодекса Республики Казахстан дифференциации пределов назначения в зависимости от наказуемости преступления смертной казнью или пожизненным лишением свободы, а также формы процессуального соглашения. Автор исследует вопросы оптимальности дифференциации пределов назначения наказания при досудебном соглашении о сотрудничестве в Уголовном кодексе Российской Федерации и возможности заимствования данного законодательного опыта уголовным законом Республики Казахстан.

Ключевые слова: досудебное соглашение о сотрудничестве; процессуальное соглашение; сделка о признании вины; назначение наказания; дифференциация пределов наказания.

DIFFERENTIATION OF THE LIMITS OF PURPOSE OF PUNISHMENT IN THE PRE-JUDICIAL AGREEMENT ON COOPERATION (COOPERATION AGREEMENTS) IN CRIMINAL LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION AND REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Aliya Kairatovna Salykova, department associate professor of the Central Kazakhstan Academy (Kazakhstan, Karaganda)

The article draws attention to the difference in approaches to legislative regulation of sentencing in the pre-trial agreement on cooperation (cooperation agreement) in the criminal law of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan. In particular, there is a lack of differentiation of the limits of appointment in the norms of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan depending on the punishability of the crime by the death penalty or life imprisonment, as well as the form of the procedural agreement. The author explores the issues of optimality of differentiation of the limits of sentencing under a pre-trial agreement on cooperation in the Criminal Code of the Russian Federation and the possibility of borrowing this legislative experience from the criminal law of the Republic of Kazakhstan.

Keywords: pre-trial agreement on cooperation; procedural agreement; plea agreement; sentencing; differentiation of the limits of punishment.

В уголовном законодательстве Российской Федерации назначению наказания при досудебном соглашении о сотрудничестве посвящены ч. 2 и 4 ст. 62 УК РФ, в уголовном законодательстве Республики Казахстан – ч. 3 ст. 55 УК РК.

Согласно ч. 2 ст. 62 УК РФ, «срок или размер наказания не могут превышать половины максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса». В части 4 ст. 62 УК РФ, регламентирующей назначение наказания при рассматриваемом соглашении, если соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса предусмотрены пожизненное лишение свободы или смертная казнь, говорится, что «эти виды наказания не применяются. При этом срок или размер наказания не могут превышать двух третей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания в виде лишения свободы, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса».

Согласно ч. 3 ст. 55 УК РК, «по делам, по которым выполнены все условия процессуального соглашения, срок или размер основного вида наказания за совершенное уголовное правонарушение не может превышать половину максимального срока или размера, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса».

Сравнивая данные уголовно-правовые нормы российского и казахстанского законодательства, можно отметить, что:

– по УК РК, в отличие от УК РФ, кратность снижения наказания ($1/2$) не дифференцирована в зависимости от того, предусмотрено ли за преступление наказание в виде пожизненного лишения свободы или смертной казни;

– по УК РК отсутствует дифференциация кратности снижения наказания и в зависимости от формы процессуального соглашения. Кратность снижения наказания и при соглашении о сотрудничестве, и при сделке о признании вины одинаковая $1/2$. Казахстанская сделка о признании вины сопоставима с российским институтом согласительного производства, предусмотренным гл. 40 УПК РФ. А согласно ч. 5 ст. 62 УК РФ, срок или размер наказания, назначаемого лицу, уголовное дело в отношении которого рассмотрено в порядке, предусмотренном гл. 40 УПК РФ, не может превышать двух третей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление. То есть по российскому законодательству досудебное соглашение о сотрудничестве влечет большее смягчение наказания, чем особый порядок при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением.

В связи с этим возникает вопрос об оптимальности дифференциации пределов назначения наказания при досудебном соглашении о сотрудничестве в УК РФ и возможности заимствования данного законодательного опыта УК РК.

В российской научной литературе правильность подхода, в соответствии с которым кратность снижения наказания различается в зависимости от наказуемости преступления пожизненным лишением свободы или смертной казнью, не ставилась под сомнение. Дискуссия ведется по поводу пределов смягчения наказания, установленных в ч. 4 ст. 62 УК РФ.

В основном ученые критикуют двойное смягчение наказания за преступления, наказуемые пожизненным лишением свободы или смертной казнью, при досудебном соглашении о сотрудничестве. «Первый раз, – пишет Е. Благов, – наказание снижается за счет неприменения наиболее строго наказания. Второй раз то же самое происходит при ограничении размера лишения свободы. В таком решении вряд ли имеется хоть какая-то логика» [2, с. 26]. Сравнивая положения ч. 4 ст. 62 УК РФ с положениями других норм, регламентирующих обязательное уменьшение верхнего предела наказания (ст. 65, 66 УК РФ), автор предлагает единообразно подойти к смягчению наказания за преступления, в качестве наказания за которые предусмотрены пожизненное лишение свободы и смертная казнь, и считает целесообразным второе предложение из ч. 4 ст. 62 УК РФ исключить [2, с. 26].

К такому же выводу приходит и О. Л. Строганова, обосновывая свою позицию целью «обеспечения унифицированности норм, необходимостью соблюдения требований справедливости, правовой соразмерности и определенности» [3, с. 35]. Другими словами, названные

авторы предлагают смягчать наказание в случае, указанном в ч. 4 ст. 62 УК РФ, только путем исключения применения пожизненного лишения свободы и смертной казни.

На наш взгляд, нельзя сказать, что положения ч. 4 ст. 62 УК РФ нарушают единообразный, унифицированный подход назначения наказания за совершение преступлений, в нормах об ответственности за которые предусмотрены указанные виды наказаний. Так, в ст. 66 УК РФ, на которую, кстати, ссылается Е. Благов, как раз тоже предусмотрено «двойное» смягчение: исключение применения пожизненного лишения свободы и смертной казни за неоконченное преступление (ч. 4 ст. 66 УК РФ), а также кратное снижение верхнего предела наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ за оконченное преступление, с учетом стадии совершения умышленного преступления ($1/2$ за приготовление и $3/4$ за покушение). То, что эти два ограничения могут применяться вместе, следует из п. 43 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания»: «При назначении наказания за неоконченное преступление надлежит соблюдать сроки и размеры наказания, которые в соответствии с ч. 2 и 3 ст. 66 УК РФ исчисляются от максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за оконченное преступление. При этом пожизненное лишение свободы за приготовление к преступлению и покушение на преступление не назначается (ч. 4 ст. 66 УК РФ)» [1]. Использование слов «при этом» как раз и говорит о такой возможности.

Учитывая, что смертная казнь в настоящее время в России не назначается, а пожизненное лишение свободы назначается крайне редко, на наш взгляд, без гарантированного законом кратного снижения наказания в виде лишения свободы заключать досудебное соглашение о сотрудничестве будет невыгодно. Кроме того, повышенную степень опасности таких преступлений законодатель учел, установив меньшую кратность снижения наказания в сравнении с кратностью снижения наказания за иные преступления.

Таким образом, дифференциацию пределов назначения наказания при досудебном соглашении о сотрудничестве в УК РФ можно признать оптимальной. Полагаем, что опыт российского законодателя по дифференциации кратности снижения наказания в зависимости от того, предусмотрено ли за преступление наказание в виде пожизненного лишения свободы или смертной казни, может быть воспринят уголовным законом Республики Казахстан.

Действующая редакция ч. 3 ст. 55 УК РК вообще обходит стороной вопрос о том, может ли при соглашении о сотрудничестве назначаться смертная казнь или пожизненное лишение свободы. Возможно, это связано с тем, что «льготный» порядок назначения наказания в УК РК не дифференцирован в зависимости от формы процессуального соглашения, а для процессуального соглашения в форме сделки о признании вины вопрос о назначении или неназначении смертной казни или пожизненного лишения свободы вообще не актуален, поскольку такая сделка не заключается по преступлениям, за которые предусмотрены названные виды наказания. Конечно, путем логического толкования ч. 3 ст. 55 УК РК можно прийти к умозаключению, что при выполнении условий процессуального соглашения о сотрудничестве смертная казнь и пожизненное лишение свободы не применяются, но лучше бы это было закреплено законодательно, как, например, в ч. 4 ст. 56 УК РК, регламентирующей назначение наказания за неоконченное преступление.

Необходимость законодательного закрепления положения о неприменении смертной казни или пожизненного лишения свободы при выполнении всех условий соглашения о сотрудничестве является также аргументом в пользу дифференциации назначения наказания в зависимости от форм процессуального соглашения. Последняя позволила бы корректнее, с учетом специфики каждой из форм процессуального соглашения, сформулировать основания смягчения наказания.

Кроме того, различная кратность снижения верхнего предела наказания при сделке о признании вины и соглашении о сотрудничестве, по примеру ч. 5 и ч. 2 ст. 62 УК РФ, стимулировала бы лиц, совершивших преступления, к сотрудничеству. Сейчас им это делать попросту невыгодно, если только преступление не является особо тяжким (по нему сделка о признании вины невозможна) или если потерпевший возражает против согласительного производства. Действительно, гораздо проще не оспаривать подозрение, обвинение и имеющиеся по делу доказательства в совершении преступления, характер и размер причиненного вреда и получить гарантированное законом наказание, верхний предел которого не превышает $\frac{1}{2}$ от максимального предела санкции, чем деятельно раскаиваться в совершенном преступлении, способствовать раскрытию преступлений соучастников или иных лиц, пройти через достаточно сложную процедуру заключения и утверждения соглашения о сотрудничестве, дожидаться обвинительного приговора в отношении изобличенных лиц и в итоге получить тот же результат – наказание, не превышающее $\frac{1}{2}$ от максимального предела санкции. Не случайно в Республике Казахстан институт соглашения о сотрудничестве применяется крайне редко, в отличие от сделок о признании вины. В стране даже не ведется официальная статистика применения данного института. Если бы правовые последствия в виде смягчения наказания при двух формах процессуального соглашения были бы разными: при сделке о признании вины – не выше $\frac{2}{3}$, а при соглашении о сотрудничестве – не выше $\frac{1}{2}$ от максимального предела санкции, то, возможно, желающих заключить соглашение о сотрудничестве было бы больше.

Рассмотрение вопроса о дифференциации верхнего предела наказания при досудебном соглашении о сотрудничестве (соглашении о сотрудничестве) было бы неполным без исследования возможности заимствования зарубежного опыта в этой сфере. В связи с этим уместно обратиться к законодательству Республики Беларусь. В УК РБ критериями дифференциации пределов назначения наказания при досудебном соглашении о сотрудничестве являются категория и объект преступления. Так, в случае совершения лицом тяжкого или особо тяжкого преступления, сопряженного с посягательством на жизнь или здоровье человека, срок или размер наказания не может превышать двух третей максимального срока или размера наиболее строгого вида основного наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части Уголовного кодекса Республики Беларусь (ч. 1 ст. 69¹ УК РБ).

Не совсем понятно содержание термина «преступление, сопряженное с посягательством на жизнь или здоровье человека». Речь идет о преступлениях против жизни и здоровья, или включающих посягательства на жизнь или здоровье в качестве признака состава (основного или квалифицированного)? Должно ли это посягательство быть умышленным или может быть и неосторожным? Наличие данных вопросов само по себе позволяет усомниться в целесообразности введения указанного критерия дифференциации наказания при досудебном соглашении о сотрудничестве. Обобщая изложенное, можно прийти к следующим выводам.

Дифференциацию пределов назначения наказания при досудебном соглашении о сотрудничестве в УК РФ можно признать оптимальной.

Перспективным направлением совершенствования нормы уголовного закона Республики Казахстан о назначении наказания при процессуальном соглашении считаем дифференциацию размера кратного снижения наказания в зависимости от формы процессуального соглашения (при сделке о признании вины он должен составить $\frac{2}{3}$ от наиболее строгого наказания, предусмотренного санкцией), а также в зависимости от наказуемости преступления, по которому заключено соглашение о сотрудничестве, смертной казнью или пожизненным лишением свободы (по примеру ч. 4 ст. 62 УК РФ).

Учитывая сказанное, предлагаем в ст. 55 УК РК внести следующие изменения:

– рассматриваемое положение ч. 3 ст. 55 УК РК изложить в следующей редакции: «... по делам, по которым выполнены все условия процессуального соглашения в форме соглашения о сотрудничестве, срок или размер основного вида наказания за совершенное уголовное пра-

вонарушение не может превышать половину максимального срока или размера, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса. По делам, по которым выполнены все условия процессуального соглашения в форме сделки о признании вины, срок или размер основного вида наказания за совершенное уголовное правонарушение не может превышать две трети максимального срока или размера, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса...»;

– дополнить ст. 55 УК РК ч. 3¹ следующего содержания: «По делам, по которым выполнены все условия процессуального соглашения в форме соглашения о сотрудничестве, заключенного с лицом, совершившим преступление, за которое соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса предусмотрены пожизненное лишение свободы или смертная казнь, эти виды наказания не применяются. При этом срок или размер наказания не могут превышать двух третей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания в виде лишения свободы, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса».

Литература

1. О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 (ред. от 29.11.2016). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. Благов Е. В. Назначение наказания в случае заключения досудебного соглашения о сотрудничестве // Уголовное право. 2010. № 3.
3. Строганова О.Л. О некоторых проблемах назначения судом наказания // Российский судья. 2013. № 3.

КРИМИНАЛИСТИКА. СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

УДК 343.9

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ НЕОТЛОЖНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ СУБЪЕКТОМ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Николай Евгеньевич Мерецкий, профессор кафедры Дальневосточного юридического института МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;

Николай Григорьевич Шурухнов, главный научный сотрудник НИИ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор

E-mail: ugpd@rambler.ru

matros49@mail.ru

В статье обозначается правовая природа неотложных следственных действий, проводимых на первоначальном этапе расследования различных видов преступлений. Дается краткая ретроспектива, цели производства неотложных следственных действий и их видовая характеристика в соответствии с действующим уголовно-процессуальным законодательством.

Ключевые слова: неотложные следственные действия; субъекты; виды (общие, частные, исключительные); предварительное следствие.

SOME FEATURES OF THE IMPLEMENTATION OF URGENT INVESTIGATIVE ACTIONS BY THE SUBJECT OF LAW ENFORCEMENT

Nikolay Evgenyevich Meretskiy, professor of the Department of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor, honored lawyer of the Russian Federation;

Nikolay Gregoryevich Shurukhnov, chief researcher of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Law, Professor

The article describes the legal nature of urgent investigative actions carried out at the initial stage of investigation of various types of crimes. It provides a brief retrospective, the purpose of urgent investigative actions and their specific characteristics in accordance with the current criminal procedure legislation.

Keywords: urgent investigative actions; subjects; types (general, private, exclusive); preliminary investigation.

Неотложные следственные действия закреплены в уголовно-процессуальном законодательстве России достаточно давно. Еще в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. (УСС) [5] устанавливалась возможность производства неотложных следственных действий органами полиции как самостоятельной формы дознания. Так, согласно ст. 252 УСС, «когда ни судебного следователя, ни прокурора или его товарища нет на месте, то полиция, сообщая им о происшествии, заключающем в себе признаки преступного деяния, вместе с тем производит надлежащее о нем дознание». Укажем, что в соответствии с установленной компетенцией правоохранительных органов того времени при производстве дознания полиция собирала информацию посредством розысков, словесных расспросов и негласного наблюдения, «не производя ни обысков, ни выемок в домах» (ст. 254 УУС). В связи с этим обращаем внимание, что круг полномочий полиции был достаточно сужен, однако всю требуемую информацию на первоначальном этапе расследования при проведении неотложных следственных действий она получала.

Кроме того, в соответствии со ст. 258 УСС, «когда полицией застигнуто совершающееся или только что совершившееся преступное деяние, а также когда до прибытия на место происшествия судебного следователя следы преступления могли бы изгладиться», полиции поручалось фактически временно заменить судебного следователя и провести следственные действия, не терпящие отлагательства: осмотры, освидетельствования, обыски и выемки. При этом полиция не должна проводить допросов ни обвиняемых, ни свидетелей, «разве бы кто-либо из них оказался тяжело больным и представилось бы опасение, что он умрет до прибытия следователя».

Подчеркнем, что целью требований, перечисленных в ст. 258 УУС, было сохранение следов преступления, изъятие вещественных доказательств, получение первичных данных о противоправном деянии, изобличение преступника.

В середине XX в. (советский период) неотложные следственные действия были вначале закреплены в Основах уголовного судопроизводства Союза ССР [1], где в ст. 29 говорилось: «При наличии признаков преступления, по которому производство предварительного следствия обязательно, орган дознания возбуждает уголовное дело и, руководствуясь правилами уголовно-процессуального закона, производит неотложные следственные действия по установлению и закреплению следов преступления». Для этого разрешалось проводить осмотр, обыск, выемку, освидетельствование, задержание, допрос свидетелей, потерпевших, подозреваемых. Некоторые приведенные положения были воспроизведены в УПК РСФСР 1960 г., подчеркивая особенности расследования преступлений, по которым предварительное следствие осуществлялось в обязательном порядке. Так, ч. 1 ст. 119 УПК РСФСР 1960 г. имела идентичную ст. 29 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР редакцию. В законе содержалось указание на незамедлительное информирование прокурора об обнаруженном преступлении и начале расследования.

Неотложные следственные действия в соответствии с нормами Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации предназначаются прежде всего для безотлагательного, *немедленного** реагирования компетентных органов и должностных лиц [8, с. 23–31] на совершенное или готовящееся преступление. Неотложные следственные действия – это фундамент процесса расследования, залог объективного, обоснованного и законного уголовного судопроизводства. От качества, своевременности, наступательности их производства зависят полное обнаружение, фиксация, изъятие, исследование следов противоправного деяния, а также доказательств, изобличающих преступников [4, с. 27]. Правдивая, соответствующая действительности информация, полученная при их производстве, позволяет выдвинуть обоснованные следственные версии, определить оптимальные пути их проверки и тем самым установить отдельные

* Так это определяется лингвистически. См.: Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1998. Т. 2. С. 526.

обстоятельства совершения преступления, выйти на лиц, которые причастны к совершению преступления.

Неотложные следственные действия являются базовыми, отправными мероприятиями на первоначальном этапе расследования. Более того, информация, полученная в результате их проведения, обеспечивает эффективность производства других процессуальных (следственных) действий, реализацию средств принуждения и прежде всего задержания подозреваемого, последующего избрания в отношении его (при наличии достаточных оснований) меры пресечения.

О важности неотложных следственных действий говорит тот факт, что в тех случаях, когда принимаются решения по созданию постоянно действующих (или действующих на определенное время – на период чрезвычайной ситуации) следственно-оперативных, следственных групп, всякий раз обращается внимание на необходимость качественного и своевременного производства неотложных следственных действий. Когда же анализируются причины нераскрытых преступлений (в том числе и прошлых лет), то одним из недостатков называются неэффективность следственных действий, проводимых как неотложные. Формальное проведение неотложных следственных действий приводит к минимальному объему изъятых следов и вещественных доказательств, неустановлению очевидцев преступления, что в последующем отрицательно сказывается на работе следователей, принимающих к своему производству уголовные дела.

Было бы неправильно говорить о второстепенном внимании ученых и практиков к проблемам производства неотложных следственных действий. Имеется множество работ различной направленности – уголовно-процессуальной, криминалистической и т. д., рассматривающих вопросы организации расследования преступлений, с представлением определений понятий неотложных следственных действий, оснований их производства, сравнительно-правового анализа действующего и предшествующего законодательства, регламентирующего неотложные следственные действия. Исследователи демонстрируют их незаменимость, существенную роль в сборе улик, позволяющих изобличить преступника, в создании препятствий, исключающих возможности для лица, совершившего преступление, скрыться от следствия и суда. Были выработаны практические рекомендации, направленные на эффективный поиск, обнаружение, изъятие, закрепление следов, способствующие решению правовых и тактических вопросов расследования и др. [2; 3, с. 43–47; 6; 7].

Следует отметить, что объективной причиной, отрицательно влияющей на производство неотложных следственных действий, является сложность конструкции соответствующих уголовно-процессуальных норм, которые в отдельных случаях не позволяют сделать однозначные выводы. Речь идет о субъектах их осуществления, ситуациях, в которых должны проводиться неотложные следственные действия, об их видах, о передаче полученных результатов по инстанциям.

Анализ современного уголовно-процессуального законодательства позволяет выделить несколько видов неотложных следственных действий, различных по своей направленности, срокам проведения, субъектам осуществления. Мы их условно, не претендуя на истину в последней инстанции, называем: *общими, частными и исключительными**.

Общие неотложные следственные действия**, в соответствии со ст. 152 УПК РФ, могут проводиться следователем, дознавателем по любой категории преступлений, которые им не подследственны. Необходимо отметить, что это может относиться и к территориальной подследственности. Обозначенное обстоятельство устанавливает очередность их проведе-

* Общий – свойственный всем, касающийся всех; частный – являющийся отдельной частью чего-нибудь, не общий, не типичный; исключительный – являющийся исключением, не распространяющийся одинаково на всех. См.: Ожегов С. И. и Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М., 2000. С. 251, 440, 878.

** Такой вывод мы сделали в результате анализа отдельных положений ст. 40 и 152 УПК РФ.

ния в силу того, что они сами (либо в процессе принятия решения о возбуждении уголовного дела, либо при производстве самих неотложных следственных действий) являются первоочередными. С возникновением подобного рода отношений начинается специфическая форма реализации уголовно-процессуальных норм, позволяющая следователю передать уголовное дело руководителю следственного органа, а дознавателю – прокурору (ч. 5 ст. 152 УПК РФ).

По нашему мнению, в ст. 149 УПК РФ также указывается на обозначенный вид неотложных следственных действий, с теми лишь отличиями, что в ней субъектом их производства является орган дознания. Он в одном случае, после возбуждения уголовного дела и производства неотложных следственных действий, уголовное дело передает руководителю следственного органа (п. 3 ст. 149 УПК РФ); в другом же случае, при котором будет установлено, что по уголовному делу нужно проводить дознание (преступление входит в перечень, указанный в ч. 3 ст. 150 УПК РФ), осуществляет его в порядке, установленном гл. 32 или 32.1 УПК РФ.

Частные неотложные следственные действия объемно регламентированы уголовно-процессуальным законодательством. Им установлены основание, определение, цели, форма расследования, субъекты (наделенные полными и частичными полномочиями органа дознания), категории преступлений, сроки и инстанции передачи уголовных дел, специфика последующей работы субъектов осуществления неотложных следственных действий по переданным уголовным делам. Определение обозначенных неотложных следственных действий содержится в п. 19 ст. 5 УПК РФ. Под таковыми понимаются «осуществляемые органом дознания после возбуждения уголовного дела, по которому производство предварительного следствия обязательно, в целях обнаружения и фиксации следов преступления, а также доказательств, требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования».

Например, комплекс процессуальных решений, регламентирующих производство *частных* неотложных следственных действий, мы можем найти при обращении к ст. 157 УПК РФ. Период времени, в течение которого они осуществляются, определен в 10 суток. Не позднее этого срока орган дознания передает уголовное дело руководителю следственного органа (ч. 3 ст. 157 УПК РФ), а следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия по нему проводятся только по поручению принявшего уголовное дело к своему производству следователя. Если в рассматриваемой ситуации не установлено лицо, совершившее преступление, то на орган дознания возлагается обязанность принятия соответствующих розыскных и оперативно-розыскных мер с уведомлением следователя о полученных результатах.

Часть 2 ст. 157 УПК РФ перечисляет субъектов осуществления неотложных следственных действий. К ним относятся государственные органы и должностные лица, наделенные полными и частичными полномочиями органа дознания*. Следует отметить, что государственные органы проводят указанные неотложные следственные по определенным составам преступлений, указанным в законе, реализуя, таким образом, свои полномочия органа дознания частично. Должностные лица проводят указанные нами неотложные следственные действия по преступлениям, совершенным определенными субъектами, на конкретной территории или в определенном расположении.

Исключительные неотложные следственные действия (ч. 3 ст. 40 УПК РФ) проводятся при расследовании различных преступлений, но совершенных в пределах определенного места (территории) или субъекта, причастного к правонарушению. В данном случае не имеет значения подследственность преступления. Неотложные следственные действия проводятся должностными лицами, специально наделенными частичными полномочиями органа дознания. Таковыми являются: капитаны морских и речных судов, находящихся в дальнем плавании; руководители геолого-разведочных партий и зимовок, начальники российских антарктических станций и сезонных полевых баз, удаленных от мест расположения органов дознания; главы дипломатических представительств и консульских учреждений РФ. Передача уголовного дела

* Данные проблемы относятся к предмету самостоятельного исследования.

после производства неотложных следственных действий рассматриваемого вида ни по инстанциям, ни по срокам законом не регламентирована.

Анализ современных законодательных положений относительно рассматриваемого в данной статье предмета позволяет сделать три вывода.

Первый. Как показывает обобщение практики, в качестве самостоятельных следственных действий проводятся:

- осмотр места происшествия, осмотр местности, осмотр жилища, осмотр иного (кроме жилища) помещения, осмотр предметов, осмотр документов (ст. 176 УПК РФ);
- осмотр трупа, эксгумация и осмотр трупа (ст. 178 УПК РФ);
- освидетельствование (ст. 179 УПК РФ);
- следственный эксперимент (ст. 181 УПК РФ);
- обыск в жилище, обыск у какого-либо лица, обыск в каком-либо месте (ст. 182 УПК РФ);
- выемка предметов; выемка документов; выемка предметов, содержащих государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну; выемка документов, содержащих государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну; выемка документов, содержащих информацию о вкладах и счетах граждан в банках и иных кредитных организациях (ст. 183 УПК РФ);

- личный обыск подозреваемого; личный обыск обвиняемого; личный обыск задержанного; личный обыск лица, находящегося в помещении или ином месте, в котором производится обыск (ст. 184 УПК РФ);

- наложение ареста на почтово-телеграфные отправления; осмотр, выемка и снятие копий с задержанных почтово-телеграфных отправлений (ст. 185 УПК РФ);

- контроль и запись переговоров подозреваемого; контроль и запись переговоров обвиняемого; контроль и запись переговоров потерпевшего; контроль и запись переговоров свидетеля; контроль и запись переговоров близких родственников потерпевшего; контроль и запись переговоров родственников потерпевшего; контроль и запись переговоров близких лиц потерпевшего; контроль и запись переговоров близких родственников свидетеля; контроль и запись переговоров родственников свидетеля; контроль и запись переговоров близких лиц свидетеля; осмотр и прослушивание фонограммы (ст. 186 УПК РФ);

- допрос свидетеля; допрос потерпевшего (ст. 188 УПК РФ);

- допрос подозреваемого (ст. 92, 189 УПК РФ);

- допрос обвиняемого (ст. 173, 189 УПК РФ);

- очная ставка (ст. 192 УПК РФ);

- предъявление для опознания лица; предъявление для опознания предмета; предъявление для опознания трупа (ст. 193 УПК РФ);

- проверка показаний на месте (ст. 194 УПК РФ);

- назначение судебной экспертизы (ст. 195 УПК РФ);

- получение образцов для сравнительного исследования (ст. 202 УПК РФ);

- допрос эксперта (ст. 206 УПК РФ);

- допрос специалиста (п. 3.1 ч. 2 ст. 74 УПК РФ).

Федеральным законом от 1 июля 2010 г. № 143-ФЗ введено следственное действие «Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами» (ст. 186.1 УПК РФ), которое, в свою очередь, имеет несколько разновидностей. Оно будет считаться неотложным действием, проводимым по преступлениям, по которым производство предварительного следствия обязательно, если оно соответствует целям, обозначенным в законе (п. 19 ст. 5 УПК РФ), другими словами, для поиска, обнаружения, фиксации следов преступления, а также различных объектов, могущих быть вещественными доказательствами и требующих безотлагательного изъятия и исследования. С криминалистических позиций

можно предположить, что имеется в виду следственное действие, направленное на работу с материально фиксированными отображениями признаков преступления и преступника.

Второй. Круг субъектов осуществления неотложных следственных действий является широким, включающим:

1) государственные органы: а) органы внутренних дел РФ; б) Федеральную службу безопасности РФ; в) федеральный орган исполнительной власти в области государственной охраны; г) Федеральную таможенную службу РФ; д) Службу внешней разведки РФ; е) Федеральную службу исполнения наказаний; ж) органы Федеральной службы судебных приставов; з) органы государственного пожарного надзора Федеральной противопожарной службы (п. 1, 2, 4 ч. 1 ст. 40 УПК РФ, ст. 13 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»);

2) должностных лиц: а) начальников органов военной полиции Вооруженных Сил РФ; б) командиров воинских частей; в) командиров воинских соединений; г) начальников военных учреждений; д) начальников военных гарнизонов (п. 3 ч. 1 ст. 40 УПК РФ); е) капитанов морских и речных судов, находящихся в дальнем плавании; ж) руководителей геолого-разведочных партий и зимовок, начальников российских антарктических станций и сезонных полевых баз, удаленных от мест расположения органов дознания; з) глав дипломатических представительств и консульских учреждений РФ.

Относительно этого круга субъектов требуется предметная корректировка, так как некоторым субъектам эти полномочия не требуются и на практике ими не реализуются. Мы попытались по нескольким каналам отыскать официальные статистические данные, характеризующие деятельность должностных лиц – органов дознания, однако наши попытки оказались безрезультатными. Можно предположить, что их нет фактически, а значит УПК РФ должен быть избавлен от норм, которые содержат только декларации.

Третий. Нуждаются в законодательной корректировке и объединении нормы УПК РФ, регламентирующие производство различных видов неотложных следственных действий.

Литература

1. Об утверждении Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик: закон СССР от 25 декабря 1958 г. (утратил силу) // Ведомости ВС СССР. 1959. № 1. Ст. 15.
2. Вдовцев П. В. Неотложные следственные действия в российском процессе: вопросы теории, практики и законодательного регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2011.
3. Кругликов А. П. Неотложные следственные действия: понятие, их перечень, задачи // Уголовно-процессуальные проблемы предварительного следствия и пути его совершенствования: сб. науч. тр. Волгоград, 1985.
4. Мерецкий Н. Е. Влияние поступающей информации в доказывании на начальном этапе расследования преступлений // Оперативник (сыщик). 2011. № 3 (28).
5. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 8. Судебная реформа / отв. ред. Б. В. Виленский; под общ. ред. О. И. Чистякова. М.: Юрид. лит., 1991.
6. Шабета И. В. Сущность, назначение и порядок производства неотложных следственных действий по УПК РФ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Оренбург, 2004.
7. Шейфер С. А. Следственные действия: основания, процессуальный порядок и доказательственное значение: монография. М.: Юрлитинформ, 2004.
8. Шурухнов Н. Г. Может ли орган дознания – юридическое лицо выполнять определенные уголовно-процессуальные функции (действия)? (в порядке постановки проблемы) // Уголовное судопроизводство: проблемы теории, нормотворчества и правоприменения: сб. науч. тр. Вып. 4. Рязань, 2009.

УДК 343.9

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ТИПИЧНОЙ ЛИЧНОСТИ МЕЖДУНАРОДНОГО КИБЕРПРЕСТУПНИКА

Равиль Михайлович Абызов, профессор кафедры Барнаульского юридического института МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации

E-mail: rav1861@yandex.ru

В настоящей статье рассмотрена криминалистическая характеристика типичной личности международного киберпреступника. Автором проанализированы криминалистически значимые черты (общефизические, демографические, социальные, психологические, прошлый преступный опыт и другие) типичной личности международного киберпреступника, с учетом которых составлен ее «криминалистический портрет».

Ключевые слова: личность преступника; международный киберпреступник; криминалистическая характеристика; преступления в сфере компьютерной информации.

FORENSIC CHARACTERISTICS OF A TYPICAL PERSONALITY OF AN INTERNATIONAL CYBERCRIMINAL

Ravil Mikhailovich Abyzov, professor of the Department of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor, honored lawyer of the Russian Federation

This article discusses the forensic characteristics of a typical personality of an international cybercriminal. The author analyzed the forensic significant features (general physical, demographic, social, psychological, past criminal experience and others) of the typical personality of an international cybercriminal, taking into account which her «forensic portrait» was compiled.

Keywords: criminal identity; international cybercriminal; forensic characteristics; crimes in the field of computer information.

Сегодня жизнь современного человека невозможно представить без компьютеров, планшетов, смартфонов, поскольку перечисленные гаджеты стали необходимым многофункциональным атрибутом трудовой, досуговой, образовательной и тому подобной деятельности.

Вместе с тем, одновременно с положительными результатами научно-технического прогресса в данной области нарастают и всевозможные угрозы и риски, прежде всего связанные с киберпреступностью. Именно она способна оказывать неблагоприятное влияние не только на информационные отношения, происходящие в сети Интернет, но и причинять ущерб как отдельным гражданам, так и государству в целом. К сожалению, сегодня не все государства способны в должной степени создать надежную безопасную информационную инфраструктуру для своего общества и граждан.

В отечественной практике термин «киберпреступность» тождествен понятию «компьютерная преступность», хотя само определение киберпреступности трактуют по-разному. В узком смысле под ней понимают преступления, относящиеся к гл. 28 УК РФ «Преступления в сфере компьютерной информации», а в широком – любые преступления, совершенные с помощью электронных устройств.

Наша позиция по данному вопросу солидаризуется с мнением экспертов ООН, согласно которому любое преступление, совершенное с помощью компьютерной системы или

Сети, в рамках компьютерной системы или Сети или против компьютерной системы или Сети, можно охватить термином «киберпреступность»*.

По данным отчета NTT Group – крупнейшей телекоммуникационной компании Японии, 65 % кибератак производилось с IP-адресов США, 5 % – с IP-адресов Великобритании, 4 % – Турции и Китая**.

По данным статистики МВД России, в течение 2019 г. было зарегистрировано 294409 преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации***, только в январе 2020 г. – 28145 преступлений.

Наибольшие темпы прироста зарегистрированных преступлений указанного вида в январе 2020 г. приходятся на следующие субъекты Российской Федерации: Республика Ингушетия (+400 %), Нижегородская область (+258,8 %), Еврейская автономная область (+231,8 %), Ивановская область (+219,3 %), Республика Бурятия (+189,2 %); наименьшие темпы: Республика Тыва (+4,2 %), Республика Северная Осетия – Алания (+5,1 %), Кировская область (+7,0 %); снижение отмечается лишь в Орловской области (–32,7 %), Чеченской Республике (–25,0 %).

Наиболее высокая раскрываемость компьютерных преступлений отмечается: в Республике Северная Осетия – Алания (100 %), Чеченской Республике (100 %), Тамбовской области (81,1 %), Воронежской области (67,8 %), Московской области (67,4 %); наименьшая раскрываемость: в Амурской области (8,1 %), Еврейской автономной области (11,5 %), Магаданской области (12,5 %), Республике Коми (13,9 %), Ямало-Ненецком автономном округе (14,5 %)****.

Следует отметить, что преступления, совершенные с помощью компьютерных технологий, сложны в предупреждении, раскрытии и расследовании, поскольку правоохранительные органы остро нуждаются в специалистах с достаточно интеллектуальным потенциалом в сфере информационно-телекоммуникационных технологий.

В современной отечественной и зарубежной литературе утвердилось наименование компьютерного преступника как киберпреступника, или хакера.

Например, А. Н. Косенков и Г. А. Черных на основании своих исследований в качестве международных киберпреступников выделяют лиц:

- ведущих преступную деятельность только в глобальной сети Интернет;
- ведущих преступную деятельность как в сети Интернет, так и в реальной жизни;
- ранее привлекавшихся к уголовной ответственности за преступления, не относящиеся к компьютерным, однако совершающие их в настоящее время [2, с. 92].

Вместе с тем следует понимать, что, во-первых, не все хакеры являются киберпреступниками; а во-вторых, хакеры отличаются от обычных киберпреступников своими профессиональными знаниями и навыками, которые требуют постоянного совершенствования. Эти люди обладают специфическими познаниями в области компьютерной техники, а также программирования.

Международных хакеров можно разделить на подвиды: фриеры, кибертеррористы, крэкеры, вирусмейкеры, каждый из которых специализируется на различных подвидах криминальной деятельности. Например, фриер способен осуществлять неправомерный доступ к различным охраняемым системам защиты (транспортных средств, спутников, помещений и т. д.). Кибертеррорист специализируется на организации саботажей, шпионской деятельности, направленной, как правило, против правительственных структур, специальных служб и иных международных организаций. Крэкер осуществляет свою деятельность по обходу систем

* Десятый Конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/crime91.shtml.

** Global Threat Intelligence Report 2016 // NTT Group. URL: https://www.solutionary.com/_assets/pdf/research/2016-gtir.pdf.

*** Состояние преступности в России за январь-декабрь 2019 года. URL: <https://mvd.ru>

**** Состояние преступности в России за январь 2020 года. URL: <https://mvd.ru>

защиты программного обеспечения и предоставляет его безвозмездное использование неопределенному кругу лиц. Вирусмейкер – это разработчик и создатель вредоносных программ.

Существует еще один вид киберпреступников, именуемых скрипт-кидди, которые осуществляют свою деятельность с помощью чужих алгоритмизированных разработок или выдают чужие разработки за свои. При этом скрипт-кидди не обладают глубокими профессиональными познаниями механизмов работы компьютерных систем. «Иными словами, если хакеру доставляет особое удовольствие сам процесс неправомерного доступа к системе (действительный аспект), желание решить сложную задачу, то для скрипт-кидди важным является факт неправомерного доступа с определенной целью, хотя их неправомерные действия достаточно часто и легко обнаруживаемы» [1, с. 251].

Криминалистический анализ характеристик рассмотренных типов киберпреступников позволяет сделать вывод о том, что между типичной личностью международного киберпреступника, способом совершения преступления и виртуальной обстановкой совершения киберпреступления существуют корреляционные связи.

Криминалистическая характеристика типичной личности международного киберпреступника включает данные «о поле, возрасте, национальности и гражданстве, образовании, специальных знаниях и навыках, социальном и должностном положении, физических и интеллектуальных данных, судимости, характере, мотивах и целях преступной деятельности, роли в преступлении. Свойства каждой личности в основном складываются под влиянием психофизических особенностей, социально-демографического положения, профессии и приобретенного опыта (знаний, умений и навыков), что бывает необходимо учитывать для более глубокого понимания мотивов и поступков людей, а также возможности прогнозирования их поведения» [3, с. 257].

В нашей статье используются данные, полученные из пресс-релизов Министерства юстиции США за период с января 2009 г. по декабрь 2017 г. Выборка включает 225 правонарушителей, не являющихся гражданами США, которыми было совершено 414 киберпреступлений по всему миру [4].

Изучение и анализ международной судебно-следственной практики о киберпреступлениях позволили выявить следующие закономерности, присущие типичной личности киберпреступника.

Большинство международных киберпреступников – мужчины (94 %), реже подобные преступления совершают женщины (6 %), которые в основном являются соучастниками киберпреступлений. Обусловлено это тем, что лица мужского пола с раннего возраста в большей степени интересуются техникой, в том числе и компьютерной, что позволяет им в последующем юношеское хобби воплотить в профессию, что нельзя сказать о женщинах.

Минимальный возраст международных киберпреступников составляет 19 лет, а максимальный – 73 года. Однако во многих странах наблюдается омоложение киберпреступников, так как дети с малых лет начинают пользоваться компьютерной техникой и изучать в школе программное обеспечение, информационные технологии.

При анализе данных выяснилось, что киберпреступники были гражданами следующих стран: Китая (26,7 %), Румынии (11,6 %), России (7,1 %), Эстонии (5,3 %), Канады (4,4 %), Мексики (4 %), Южной Африки (3,6 %), Нигерии (3,6 %), Пакистана и Украины (по 3,1 %), Германии и Ирана (по 2,2 %), Венесуэлы (1,8 %), Гонконга, Индии, Италии, Филиппин, Швеции и Вьетнама (по 1,3 %), Латвии, Малайзии, Молдовы, Кубы, Доминиканской Республики и Великобритании (по 0,9 %), других стран (8 %).

В формировании личности киберпреступника важную роль играет уровень образования. В обществе существует мнение о том, что киберпреступник – это высококвалифицированный специалист, имеющий высшее техническое образование, а может быть, и несколько высших образований. При анализе личности международных киберпреступников данное утверждение

не подтвердилось. Международные киберпреступники в основном имели среднее профессиональное (40 %) или среднее образование (37 %), реже – неоконченное высшее или высшее (23 %). Исходя из этого можно сделать вывод, что компьютерные преступления совершают как дилетанты, оставляющие большое количество следов своей деятельности, так и высококвалифицированные профессионалы, которые совершают наиболее опасные преступления, сложные в предупреждении, раскрытии и расследовании.

По социальному положению международные киберпреступники осуществляли деятельность в сфере обслуживания – 59,3 %, были официально безработными – 28,5 %, учащимися – 11,4 %, служащими – 1 %. Проанализировав данные, можно сделать вывод, что компьютерные преступления в основном совершали лица, имеющие либо низкий уровень дохода, либо не имеющие его совсем.

Следует отметить, что большинство международных киберпреступников холосты – 59,4 %, а 40,6 % находятся в официальном браке. Это объясняется тем, что киберпреступник ведет преимущественно «ночной» образ жизни.

Рассматривая данные о прошлом преступном опыте международных киберпреступников (судимости), делаем вывод о том, что 94,8 % лиц, совершивших компьютерные преступления, не привлекались к ответственности и соответственно не имели судимости. Повторно совершили преступления только 5,2 % международных киберпреступников.

Возможность сохранения полной анонимности является одним из главных психологических факторов для киберпреступника. Поэтому он создает себе новый образ собственной личности, существенно отличающийся от реального. Часто он не имеет привлекательной внешности, испытывает трудности при общении со сверстниками и противоположным полом, замкнутый, скрытный, но при этом мыслящий, стремящийся к популярности или общественному признанию в субкультуре хакеров. Ярко выражена самооценка, терпимость к риску или потребность в острых ощущениях. У многих киберпреступников диагностируются психические отклонения (интернет-зависимость, тревожность, диссоциативные расстройства личности).

Киберпреступники, находясь в местах лишения свободы, отмечают, что чувствовали себя некомфортно в обществе. В основном они интроверты, отличаются фрустрацией в личных и общественных отношениях, отсутствием эмпатии и лояльности к обществу, некоторым присуща апатия, в то же время они целеустремленные и усидчивые [4].

Так как преступления совершаются в информационной среде, киберпреступник не может в полной мере адекватно оценить причиненный своими действиями вред, он может испытывать только чувства удовлетворения и эйфории от сделанного, поэтому преступники, совершающие компьютерные преступления, не испытывают чувства вины и раскаяния, им присущ правовой нигилизм.

Мотивы совершения киберпреступления разнообразны: хактивизм; шпионаж/саботаж; денежная выгода; политические; религиозные; любопытство; сексуальные потребности; эмоции; повышение самооценки; поиск «острых» ощущений; возможность манипуляции людьми.

А. Н. Косенковым и Г. А. Черных были выделены типы киберпреступников в зависимости от мотивации преступного поведения: корыстный; насильственный; сексуальный; социально дезорганизирующий; идеологический или политический; статусный; исследовательский.

Киберпреступники насильственного типа стремятся довести свою жертву до самоубийства; сексуального типа – незаконно распространяют порнографические материалы, осуществляют понуждение к действиям сексуального характера, развратным действиям и т. д. [2, с. 92–93].

Также следует отметить, что международный киберпреступник – это не преступник-одиночка, таких только 31,6 %, в основном киберпреступники работают в группе (68,4 %), численность участников которой может варьировать от 3–5 до 25–30 [5, Р. 47]. Успешный

хакер сегодня – это хороший управленец, который набрал команду, а сам вообще может и не являться профессиональным программистом.

Исходя из проведенного исследования, предлагаем «криминалистический портрет» типичной личности международного киберпреступника. Это группа лиц:

- каждый участник которой выполняет узко профессиональные киберфункции (прикрытие, лидеры, финансисты, ликвидаторы, агенты, хакеры и т. д.);
- преимущественно мужского пола в возрасте от 19 до 35 лет;
- имеющих среднее профессиональное (среднее общее) образование;
- с низким уровнем дохода или без постоянного источника дохода;
- большинство которых холостые, замкнутые в общении с противоположным полом;
- с ярко выраженной самооценкой, нередко с психическими отклонениями, с присущим им правовым нигилизмом.

Считаем, что полученная информация о личности международного киберпреступника позволит оптимизировать процесс выявления лиц, совершивших компьютерные преступления, а также будет способствовать выдвигению версий о подозреваемом международном киберпреступнике.

Литература

1. Гайфутдинов Р. Р. К вопросу о типологии личности компьютерных преступников с учетом характера и мотивации их криминальной деятельности // Вопросы российского и международного права. 2017. Т. 7. № 4А.
2. Косенков А. Н., Черных Г. А. Общая характеристика психологии киберпреступника // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2012. № 3 (21).
3. Поляков В. В., Попов Л. А. Особенности личности компьютерных преступников // Известия Алтайского государственного университета. 2018. № 6 (104).
4. Chidambaram V. The Profile of a Cyber Criminal // PC Advisor. 2012. URL: <http://www.pcadvisor.co.uk/feature/security/profile-of-cyber-criminal-3330068/>
5. Hadzhidimova L. I., Payne B. K. The profile of the international cyber offender in the US // International Journal of cybersecurity intelligence & cybercrime. 2019. № 2 (1).

УДК 343.985.3

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ УЧЕТНО-РЕГИСТРАЦИОННЫХ ДАННЫХ ОБ ОРУЖИИ И СЛЕДАХ ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Валерий Васильевич Бирюков, профессор кафедры, доктор юридических наук, профессор;
Андрей Васильевич Кабанов, старший преподаватель
(Уральский государственный юридический университет)

E-mail: bvvkrimlavd@mail.ru

avkabanov59@mail.ru

Статья посвящена совершенствованию расследования преступлений, связанных с применением огнестрельного оружия. Перспективным направлением в этом является использование потенциала современных информационных систем. Наряду с созданием условий в решении задач расследования, они способствуют обеспечению безопасности его производства. Несмотря на большое значение данных криминалистических учетов, целесообразно использовать информацию и из других информационных систем, независимо от их основного целевого назначения и ведомственной принадлежности.

Ключевые слова: огнестрельное оружие; криминалистические учеты; объекты учета; пулегильзотека; идентификация; классификация.

USE OF REGISTRATION AND REGISTRATION DATA ON WEAPONS AND TRACES OF THEIR USE IN THE INVESTIGATION OF CRIMES

Valery Vasilevich Biryukov, professor of the Department, Doctor of Law, Professor;

Andrey Vasilevich Kabanov, senior lecturer
(Ural State Law University)

The article is devoted to improving the investigation of crimes related to the use of firearms. A promising direction in this is to use the potential of modern Information system. Along with the creation of conditions in solving the problems of the investigation, they contribute to ensuring the safety of its production. Despite the importance of these forensic accounting, it is advisable to use information from other information systems, regardless of their main purpose and departmental affiliation.

Keywords: firearms; forensic accounting; accounting objects; accounting bullets and cartridge cases; identification; classification.

Расследование преступлений, связанных с применением огнестрельного оружия, представляет собой достаточно сложный процесс познания, в ходе которого важным условием восстановления картины события преступления и всех его составляющих является наличие у лиц, его осуществляющих, знаний в области криминалистического оружиеведения и квалифицированного использования учетно-регистрационных данных. Это требование обусловлено насущными потребностями правоохранительной практики, а также тенденцией роста совершаемых с использованием оружия преступлений. Характеризуя рассматриваемую категорию преступлений, Р. Р. Карданов обоснованно отмечает: «Ежегодное повышение в нашей стране численности огнестрельного оружия, находящегося в криминальном обороте, является немаловажным, в целом дестабилизирующим оперативную обстановку фактором, способствующим совершению террористических актов. Так, в 2018 г. с использованием оружия совершено 6 тыс. преступлений (рост составил 10,5 %)» [7, с. 100].

При этом и специальные знания, и информация, получаемая из различных учетов, играя важную роль в познании преступления, создают предпосылки в решении другой не менее важной, специфической задачи, характерной для расследования таких преступлений, а именно обеспечения условий безопасности производства следственных действий. Таким образом, потребность в них, возникая с момента получения сообщения о преступлении, не утрачивает актуальности на протяжении всего расследования.

Как и другие виды специальных знаний, знания по работе с огнестрельным оружием и следам его применения приобретаются в процессе обучения и эмпирическим путем в ходе осуществления практической деятельности. Их носителем является конкретный сотрудник, а эффективность их применения в значительной степени служит мерилем его профессиональной пригодности. Знать – значит уметь применять знания для решения практических задач. В контексте сказанного отметим, что в ходе расследования важным источником информации о конкретном оружии, его владельцах и пользователях, местах и условиях хранения выступают информационные системы. Именно в них сконцентрирована потенциальная информация об объектах учета, которая приобретает актуальность в конкретной ситуации. «Как показывает практика, использование результатов учетно-регистрационной деятельности особенно эффективно при отсутствии другой информации об обстоятельствах преступления. Так, ежегодно, по итогам проверок, по федеральной пулегильзотеке ЭКЦ МВД России дополнительно выявляются сотни преступлений, совершенных с применением нарезного огнестрельного оружия» [13, с. 4]. При этом отметим, что в зависимости от ситуации и конкретной решаемой задачи криминалистическое значение может приобрести информация не только из крими-

налистических – специализированных информационных систем, предназначенных способствовать расследованию, но и из других, независимо от их ведомственной принадлежности и непосредственного целевого назначения, в которых в качестве объектов учета выступают оружие, боеприпасы к нему, а также лица, владеющие им или имеющие право на использование.

На практике потребность в такой информации нередко бывает востребованной уже на этапе подготовки к осмотру места происшествия, обыску или производству другого следственного действия. Сведения о наличии оружия у потерпевших, подозреваемых и хозяев помещений, в которых предстоит осуществлять следственное действие, нацеливают следователя на решение конкретных задач, влияют на организацию и тактику производства следственного действия.

Как правило, в работах, посвященных использованию учетно-регистрационных данных рассматриваемой категории объектов в расследовании, уделяется внимание криминалистическим учетам оперативно-розыскного значения, осуществляемым подразделениями ЭКЦ (учетам пуль и гильз со следами оружия, обнаруженных при осмотрах мест происшествий), и информационно-справочного значения (учеты образцов оружия, боеприпасов и типичных следов частей оружия и т. п.), а также учетам, осуществляемым подразделениями ИЦ МВД России (изъятых или добровольно сданного оружия). никоим образом не умаляя значения криминалистических учетов, ведущихся подразделениями ИЦ и ЭКЦ МВД России, отметим, что данные, сконцентрированные в учетно-регистрационных массивах других служб, подразделений и ведомств, в ведении которых находится или находилось оружие, могут оказать существенную помощь в установлении отдельных обстоятельств и лиц, которые имели отношение к этому оружию, указать направление его поиска и расследования в целом. Показать направления использования данных об оружии и о следах его применения, содержащихся в различных учетно-регистрационных массивах, независимо от их ведомственной принадлежности, и ставят авторы основной целью данной работы.

Подходя к рассмотрению поставленного вопроса, необходимо четко представлять систему учетно-регистрационных данных, связанных с оружием и со следами его применения, а также роль и место каждого учета в этой системе. При этом отметим, что деятельность, связанная с организацией и ведением учетов данной категории, осуществляется рядом подразделений и служб системы МВД России, и ее основной задачей является обеспечение нормального выполнения основных функций именно этих подразделений. Учеты оружия и людей, имеющих к нему доступ, которые осуществляются подразделениями другой ведомственной принадлежности, призваны обеспечить строгий контроль оружия, чтобы исключить его нецелевое использование или утрату. Как правило, организация и ведение таких учетов регламентируются нормативными актами МВД России или межведомственными приказами и инструкциями.

Таким образом, сведения об оружии и следах его применения, содержащиеся в различных учетах, могут оказать помощь в организации проведения следственных действий с соблюдением необходимого комплекса мер безопасности, в выборе тактики производства конкретных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, а также в решении иных задач, которые могут возникнуть в процессе расследования. Выделим ряд типичных ситуаций, в которых сотрудникам правоохранительных органов информация об оружии и о следах его применения необходима для разрешения вопросов по существу, а также для правильной организации и тактики проведения следственных действий, при этом для типизации обозначим лишь те временные факторы и направления деятельности, в которых значимость приобретают учетно-регистрационные данные. К таковым отнесем:

- подготовку и производство осмотра места происшествия или другого следственного действия;
- обнаружение следов применения огнестрельного оружия;
- обнаружение огнестрельного оружия или боеприпасов к нему;
- производство экспертиз огнестрельного оружия и боеприпасов к нему.

Несомненно, выезжая на место происшествия, даже по преступлениям, не связанным с использованием огнестрельного оружия, сотрудникам оперативной группы никогда не будет лишней информация о месте осмотра (участок местности, жилое или служебное помещение и т. п.), а также о людях, которые в нем работают или проживают, особенно если эта информация касается оружия или иных предметов, являющихся источниками повышенной опасности. Например, совершая кражу из помещений, в которых хранится оружие и боеприпасы к нему, преступник, по сути, вооружается, что, в свою очередь, влияет на меры, принимаемые к его розыску и задержанию. Немецкие криминалисты в связи с этим отмечают, что благодаря использованию учетно-регистрационных данных, можно своевременно принять превентивные меры, исключающие применение преступниками огнестрельного оружия, средств массового поражения при их задержании, обезопасив окружающих людей и самих сотрудников правоохранительных органов [12, с. 101].

Такого рода информация может быть получена из баз данных АИПС «Оружие МВД», в случае необходимости она может быть сверена со сведениями, имеющимися в лицензионном, учетном либо контрольно-наблюдательном деле [2]. Разумеется, информация, полученная из таких учетов, о наличии оружия у потерпевшего или лица, совершившего преступление, поможет членам оперативной группы правильно организовать осмотр места происшествия и мероприятия, направленные на поиск и изъятие оружия, принять необходимый комплекс мер по обеспечению безопасности граждан и членов оперативной группы.

Получение информации из АИПС «Оружие МВД» возможно круглосуточно из любой удаленной точки доступа. Такие точки доступа установлены в дежурных частях горрайорганов внутренних дел, что позволяет оперативно получать необходимую информацию из интегрированного банка данных. Считаем, что информацию такого рода сотрудники оперативно-следственных групп должны получать от сотрудников дежурных частей заблаговременно, при направлении на место происшествия.

Большое значение в организации розыска и идентификации оружия, а в конечном счете преступника играют следы оружия на метаемых элементах, гильзах, преградах и других их носителях. Такие следы чаще всего обнаруживают при осмотрах мест происшествий по фактам преступлений, связанных с применением оружия (убийства, разбойные нападения и т. п.): следы выстрела и частей оружия на метаемых элементах (пули, дробь, картечь и др.), пыжах, контейнерах (для охотничьих пуль, зарядов дроби или картечи), стреляных гильзах, а также следы ранений на теле человека или животных и различные повреждения на окружающих предметах. Данная категория следов, являясь частью следовой картины обстановки места происшествия, создает условия для решения задач диагностического, классификационного, ситуационного и идентификационного характера. В их разрешении существенное значение имеют данные криминалистических учетов, ведущихся подразделениями экспертной службы МВД России. Среди указанных следов особое значение имеют следы оружия на пулях и стреляных гильзах, сформировавшиеся вступающими с ними в контакт деталями оружия и представляющие собой отображения микрорельефа внутренней поверхности канала ствола (полей и дна нарезов), ударника, зацепа выбрасывателя, отражателя и др. В ходе экспертизы и проверки по учетам именно эти следы позволяют идентифицировать оружие, в котором для производства выстрела применялись конкретный метаемый элемент и гильза, а также решать задачи диагностического и классификационного характера, определять модель оружия и конструктивные особенности конкретного экземпляра, судить о степени износа и неисправностях его отдельных деталей и др.

После экспертного исследования пули и гильзы со следами нарезного огнестрельного оружия направляются для проверки и постановки на федеральный и региональный учет пуль и гильз, изъятых при проведении осмотров мест происшествий. Проверке и постановке на учет подлежат пули и гильзы калибром не более 14,5 мм.

Ведущие поверхности пуль сканируются с применением устройств, предназначенных для получения развернутых изображений, таким образом получают внешние развернутые изображения всей поверхности. Функция изготовления такого рода разверток сегодня реализована в специализированной автоматизированной баллистической информационной системе (АБИС) «Арсенал», которая выполняется в автоматическом режиме, а изображение заносится в соответствующее поле записи базы данных. Следы на гильзах также фотографируются или сканируются АБИС «Арсенал» и вносятся в соответствующие базы данных. При внесении в автоматизированную информационную систему следы в автоматическом режиме проверяются по всему массиву следов, обнаруженных на местах нераскрытых преступлений, и следам утраченного или похищенного оружия, при условии наличия соответствующих образцов. Наряду с АБИС «Арсенал» в подразделениях ЭКЦ функционируют АБИС «ТАИС». Указанные системы позволяют хранить в базах данных изображения объектов с соответствующими комментариями, осуществлять поиск объектов по заданным параметрам, измерять углы наклона и ширину полей нарезов по следам на пулях, как в ручном, так и автоматическом режимах [5, с. 7–8].

Здесь следует отметить, что независимо от результатов проверки, производимой АБИС, последнее слово всегда остается за экспертом, проводившим проверку, который и несет ответственность за ее результаты.

Среди задач, которые разрешаются данным учетом, можно выделить:

- установление факта использования одного и того же оружия при совершении разных преступлений в разное время на разных территориях;
- выявление среди добровольно сданного, изъятого и найденного оружия, такого оружия, которое ранее использовалось при совершении преступлений;
- установление фактов использования преступниками табельного оружия МВД, зарегистрированного на объектах разрешительной системы или в личном пользовании граждан;
- выявление оружия, утраченного сотрудниками органов внутренних дел, гражданами или похищенного с объектов разрешительной системы.

Анализ следовой картины происшествия и следов на метаемых элементах и гильзах в ходе расследования серийных преступлений, совершаемых преступными группами, повторяемость сочетания одинаковых объектов и групп следов позволяют решать вопросы о парности использования одних и тех же экземпляров оружия при совершении разных преступлений.

Учет пуль и гильз со следами оружия представляет собой криминалистический учет оперативно-розыскного значения. Он состоит из коллекции объектов (пуль и гильз со следами оружия) и информационной картотеки, в которой содержатся карточки на объекты, помещенные в коллекцию (комбинированная форма учета: коллекция и картотека). Объекты в коллекции систематизируются соответственно по моделям, далее – по годам обнаружения. Пули и гильзы хранятся отдельно. Для удобства работы объекты размещаются на специальных планшетах в колодах, под каждым объектом имеется пояснительная надпись, необходимая для классификации и поиска конкретного объекта в коллекции. Параллельно коллекции на каждый объект заводится информационная карточка (форма ИК-10), в которой отображается вся информация о нем (место обнаружения, № уголовного дела; результаты экспертизы и проверок; изображения развертки пули или фотоснимки следов на гильзе и др.). Сегодня такой учет автоматизирован и наряду с ручным режимом осуществляется с использованием указанных выше АБИС.

Учету в пулегильзотеках подлежат пули и гильзы:

- обнаруженные при осмотрах мест происшествий;
- полученные при экспериментальном отстреле найденного, изъятого и добровольно сданного огнестрельного оружия;
- полученные при экспериментальном отстреле утраченного оружия, состоявшего на вооружении органов внутренних дел, бывшего на объектах разрешительной системы и в личном пользовании граждан.

Указанные учеты ведутся на центральном и региональном уровнях. Региональные пулегильзотеки комплектуются объектами, изымаемыми из соответствующего массива федеральной пулегильзотеки, а также изъятыми с мест происшествий на территории соответствующего субъекта (субъектов) Российской Федерации, если установлено, что по одному преступлению имеется не менее 3 экземпляров пули, гильзы или патронов, стреляных в одном и том же экземпляре оружия.

После проверки по региональной пулегильзотеке, независимо от ее результатов, объекты направляются для проверки по центральной пулегильзотеке. Здесь целесообразно отметить, что в свое время в СССР пулегильзотека также велась централизованно на уровне ЭКУ МВД СССР и, соответственно, в массивах, унаследованных экспертной службой МВД России, хранятся пули и гильзы, изъятые с мест нераскрытых преступлений, совершенных на всей территории нынешнего СНГ. Исходя из того, что оружие часто используется достаточно длительный период, учитывая прозрачность границ и миграцию населения, а также возможность контрабанды, продажи или хищения оружия, не исключается вероятность раскрытия преступлений прошлых лет, совершенных на территории сопредельных стран. Разумеется, обмен информацией пулегильзотек на межгосударственном уровне может принести каждому участнику обмена только пользу в борьбе с преступностью.

Наряду с пулегильзотеками, которые составляют подразделения экспертной службы МВД России, в раскрытии преступлений могут быть использованы данные учетов, содержащих пули и гильзы, полученные экспериментально в результате отстрела оружия, состоящего на вооружении государственных военизированных организаций, оружия, находящегося на объектах лицензионно-разрешительной системы и в личном пользовании граждан. При этом учеты таких объектов осуществляются разными подразделениями МВД России.

Так, пули и гильзы, отстрелянные из гражданского и служебного оружия, вместе с протоколом в течение трех суток направляются для постановки на учет в Федеральную пулегильзотеку МВД России в соответствии с правилами пересылки вещественных доказательств.

Пули и гильзы, отстрелянные из боевого оружия государственных военизированных организаций, а также огнестрельного нарезного оружия, подлежащего вручению в качестве награды, в том числе включенного в наградные фонды оружия, после документального оформления и соответствующей упаковки, исключающей доступ к ним посторонних лиц, остаются на хранении по месту дислокации соответствующих воинских частей и организаций министерств и ведомств [1]. В случае утраты оружия, объекты из этих коллекций изымаются следователем, приобщаются к материалам уголовного дела и направляются для проверки по пулегильзотекам (региональной и центральной) и постановки их на учет в целях установления возможных фактов использования такого оружия при совершении преступлений [3, с. 76].

В контексте сказанного полагаем конструктивным предложение С. М. Колотушкина и А. С. Цуканова по созданию учета гильз, стреляных из охотничьего и иного гладкоствольного оружия. Авторы отмечают, что метаемые элементы и гильзы со следами такого оружия учету не в пулегильзотеке не подлежат [9, с. 62]. При этом они предлагают внести незначительные дополнения в конструкцию оружия, в результате чего искусственно созданные идентификаторы будут отображаться на доньшке гильзы, создавая условия для учета и идентификации.

Обнаруженные в ходе осмотра пули и гильзы со следами оружия следователь направляет на экспертизу или исследование. При отсутствии оружия проводятся исследования диагностического и классификационного характера в целях установления наличия на пулях и гильзах следов оружия и определения по ним модели оружия и его особенностей. Также решаются вопросы пригодности следов для идентификации по ним оружия. Тщательное изучение следовой картины на гильзах и метаемых элементах позволяет отграничить следы оружия от следов их взаимодействия с преградами после выстрела.

Мы не ставили задачей рассмотрение особенностей учета хранения и использования табельного и иного оружия подразделениями ФСБ РФ, СК РФ, таможенными органами и Вооруженными силами МО РФ. Однако, отметим, что все подразделения, входящие в их состав, осуществляют строгий учет оружия и боеприпасов, призванный обеспечить выполнение задач, возложенных на указанные подразделения, исключить его нецелевое использование или утрату. В случае необходимости, данные таких учетов также могут быть использованы при раскрытии преступлений. Однако здесь следует отметить и отрицательные моменты, влияющие на раскрываемость преступлений, а именно сложность и даже отсутствие возможности в ряде случаев получения материалов для сравнительного исследования. Как обоснованно замечает В. Х. Каримов, «не всегда есть с чем сравнивать, в частности, нет возможности проводить идентификацию с образцами оружия, находящегося в вооруженных силах, откуда оно также попадает в криминальный оборот. В этой связи высказываются предположения о необходимости создания паспортов оружия на заводе-изготовителе (по крайней мере, короткоствольного) с обязательным его отстрелом и внесением информации о следах на пулях и гильзах в учет пуль и гильз, где следует хранить сведения о номере, модели и идентификационных признаках конкретного экземпляра оружия» [8, с. 90]. Считаем, что практическое решение этой проблемы является одной из актуальных задач и инициатива в этом должна принадлежать правоохранительным органам.

Наряду с обнаружением следов оружия в следственной практике при проведении следственных действий нередки случаи обнаружения и самого оружия, факты добровольной сдачи оружия преступниками или их родственниками, а также владельцами и наследниками его лицами. В любом из указанных случаев оружие должно быть проверено в целях установления его законного владельца, не является ли оно похищенным, а также на предмет возможного его применения при совершении преступлений. Выявленное оружие в обязательном порядке проверяется по учетам зарегистрированного оружия (АИПС «Оружие МВД») и подлежит направлению на централизованный учет «ИБД-Ф» (подсистема «Оружие») [11, с. 71]. Как в первом, так и втором случае необходимую информацию можно получить из учетов, ведущихся подразделениями МВД России. Такое оружие проверяется по учетам утраченного и выявленного огнестрельного оружия, осуществляемым подразделениями ИЦ МВД России, и направляется в соответствующее экспертно-криминалистическое подразделение МВД России на экспертизу, в ходе которой экспериментальным путем получают образцы пуль и гильз со следами этого оружия и направляют их на проверку по пулегильзотеке. По результатам такой проверки может быть установлено оружие, которое применялось при совершении преступлений. Также по пулегильзотеке может быть установлено табельное оружие сотрудников органов внутренних дел и оружие, которое принадлежало объектам разрешительной системы, должностным лицам или гражданам и которое было у них похищено или ими утеряно. В случае если на оружии удалены номерные знаки и клейма, принимаются меры к их восстановлению. «В случаях, когда на изъятом оружии нечетко выражены номер, серия либо год изготовления или же имеются следы, свидетельствующие об удалении или изменении указанных маркировочных обозначений, оно направляется на экспертизу (исследование)» [10, с. 234]. С этой целью производится соответствующая трасологическая экспертиза, и если в результате таковой удастся восстановить номер оружия, то оно также проверяется по базам данных соответствующих учетов.

В заключение рассмотрим возможности использования учетно-регистрационных данных сотрудниками экспертной службы при производстве экспертиз оружия, боеприпасов к нему, а также пуль и гильз со следами оружия, обнаруженными в ходе осмотров мест происшествий.

В процессе производства экспертиз у сотрудников экспертных подразделений возникает необходимость в установлении модели исследуемого экземпляра оружия, вида и назначения боеприпасов и др. Для этой цели могут использоваться информационно-справоч-

ные картотеки и коллекции оружия, а также различные справочники и каталоги. В отличие от криминалистических учетов оперативно-розыскного значения, объекты таких учетов не связаны с конкретными преступлениями и соответственно не создают условий для решения идентификационных задач. И это вполне логично – в них концентрируется информация об объектах, непосредственно не связанных с конкретными преступлениями. «Для их формирования используются объекты, не находящиеся в причинно-следственной связи с событием преступления. Это обычно образцы предметов, веществ, материалов, следы которых чаще всего обнаруживаются на местах происшествий» [4, с. 76]. В основном их использование нацелено на решение задач классификационного характера, а в определенных ситуациях – диагностического и ситуационного. Говоря об особенностях сравнительного исследования при производстве экспертизы в целях установления принадлежности объекта к огнестрельному оружию, Д. Ю. Гамов отмечает: «Выявленные конструктивные признаки объекта сравниваются методом сопоставления со справочными данными разных образцов огнестрельного оружия и конструктивно подобных ему изделий, а также с образцами натуральных криминалистических коллекций оружия» [6, с. 12].

Подводя итоги вышеизложенному, отметим:

- при расследовании преступлений, связанных с использованием огнестрельного оружия, сведения, содержащиеся в массивах или базах данных учетов, в которых в качестве объектов выступает оружие и следы его применения, играют существенную роль;
- наряду с использованием для решения задач идентификационного, классификационного, диагностического и ситуационного характера они создают условия в обеспечении безопасности участникам расследования при производстве следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий;
- несомненно, важное место среди источников информации об оружии и о следах его применения принадлежит криминалистическим учетам – информационным системам, специально созданным и функционирующим в подразделениях ИЦ и ЭКЦ МВД России;
- в зависимости от сложившейся ситуации, наряду с данными криминалистических учетов, в расследовании может быть использована самая различная информация, сосредоточенная в учетах других ведомств и подразделений, независимо от их подчиненности и предназначения, в которых в качестве объектов учета выступают оружие и боеприпасы к нему, включая такие учетные документы, как журналы выдачи, получения и передачи оружия, и иные документы, отображающие сведения о движении, применении и хранении оружия.

Литература

1. Об утверждении Правил оборота боевого ручного стрелкового и иного оружия, боеприпасов и патронов к нему, а также холодного оружия в государственных военизированных организациях: постановление Правительства РФ от 15 октября 1997 г. № 1314 (ред. от 26.07.2018). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. Об утверждении Административного регламента исполнения Министерством внутренних дел Российской Федерации государственной функции по контролю за оборотом гражданского, служебного и наградного оружия, боеприпасов, патронов к оружию, сохранностью и техническим состоянием боевого ручного стрелкового и служебного оружия, находящегося во временном пользовании у граждан и организаций, а также за соблюдением гражданами и организациями законодательства Российской Федерации в области оборота оружия: приказ МВД РФ от 29 июня 2012 г. № 646 (ред. от 27.11.2015). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. Аленин А. П., Романенко М. А. Криминалистические учеты органов внутренних дел: учеб. пособие. Омск: Изд-во Омского гос. ун-та им. Ф. М. Достоевского, 2008.
4. Белов О. А. Криминалистическая регистрация: история, современное состояние и перспективы развития: учеб. пособие / под ред. Е. П. Ищенко. М.: Юрлитинформ, 2010.
5. Владимиров В. Ю., Бородин В. Н. Отождествление огнестрельного оружия с использованием идентификационно-поисковой баллистической системы «ТАИС» по следам на стреляных пулях: метод. рек. / под ред. В. П. Сальникова, В. Г. Петухова. СПб., 2000.
6. Гамов Д. Ю. Установление принадлежности объекта к огнестрельному оружию и производство экспериментальных выстрелов: судебно-баллистическая методика. Киев: ГНИЭКЦ МВД Украины, 2005.

7. Карданов Р.Р. О повышении эффективности использования технико-криминалистических средств и методов при осмотре «криминальных схронов» в Северо-Кавказском федеральном округе // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2019. № 2 (47).
8. Каримов В.Х. Автоматизированные информационно-поисковые системы криминалистического назначения: современное состояние, тенденции и перспективы развития: монография / под ред. А.Ф. Вольнского. М.: Юрлитинформ, 2014.
9. Колотушкин С.М., Цуканов А.С. Обоснование методов маркировки гильз гражданского огнестрельного оружия в момент выстрела // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 4.
10. Корниенко Н.А. Российские и международные криминалистические учеты: монография. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004.
11. Криминалистическая регистрация: учеб. пособие / В.Г. Булгаров [и др.]. Волгоград: Волгогр. акад. МВД России, 2009.
12. Криминалистический словарь / Ф.-П. Адольф [и др.]; под ред. В. Бургхард [и др.]; пер. с нем. Р.С. Журавского. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрид. лит., 1993.
13. Кубанов В.В., Степанов В.В. Криминалистические учеты огнестрельного оружия и следов его применения: монография. М.: Юрлитинформ, 2008.

УДК 343.98

ЭЛЕКТРОННО-ЦИФРОВЫЕ СЛЕДЫ КАК ЭЛЕМЕНТ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Павел Александрович Жердев, доцент кафедры Дальневосточного юридического института МВД России, кандидат юридических наук

E-mail: pashkhv@yandex.ru

В статье анализируются позиции ученых-криминалистов относительно понятия, классификации и значения электронно-цифровых следов в системе криминалистической характеристики преступлений в сфере компьютерной информации. Автором даны рекомендации относительно методов персонификации преступников в Интернете и способов получения доказательственной информации с электронных носителей. На основании изложенного делается вывод о том, что электронно-цифровые следы занимают промежуточное положение между материальными и идеальными следами, так как представляют собой отдельную группу следов.

Ключевые слова: криминалистика; расследование преступлений; электронно-цифровой след; персонификация преступника; сетевые ресурсы.

ELECTRON-DIGITAL TRACES AS AN ELEMENT OF THE CRIMINALISTIC CHARACTERISTIC OF CRIMES IN THE FIELD OF COMPUTER INFORMATION

Pavel Aleksandrovich Zherdev, department associate professor of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, *kandidat nauk*, degree in Law

The article analyzes the positions of forensic scientists regarding the concept, classification and meaning of digital traces in the system of forensic characteristics of crimes in the field of computer information. The author provides recommendations on methods for personifying criminals on the Internet and ways to obtain evidence from electronic media. Based on the above, it is concluded that electronic-digital traces occupy an intermediate position between material and ideal ones, since they represent a separate group of traces.

Keywords: forensic science; crime investigation; digital trace; personification of a criminal; network resources.

Способы совершения отдельного преступления в сфере компьютерной информации определяют специфику механизма слеодообразования. Под *механизмом слеодообразования* понимается «специфическая конкретная форма протекания процесса, конечная фаза которого представляет собой образование следа-отражения» [1, с. 118]. Элементами слеодообразующего механизма являются преступное действие, совершаемое им воздействие на объекты окружающей обстановки и оставшиеся в результате такого воздействия следы.

Следы совершения преступления в сфере компьютерной информации редко остаются в виде изменений внешней среды. В основном они не рассматриваются современной трасологией, так как обычно носят информационный характер, то есть являются изменением в компьютерной информации, представляя форму ее модификации, копирования, уничтожения и блокирования.

Компьютерная информация, как правило, обезличена, то есть между ней и человеком, ее создавшим, нет прямой зависимой связи, позволяющей персонифицировать пользователя. Тем не менее, файл с электронной информацией в большинстве случаев содержит о себе метаданные, в которых может быть указан, помимо даты создания, изменения, и автор документа, однако эти данные невозможно достоверно проверить.

В криминалистической теории взгляды относительно понятия и названия подобных следов значительно различаются. Как в ранние периоды времени, так и в фарватере современных научных изысканий учеными-криминалистами упоминалось о следующих их видах:

- виртуальные, или бинарные;
- информационные, или цифровые;
- оптические, или кибернетические;
- электрические, или электромагнитные;
- компьютерно-технические, или электронно-цифровые.

В криминалистическом учении принято делить следы на две основные группы: *материальные*, то есть зафиксированные путем изменения внешней среды, и *идеальные* – оставшиеся в памяти людей (потерпевшего, преступника, свидетелей). Однако П. В. Мочагин предлагает к двум традиционным группам следов добавить еще одну – виртуальные следы, связанные с виртуально-информационной и технико-компьютерной сферами [11, с. 98]. В. А. Мещеряков трактует такие следы как любое изменение состояния автоматизированной информационной системы, связанное с событием преступления и зафиксированное в виде компьютерной информации [10, с. 25].

Данная позиция является неоднозначной, поскольку другие авторы не выделяют следы в сфере компьютерной информации в отдельную группу, аргументируя свою позицию тем, что это будет способствовать загромождению разработанных криминалистикой положений о рассматриваемых проблемах. Предлагается идентифицировать их в качестве материальных, но представляющих особую форму следов-отображений, зафиксированных на электронных цифровых носителях [6, с. 3]. Электромагнитные сигналы имеют материальную основу, но обладают отличительными признаками по сравнению с традиционными материальными объектами, так как не владеют рядом характеристик, например, объемом в единицах измерения, массой, цветом, запахом и т. д.

А. Б. Коновалова вслед за другими авторами предлагает терминологически обозначить такую категорию следов как «бинарные следы», отображающие результаты действий с двоичным кодом электронно-вычислительной машины [7, с. 113].

Электронно-цифровые следы имеют материально фиксированное выражение:

- IP-адрес и MAC-адрес компьютерной техники;
- ID-адрес устройства и социальной страницы в Интернете;
- IMEI идентификатор мобильного оборудования;
- ICCID – уникальный серийный номер sim-карты.

Эти данные позволяют с большой точностью персонифицировать пользователя в Интернете и идентифицировать используемую им компьютерную технику.

Однако дефиниция «виртуальные следы» уже вошла в обиход. Так, согласно проведенному О. Ю. Введенской исследованию, преступность в сфере компьютерной информации оставляет за собой виртуальные следы (в виде кэш-файлов, IP-адресов, журналов историй и т. п.) – по мнению 27 % правоохранителей; материальные следы – по мнению 24 %; идеальные следы (в виде показаний потерпевших, свидетелей, подозреваемых, обвиняемых) – по мнению 22 % опрошенных [4, с. 211].

Принимая во внимание вышеизложенное, целесообразно следы преступлений, совершаемых в сфере компьютерной информации, разделить на два типа: 1) традиционный тип – материальные, идеальные следы; 2) нетрадиционный тип – электронно-цифровые следы.

К *традиционным материальным следам* можно отнести следы на самой компьютерной технике: следы рук, микрообъекты на клавиатуре, распечатки документов, изготовленные с использованием средств компьютерной техники, записи с персонифицируемой информацией.

Традиционные идеальные следы представляют собой запечатление события преступления и элементов механизма его совершения в памяти и сознании человека. При этом учитываются субъективные факторы субъекта познания о свойствах объективной действительности, заимствованные из таких наук, как информатика, физика, математика. Такие следы обусловлены психофизиологическими процессами в организме человека и имеют вид мысленных образов о совершенном преступлении или его фрагментах [1, с. 199]. К таким следам можно отнести показания свидетелей (потерпевших), подозреваемых (обвиняемых), экспертов и других участников уголовного процесса.

Термин «*электронно-цифровые следы*» в лексиконе криминалистики появился сравнительно недавно [5, с. 83], а ведь появление новых объектов, средств и способов совершения преступлений в сфере информационных технологий требует своевременной реакции и выработки криминалистических рекомендаций со стороны ученых-криминалистов.

Указанные выше следы могут быть обнаружены в энергонезависимой памяти, в электронно-вычислительных машинах, в облачном хранилище, отображая при отождествлении с исходным кодом изменения, связанные с работой пользователя над компьютерной информацией. Речь идет о времени создания или изменения файла, его атрибутах, формате (расширении) и размере объема в случае модификации информации, хранящейся в базах данных, программах, файлах, учетных записях в сети Интернет и т. д., находящейся на флеш-картах и жестких дисках компьютеров.

К электронно-цифровым следам также относят файлы-компиляторы, вредоносные программы, которые возможно выявить путем сканирования программного обеспечения, протоколы работы исполняемых программ, рабочие записи программистов.

Помимо распространенных мест поиска следов преступления, которыми являются место нахождения преступника и место происшествия [9, с. 145], следы преступлений в виде компьютерной информации могут быть обнаружены при передаче по каналам связи либо в месте хранения и автоматизированной обработки с использованием вычислительных мощностей:

- рабочее место преступника (компьютерная техника, электронные носители информации, средства связи, записи на бумаге);
- файловая система (история браузера, файлы-cookie, скриншоты);
- сетевые ресурсы организации провайдера, предоставляющие телематические услуги в Интернете (сетевые службы, журнал событий безопасности, системный мониторинг, журналы подключений и сбоя работы, которые ведутся в формате log-файлов) [8, с. 91];
- каналы связи преступника (сетевой трафик, электронные идентификаторы пользователя в Интернете);

– легальные сетевые ресурсы, используемые в преступной деятельности (почтовые серверы, вычислительные мощности провайдеров хостинга, ресурсы провайдера по предоставлению доступа в Интернет и т. п.);

– информация, хранящаяся во всех видах электронно-вычислительной техники, поскольку искомые данные могут находиться в MP3-плеерах, диктофонах, цифровых фотоаппаратах, смартфонах, автомобильных регистраторах, системах видеорегистрации и т. д.;

– все типы энергонезависимых носителей информации (накопители на жестких магнитных дисках, флеш-накопители, zip-накопители и пр.);

– носители однократной и многократной записи (оптические диски CD-R, DVD-R, CD-RW, DVD-RW, Blu-ray Disc);

– сетевые устройства различных видов (сетевые карты, концентраторы, коммутаторы, маршрутизаторы, беспроводные сетевые адаптеры, точки беспроводного доступа и пр. Сетевое оборудование беспроводного доступа (Wi-Fi-роутер), так как при последующем исследовании протоколов работы (log-файлов) в сети будет указан MAC-адрес беспроводного сетевого оборудования;

– средства мобильной связи, sim-карты, базы от sim-карт (пластиковая рамка, из которой извлекается sim-карта перед установкой), договоры на подключение услуг подвижной и стационарной радиочастотной связи. Примечательно, что, как правило, при производстве обысков базы от sim-карт не изымаются, хотя на них содержится ICCID – уникальный серийный номер sim-карты, по которому можно идентифицировать ее абонентский номер. Средства мобильной связи следует перевести в авиарежим для исключения возможности их удаленного блокирования;

– документы, содержащие сведения, которые относятся к этапам подготовки, совершения и сокрытия преступлений в сфере компьютерной информации.

В случае выявления сетевых интернет-ресурсов, используемых для осуществления преступной деятельности, источниками криминалистически значимой информации являются:

провайдеры хостинговых услуг:

– журнальные файлы (log-файлы) подключений к арендуемому сетевому ресурсу;

– цифровые копии содержимого серверов или облачных хранилищ информации.

Изучение log-файлов подключений к серверу, использующемуся в криминальной деятельности, позволяет обнаружить сетевые адреса пользователей этого ресурса и принять меры к установлению их личности. Если реальный IP-адрес пользователя скрыт прокси-сервером, необходимо, при наличии возможности, повторить эту операцию и попытаться проследовать по их цепочке.

В ходе исследования копий содержимого серверов могут быть подтверждены факты их использования при совершении киберпреступлений, обнаружены экземпляры распространяемых вредоносных программ, выявлены сетевые реквизиты пользователей – имена учетных записей и IP-адреса подключений, а также адреса других серверов сетевой инфраструктуры;

провайдеры доступа в сеть Интернет:

– журнальные файлы доступа в сеть Интернет;

– статистические данные учета сетевого трафика.

Log-файлы и статистические данные учета сетевого трафика, собираемые интернет-провайдером, содержат сведения о сетевой активности пользователей конечных устройств, которыми могут быть как преступники, так и потерпевшие в результате их деятельности. В любом случае информация может представлять интерес для следствия и использована для выявления сетевых адресов, с которыми конечные устройства взаимодействовали (серверы управления и распространения вредоносных программ, отзывы и статьи на форумах криминальной направленности, виртуальные обменные и платежные сервисы и т. п.) [12, с. 44].

Если конкретизировать классификацию электронно-цифровых следов, то при выявлении преступлений в сфере информационных технологий основной объем необходимых действий правоохранительных органов сводится к установлению сведений от оператора связи, оказывающего телематические услуги, а также к выяснению конкретного пользователя путем соотнесения полученных сведений. Указанную информацию об электронно-цифровых следах можно получить путем установления:

– регистрационных данных по IP-адресу, с которого были осуществлены преступные действия;

- сведений об отправителе электронного письма;
- сведений о владельце электронного почтового ящика;
- информации о владельце интернет-сайта или пользователе социальной сети;
- сведений о владельце электронного кошелька (счета);
- данных средств вычислительной техники по MAC-адресу.

IP-адрес – это универсальный идентификатор средства компьютерной техники в сети. По своим функциям IP-адрес можно сравнить с почтовым адресом. Различают статические и динамические IP-адреса. Статический – постоянный адрес, который каждый раз присваивается определенному пользователю – владельцу адреса, он обеспечивает повышенную надежность авторизации. Динамический IP-адрес присваивается каждому подключаемому к Интернету сетевому устройству, если ему не присвоен статический IP.

Мобильные операторы присваивают IP-адрес по абонентскому номеру. Каждому оператору связи Роскомнадзор определяет свой диапазон IP-адресов.

Для определения принадлежности IP-адреса конкретному оператору необходимо использовать глобальный справочный интернет-сервис Whois (например, <https://speed-tester.info>), предоставляющий информацию о регистрационных данных владельцев IP-адресов и доменных имен.

На странице сервиса определения IP-адреса следует заполнить графу «Узнать чужой IP». В итоге будут представлены сведения об операторе связи, стране, регионе, городе нахождения.

IP-адрес может быть определен по данным электронного письма, которое содержит информацию о маршруте следования в процессе отправки получения (RFC-заголовок, свойство письма). При этом, как правило, по умолчанию данная информация у получателя не отображается. Анализ информации о движении электронного письма позволяет получить сведения об IP-адресе электронно-вычислительной машины, с которого письмо было отправлено, и реальный электронный почтовый ящик. В ряде случаев при получении письма в поле «От кого» может быть указан произвольный электронный почтовый ящик, в том числе не принадлежащий преступнику.

В зависимости от используемой программы почтового клиента необходимо ознакомиться со свойствами электронного письма и в командной панели выбрать заголовок «Отображение свойств письма».

Расположение строки в меню для некоторых популярных почтовых клиентов, используемых в Российской Федерации:

- 1) mail.ru – «Служебные заголовки»;
- 2) yandex.ru – «Свойство письма»;
- 3) gmail.com – «Показать оригинал»;
- 4) mozilla – «Показать исходник».

Процесс получения регистрационных данных и информации о соединениях по установленному IP-адресу описан выше.

В целях установления владельца электронного почтового ящика необходимо исследовать название доменного имени: `aaa@uuu.ru`, где `aaa` – имя пользователя (логин), `uuu` – адрес сервиса электронной почты (например, `mail.ru`). Задача органов предварительного расследования заключается в установлении:

- принадлежности электронного почтового ящика к конкретному сервису электронной почты;
- регистрационных данных и активности электронного почтового ящика;
- информации пользователя по IP-адресу.

Наиболее популярные сервисы электронной почты

№	Компания	E-mail	Юридический адрес
1.	ООО «МЭЙЛ.РУ ГРУП»	@mail.ru; @inbox.ru; @bk.ru; @list.ru	125167, Москва, Ленинградский проспект, д. 39, стр. 79
2.	ООО «Яндекс»	@yandex.ru	119021, Москва, ул. Льва Толстого, 16
3.	ООО «Рамблер Интернет Холдинг»	@rambler.ru; @lenta.ru	115280, Москва, Ленинградская слобода, д. 26, стр. 1

Сведения о регистрации и администрировании почтовых ящиков @google.com, @gmail.com, @yahoo.com (и прочих) находятся на оборудовании организаций, осуществляющих свою деятельность за пределами Российской Федерации. Получить вышеуказанные сведения возможно только посредством направления запроса о правовой помощи, при взаимодействии с Национальным центральным бюро МВД России в регионе.

Для идентификации средств вычислительной техники по MAC-адресу заводом-изготовителем в каждой сетевой карте электронно-вычислительной машины (ноутбук, планшет, смартфон) присваивается уникальный идентификационный номер (MAC-адрес, физический адрес). Он имеет примерно следующий вид: 00-04-5D-F4-AY-G5.

С целью розыска похищенной компьютерной техники и предполагаемого преступника необходимо:

1) выяснить MAC-адрес похищенного компьютера (необходимые сведения уточняются в документах, чеках на приобретенный товар, либо направляется соответствующий запрос интернет-провайдеру, где был подключен компьютер);

2) направить соответствующие запросы операторам связи страны, если имеются подозрения его использования на территории Российской Федерации), с целью установления возможных фактов активации оборудования в их сетях.

MAC-адрес сетевого адаптера электронно-вычислительной машины передается оператору связи только при непосредственном подключении компьютера к его оборудованию. Если для подключения электронно-вычислительной машины используется промежуточное оборудование (например, ADSL-модем, WiFi-маршрутизатор, USB-модем), то MAC-адрес компьютерной техники оператору не передается. Кроме того, значение MAC-адреса может принудительно изменяться на произвольное число самим пользователем, что предусмотрено настройкой соответствующих параметров в операционной системе.

Если на похищенном компьютере при его включении автоматически при открытии браузера запускается почтовый ящик потерпевшего либо сохранены в настройках веб-обозревателя пароли от социальных сетей, то необходимо сделать соответствующие запросы для получения информации по электронному почтовому ящику, персональной странице, электронному кошельку, с последующим направлением запроса по полученным IP-адресам. При этом необходимо запретить владельцу самому их посещать до получения ответов.

Большое значение имеет безотлагательность данных мероприятий, что обусловлено свойствами компьютерной информации. Целесообразно их проведение на этапе выявления факта интернет-преступления, в рамках оперативно-розыскной деятельности, а также в рамках поисковых мероприятий, оперативного сопровождения предварительного расследования.

С идентификацией пользователей мобильного Интернета вопрос не очень сложен. Поскольку IP-адрес привязан к номеру мобильного телефона, который зарегистрирован на конкретного пользователя, то действия должны быть направлены на отработку причастности к совершенному преступлению владельца sim-карты, а также на установление лиц, имеющих возможность ею воспользоваться.

С персонализацией же иных пользователей сети Интернет вопрос гораздо сложнее. Даже установление владельца IP-адреса не позволит сделать вывод о его виновности. В настоящее время нет ни одного эффективного способа отождествления конкретного пользователя сети Интернет. Необходимо отметить, что работа для нахождения такого способа проводится как на законодательном, так и на организационном уровнях путем внесения всевозможных предложений. Однако сложившаяся ситуация показывает, что она малоэффективна. Сегодня установление личности интернет-преступника возможно лишь путем грамотного и безотлагательного проведения оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий [3, с. 22].

Подчеркивая информационную сущность материальных следов, необходимо отметить, что нельзя преуменьшать роль традиционных криминалистических следов (о внешнем облике человека), ведь они также несут в себе информацию о совершенном деянии. В записях камер наружного видеонаблюдения, установленных в общественных местах, может отобразиться событие преступления, обстоятельства его совершения, очевидцы, а также внешний облик преступника, использовавшего компьютерную технику [2, с. 50].

Таким образом, можно сделать вывод:

1. Совершение преступлений в сфере информационных технологий способствует выделению отдельной группы следов, отличных по своим признакам от традиционных материальных и идеальных. Можно заключить, что электронно-цифровые следы занимают промежуточное положение между материальными и идеальными следами.

2. К сведениям, подлежащих установлению, следует относить данные:

- об абоненте с указанием его установочных данных;
- о номере и дате заключенного договора об оказании телематических услуг с приложением заверенной копии договора;
- протоколов работы в сети Интернет (log-файлы),
- об IP-адресах, с которых осуществлялось создание и администрирование аккаунта;
- об абонентах, которым в указанный момент времени выдавался установленный IP-адрес;
- о MAC-адресах как самой компьютерной техники, так и сетевого оборудования, с использованием которых осуществлялся доступ к Интернету.

3. Необходимо сформировать и направить запросы о предоставлении сведений, не являющихся информацией ограниченного доступа. В этих целях уместно запрашивать следующую информацию:

- сведения о дате, времени заведения и пользователях электронных почтовых ящиков;
- сведения, указанные при регистрации электронного ресурса;
- сведения об IP-адресах, с которых проводились регистрация и доступ к услугам хостинга;
- о дате и времени создания электронного кошелька, об IP-адресах (с указанием точной даты и времени), с которых осуществлялись регистрация, доступ и администрирование кошелька;
- о месте расположения офиса обслуживания и продаж sim-карт.

4. При установлении факта наличия видеозаписи в местах расположения компьютерного оборудования, при помощи которого было совершено преступление (банкоматы, POS-терминалы торгового оборудования, терминалы самообслуживания), либо места свободного доступа к открытой сети Wi-Fi (помещения торговых центров, мест общепита, транспорт и пр.), необходимо произвести ее изъятие в ходе выемки. Если установлено, что подлежащие изъятию объекты, в том числе и являющиеся орудием преступления, могут содержать конфи-

денциальную или иную охраняемую федеральным законом тайну (например, системный блок персонального компьютера, с которого осуществлялся неправомерный доступ, находится в государственном учреждении и используется в его основной деятельности), то производство выемки должно осуществляться на основании судебного решения.

Литература

1. Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия. 2-е изд., доп. М.: Мегатрон XXI, 2000.
2. Бессонов А. А. О некоторых возможностях современной криминалистики в работе с электронными следами // Вестник университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 3 (55).
3. Брылев В. И., Введенская О. Ю., Пахомов С. В. Интернет-преступления в России: особенности выявления и расследования на первоначальном этапе: учеб. пособие. Краснодар: Краснодарский ун-т МВД России, 2016.
4. Введенская О. Ю. Особенности следообразования при совершении преступлений посредством сети Интернет // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 4 (34).
5. Вехов В. Б. Основы криминалистического учения об исследовании и использовании компьютерной информации и средств ее обработки: монография. Волгоград: Волгогр. акад. МВД России, 2008.
6. Гаврилин Ю. В. Особенности следообразования при совершении мошенничеств в сфере компьютерной информации // Российский следователь. 2013. № 23.
7. Коновалова А. Б. К вопросу о тактико-процессуальных основах установления следов преступления в высокотехнологичной сфере // Наука и образование: тенденции и перспективы. 2016. № 1 (3).
8. Лазаренко О. Н. Некоторые тактические особенности расследования преступлений, совершенных дистанционным способом с использованием информационно-телекоммуникационных сетей // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2019. № 3.
9. Мерецкий Н. Е., Жердев П. А. Некоторые особенности хищений денежных средств со счетов граждан при использовании услуги «мобильный банк» // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2017. № 3.
10. Мещеряков В. А. Основы методики расследования преступлений в сфере компьютерной информации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2001.
11. Мочагин П. В. Новые формы следообразований в криминалистике и судебной экспертизе // Судебная экспертиза в парадигме российской науки (к 85-летию Ю. Г. Корухова): сб. мат-лов 54-х криминалист. чтений: в 2 ч. М.: Акад. управления МВД России, 2013. Ч. 2.
12. Смушкин А. Б. Виртуальные следы в криминалистике // Законность. 2012. № 8.

УДК 343.9

СУДЕБНО-БУХГАЛТЕРСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА КАК РАЗНОВИДНОСТЬ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ, ИСПОЛЬЗУЕМЫХ В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ, СОВЕРШАЕМЫХ НА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОМ ТРАНСПОРТЕ

Евгений Владимирович Чиненов, начальник кафедры, кандидат экономических наук, доцент;

Владимир Иванович Щукин, профессор кафедры, кандидат юридических наук, доцент (Белгородский юридический институт МВД России им. И. Д. Путилина)

E-mail: chinovvevg@yandex.ru

schukin56@yandex.ru

В статье рассмотрены вопросы судебно-бухгалтерской экспертизы как одной из основных форм специальных знаний, используемых в расследовании преступлений в сфере экономики, совершаемых на железнодорожном транспорте. Обозначены некоторые проблемы, связанные с проведением судебно-бухгалтерских экспертиз.

Ключевые слова: специальные знания; судебно-бухгалтерская экспертиза; преступления в сфере экономики; железнодорожный транспорт.

FORENSIC ACCOUNTING EXPERTISE AS A KIND OF SPECIAL KNOWLEDGE USED IN THE INVESTIGATION OF ECONOMIC CRIMES COMMITTED ON THE RAILWAY TRANSPORT

Evgeniy Vladimirovich Chinenov, head of the Department, *kandidat nauk*, degree in Economic, Associate Professor;

Vladimir Ivanovich Schukin, professor of the Department, *kandidat nauk*, degree in Law, Associate Professor
(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

The article deals with the issues of forensic accounting expertise as one of the main forms of special knowledge used in the investigation of economic crimes committed on railway transport. Some problems associated with conducting forensic accounting examinations are identified.

Keywords: special knowledge; forensic accounting expertise; crimes in the sphere of economy; railway transport.

Расследование экономических преступлений – достаточно сложный и трудоемкий процесс, включающий поисково-познавательную деятельность по распознаванию противоправных деяний, следов, документов, цифровой информации, их оценке, в ходе которой знания сведущих лиц оказывают существенную помощь в доказывании [15, с. 121]. Эффективность расследования таких преступлений непосредственным образом зависит от особенностей организации проводимых процессуальных, следственных действий, оперативно-розыскных мероприятий, от применения специальных знаний в различных формах. Достоинство специальных знаний, по мнению В. Н. Махова, заключается в том, что они, по сути, открывают неограниченные возможности использования при расследовании преступлений достижений науки и техники [16, с. 9].

Особенности доказывания по уголовным делам о преступлениях, совершающихся в конкретных сферах экономики, заключаются в необходимости использования знаний из различных экономических и технических научных областей [4, с. 122]. Наиболее выражено это в сфере железнодорожного транспорта, где производство, экономика и учетная деятельность имеют характерную, выраженную специфику. Это оказывает непосредственное влияние на характер специальных знаний, используемых в раскрытии и расследовании совершенных в данной сфере экономических преступлений. В их числе наряду со знаниями технологии отраслевых производственных процессов выделяются знания экономики железнодорожного транспорта, учета, анализа, статистики, контроля, ревизии, аудита [6, с. 137; 18, с. 234; 23, с. 144].

Анализ результатов интервьюирования следователей, сотрудников экспертно-криминалистических и оперативно-экономических подразделений органов внутренних дел на транспорте свидетельствует о том, что роль сведущих лиц, привлекаемых к доказыванию при расследовании соответствующих преступлений, с каждым годом повышается. Это обусловлено тем, что в следственной практике объективно отражаются процессы, происходящие в обществе, экономике, характер отрасли экономики, влияние на них достижений научно-технического прогресса, информатизация, цифровизация. В таких условиях деятельность правоохранительных органов на транспорте по привлечению сведущих лиц не всегда соответствует реальным потребностям, а в ряде случаев и возможностям, установленным законом. Такое положение диктует необходимость проведения комплексных исследований, направленных на теоретическое осмысление проблематики участия сведущих лиц в доказывании по уголовным делам

экономической направленности на транспорте и формулирование рекомендаций, направленных на совершенствование форм и видов используемых специальных знаний.

В раскрытии и расследовании преступлений в сфере экономики, совершаемых на железнодорожном транспорте, специальные знания применяются достаточно широко. Они используются в рамках получения консультативной помощи, в ходе проведения следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, в процессе осуществления документальных и фактических проверок, исследований объектов и предметов, ревизий, судебных экспертиз.

Особый вклад в изучение проблем правового института сведущих лиц внесли такие ученые, как Т.В. Аверьянова, В.Д. Арсеньев, Р.С. Белкин, Н.А. Громов, И.М. Гуткин, А.В. Дулов, А.А. Закатов, А.М. Ларин, В.Н. Махов, Г.М. Миньковский, Н.П. Майлис, И.Л. Петрухин, Р.Д. Рахунов, Е.Р. Россинская, М.С. Строгович, М.П. Шаламов, В.В. Шадрин, С.А. Шейфер, А.Р. Шляхов, и другие. Их труды сформировали теоретическую базу для разработок в области участия сведущих лиц в уголовном судопроизводстве.

Вопросам использования специальных экономических знаний в раскрытии и расследовании преступлений посвящены исследования Н.Т. Белухи, А.Ф. Волынского, С.П. Голубятникова, Е.С. Дубоносова, С.Г. Еремина, С.Ф. Иванова, А.П. Климович, Е.С. Лехановой, В.А. Прорвича, В.Г. Танасевича, В.А. Тимченко, С.П. Фортинского, А.Г. Шапира, Г.М. Шумака и других ученых. Работы указанных авторов являются основой научного и практического обобщения опыта применяемых средств и методов получения, исследования и оценки доказательств экономических преступлений.

В то же время разработка ряда концептуальных и прикладных основ данного института еще не завершена. Остаются дискуссионными вопросы правового статуса лиц, обладающих специальными знаниями, механизма обеспечения их прав и реализации обязанностей [7]. Ведется работа по совершенствованию методического обеспечения экспертной экономической деятельности [21, с. 90–95]. В полной мере указанное относится к формированию методического инструментария использования специальных знаний в специфической области расследования экономических преступлений – в сфере железнодорожного транспорта. Эффективность применения указанных знаний требует от субъекта расследования наличия ясных представлений о реальных возможностях соответствующих специалистов, формах применяемых специальных знаний, их сущности, о границах, разделяющих их виды, о характере использования в организации следственной, экспертно-криминалистической и оперативной деятельности органов внутренних дел на транспорте [14, с. 234–237].

Расширение познавательных возможностей следователя достигается посредством судебно-экономической экспертизы, результаты которой являются доказательством по делу [17, с. 139]. Экспертные исследования рода судебно-экономических экспертиз являются одним из важнейших процессуальных институтов, нацеленных на получение доказательств при раскрытии и расследовании экономических преступлений. [3, с. 62]. Тенденции роста их количества в 2017–2019 гг. по уголовным делам о преступлениях в экономической сфере свидетельствуют о несомненной важности экспертных экономических исследований в формировании доказательственной базы. В связи с этим примечательно мнение А.П. Климович, которая отмечает, что повышение качества расследования напрямую зависит от использования различных форм специальных экономических знаний, среди которых особая роль принадлежит судебным экономическим экспертизам [10].

Судебно-экономические экспертные исследования обеспечивают всестороннее и объективное расследование значительной части преступлений, посягающих на экономические отношения и совершающихся в сфере профессиональной деятельности субъектов экономической деятельности. Ученые и практики отмечают, что преступники используют все более изощренные способы совершения и сокрытия таких преступлений, в связи с этим, усложняются задачи, решаемые следователем и экспертом-экономистом [13]. Отмеченное актуали-

зирует проблему теоретического исследования сферы судебных экономических экспертиз для выработки направлений совершенствования существующей практики их использования в расследовании преступлений в различных сферах экономики, включая и железнодорожный транспорт [10, с. 5].

Изучение практики органов внутренних дел на транспорте по расследованию экономических преступлений на примере деятельности УТ МВД России по СЗФО позволяет получить представление о характере использования специальных знаний. Так, в 2018 г. было возбуждено 843 уголовных дела экономической направленности; сотрудниками экспертно-криминалистических подразделений было проведено 17 осмотров мест происшествий, осуществлено 117 экспертиз; 43 экспертизы были выполнены подразделениями экспертных учреждений иных министерств и ведомств, 1 – экспертно-криминалистическими подразделениями СК РФ. В период с 2013 по 2018 г. в структуре экономических экспертных исследований удельный вес судебно-бухгалтерских экспертиз составлял 95 %, финансово-аналитических – 1,5 %, финансово-кредитных – 3,5 %; наряду с экономическими проводились строительные, товароведческие, фотоскопические, почерковедческие, компьютерные экспертизы.

Сложившаяся практика свидетельствует о том, что следователи не в полной мере используют возможности назначения комплексных экспертиз. Об эффективности комплексных экспертиз в условиях существования единого объекта исследования, которым в расследовании экономических преступлений выступают учетные и иные документы, писали Р. С. Белкин, Ю. Г. Корухов, В. И. Шиканов [1; 12; 25]. Такое положение дел обусловлено сложностью в организации данного вида исследований, недостаточностью взаимного проникновения специальных знаний, включая знания из сферы железнодорожного транспорта. Отмечается также острая нехватка экспертов-экономистов со знаниями железнодорожной специфики. По мнению И. А. Петрухина, комплексная экспертиза представляет собой интеграционное исследование, проводимое для решения смежных сложных задач различных родов экспертиз в различных областях человеческой деятельности [20]. В связи с этим считаем, что на транспорте эксперту-экономисту желательно обладать знаниями не только в экономике, учете, финансах, но также в сфере железнодорожного транспортного производства, что, несомненно, будет способствовать повышению эффективности решаемых пограничных вопросов. Так, например, бухгалтерский учет в настоящее время носит автоматизированный характер, а экономическая информация в большей степени представляется в электронном виде. С целью установления фактов, имеющих доказательственное значение при расследовании отдельных преступлений, совершаемых в сфере экономической деятельности, целесообразны экономико-бухгалтерские, бухгалтерско-компьютерные экспертизы, в которых бухгалтерские, экономические и компьютерные знания исследуют на основе интеграции в единый объект и разрешают сложную экспертную задачу [5, с. 98].

Наиболее распространенным видом судебно-экономических экспертных исследований в практике расследования экономических преступлений была и остается судебно-бухгалтерская экспертиза. Экономические преступления в большинстве своем совершаются путем противоправного внедрения в хозяйственную деятельность предприятий, учреждений. Следовательно, сталкиваясь с необходимостью исследования каких-либо хозяйственных операций, экономических показателей, возлагает разрешение возникающих вопросов на эксперта-бухгалтера, обладающего специальными знаниями в бухгалтерском учете, анализе и ревизии. На основе изучения дифференцированных показателей данных бухгалтерского учета эксперт решает вопросы, связанные с определением механизма экономического преступления, устанавливает причиненный деянием ущерб. Таким образом, роль судебно-бухгалтерской экспертизы в системе специальных знаний трудно переоценить.

Бухгалтерская экспертиза анализирует хозяйственную деятельность предприятий, организаций, учреждений, зафиксированную в соответствующих учетных документах; пред-

полагает использование для этих целей специальных знаний в области бухгалтерского учета, основанных на применении методов исследования отдельного документа по формальным, нормативным, арифметическим основаниям, а также сопоставления информации, содержащейся в нескольких документах, путем выполнения встречных проверок, взаимного контроля, хронологического, сравнительного анализа, контрольного сличения остатков и пр.

Судебно-бухгалтерскую экспертизу можно определить как совокупность выполняемых экспертом-бухгалтером процедур по исследованию хозяйственных операций, бухгалтерских документов, отчетности – от первичных документов до отчетности – по заданию следственных и оперативных органов, суда. Общим объектом данной экспертизы выступает служебная деятельность должностных лиц, связанная с управлением вверенными им имуществом, материальными ценностями, денежными средствами, ценными бумагами и нашедшая отражение в документах учета [2; 19; 22].

Начало исследования проблематики судебно-бухгалтерской экспертизы было положено С. Ф. Ивановым в 1913 г. [9]. Исследования теоретических, организационных и методических вопросов назначения и производства судебно-бухгалтерской экспертизы проводятся до настоящего времени. В частности, отдельные вопросы нашли свое отражение в работах А. И. Винберга, Ш. И. Алибекова, А. А. Белова, Л. И. Георгиева, С. А. Звягина, Ж. А. Кеворкова, П. С. Кричевского, М. Г. Нерсесян, С. С. Остроумова, И. Е. Стрыгиной, В. Г. Танасевича, С. П. Фортинского, В. А. Хмельницкого, С. Г. Чаадаева и других авторов. Однако следует отметить, что существующие концептуальные подходы и методические системы не всегда позволяют качественно и своевременно организовывать, назначать, проводить и оценивать судебно-бухгалтерские экспертизы [8, с. 54–59; 11, с. 287–295; 24, с. 15–18].

В расследовании экономических преступлений на объектах железнодорожного транспорта использование специальных знаний в целом и осуществление судебно-бухгалтерской экспертизы в частности обладает рядом особенностей. Их характер обусловлен сложностью задач, возникающих в ходе раскрытия и расследования таких преступлений, спецификой взаимодействия следователя с сотрудниками оперативных подразделений и экспертом.

Объекты судебно-бухгалтерской экспертизы в сфере железнодорожного транспорта специфичны. Они характеризуются многообразием первичных документов, учетных регистров, высокой степенью детализации информации, особым построением отраслевого учета, наличием ведомственного бухгалтерского программного обеспечения. Вышеперечисленное усложняет сбор информации, выборку необходимой документации, методику экспертного исследования.

Имеет выраженную особенность и характер взаимодействия между участниками расследования. Это касается взаимодействия следователя с экспертом на стадии подготовки материалов для производства судебных экспертиз. Практика органов внутренних дел на транспорте свидетельствует, что эксперты-бухгалтеры наиболее тесно взаимодействуют со следователями, а сотрудники оперативно-экономических подразделений – с ревизорским составом. Однако в части взаимодействия в ходе анкетирования сотрудников экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел на транспорте выявлены некоторые проблемы.

Так, в большинстве случаев оперативные сотрудники, следователи самостоятельно, без консультаций с экспертами, изымают документацию. В связи с этим в ряде случаев количество и содержание изъятых документов не позволяют эксперту ответить на поставленные следователем вопросы. Отсутствие автоматизированного рабочего места эксперта-бухгалтера обуславливает существование проблем нормативного и методического обеспечения экспертного исследования. В настоящее время для этих целей используется сеть Интернет, компьютерные справочные правовые системы, что сказывается на сроках экспертных исследований. Средний срок бухгалтерской экспертизы составляет 18 дней, а максимальный – до 56 дней. Причинами

продолжительности экспертиз являются характер экспертизы, а также неполнота объектов экспертных исследований, передаваемых следователем. Установлено, что по значительному количеству бухгалтерских экспертиз сроки их производства превышают допустимые уголовно-процессуальным законодательством.

Также эксперты-бухгалтеры выделяют ряд проблем, сказывающихся на эффективности экспертных исследований:

- неполнота исследований, проводимых ревизорами;
- недостаточность справочно-консультационной помощи, инициируемой следователями при подготовке объектов экспертного исследования;
- поступление материалов на исследование на поздних сроках расследования уголовных дел ввиду частой смены следователей;
- сложности производства экспертиз, обусловленные «нестандартностью» объектов экономических исследований (документы неофициального бухгалтерского учета);
- представляемые документы на электронных носителях требуют участия эксперта в сфере компьютерных технологий;
- недостаток численности экспертов-бухгалтеров на тот объем исследований, который проводится по расследуемым уголовным делам;
- не всегда соблюдаются требования, предъявляемые к вопросам судебно-бухгалтерской экспертизы.

В статье обозначены только некоторые проблемы, связанные с проведением судебно-бухгалтерской экспертизы при расследовании экономических преступлений в сфере железнодорожного транспорта. Их разрешение требует проведения исследований в этой области и выработки эффективных рекомендаций.

Литература

1. Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия. М., 1997.
2. Белов А. А., Белов А. Н. Судебно-бухгалтерская экспертиза. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Кн. мир, 2004.
3. Волинский А. Ф., Прорвич В. А., Расторопов С. В. Судебно-экономическая экспертиза в расследовании экономических преступлений // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2011. № 4.
4. Голубятников С. П., Шумак Г. А. Проблемы адаптации положений экономических наук к задачам выявления и расследования преступлений // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 2 (34).
5. Евстратова Ю. А. Комплексная экспертиза: проблемы содержания понятия // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 2 (78).
6. Егоров Н. Н. О допустимости использования специальных знаний // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2017. № 4 (41).
7. Зайцева Е. А., Чипура Д. П. Использование специальных экономических знаний в досудебном производстве по уголовным делам: монография. Волгоград: Волгогр. акад. МВД России, 2007.
8. Закатов А. А., Еремин С. Г., Резван А. П. Методы судебно-бухгалтерской экспертизы при исследовании признаков преступных финансово-хозяйственных операций, отраженных в компьютерной информации // Судебная экспертиза. 2012. № 1 (29).
9. Иванов С. Ф. Бухгалтерская экспертиза в судебном процессе: пособие для юристов и бухгалтеров-экспертов / предисл. В. К. Случевского. СПб.: Изд. кн. скл. «Коммерч. лит.», 1913.
10. Климович Л. П. Научные основы современной судебной экономической экспертизы: монография. М.: Проспект, 2014.
11. Климович Л. П. О методах судебных экономических экспертиз // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2018. № 3 (38).
12. Корухов Ю. Г. Теоретический, методический и процессуальный аспекты комплексных экспертиз и комплексных исследований // Проблемы организации и проведения комплексных экспертных исследований: мат-лы всесоюз. науч.-практ. конф. М., 1997.
13. Кузнецов А. В., Мерецкий Н. Е., Пудовиков А. С. Организационно-тактические аспекты назначения экспертизы, выполняемых в государственных судебно-экспертных учреждениях: учеб. пособие. М.: Научный консультант, 2019.
14. Леханова Е. С. Некоторые проблемы применения судебно-экономических знаний в уголовном процессе // Пробелы в российском законодательстве. 2009. № 4.

15. Майлис Н. П. Использование специальных знаний в процессе организации расследования преступлений // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 11.
16. Махов В. Н. Использование знаний сведущих лиц при расследовании преступлений: монография. М.: Изд-во РУДН, 2000.
17. Мерецкий Н. Е. Использование специальных знаний при производстве судебных экспертиз // Публичное и частное право. 2010. № 3 (7).
18. Мерецкий Н. Е., Родина О. М. Особенности расследования преступлений на железнодорожном транспорте в условиях Дальнего Востока // Современные проблемы развития образования и права: сб. мат-лов всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию ДВГУПС / под общ. ред. С. Е. Туркулец и Е. В. Листопадовой. Хабаровск: ДВГУПС, 2017.
19. Нелезина Е. П. Судебно-бухгалтерская экспертиза: учеб. пособие. М.: Юнити-Дана, 2012.
20. Петрухин И. Л. Экспертиза как средство доказывания в советском уголовном процессе. М.: Юрид. лит., 1964.
21. Прорвич В. А. Роль экономико-математических моделей и современных информационных технологий в методическом обеспечении судебно-экономических экспертиз // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 4.
22. Россинская Е. Р., Эриашвили Н. Д., Кеворкова Ж. А. Судебно-бухгалтерская экспертиза: учеб. пособие. М.: Юнити-Дана, 2012.
23. Чиненов Е. В., Щукин В. И. Использование специальных знаний при раскрытии и расследовании экономических преступлений, совершаемых на объектах железнодорожного транспорта // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2018. № 2 (85).
24. Шапиро Л. Г. Ситуационный подход к использованию специальных знаний при расследовании преступлений в сфере экономической деятельности // Эксперт-криминалист. 2013. № 3.
25. Шиканов В. И. Комплексная экспертиза в советском уголовном процессе: некоторые вопросы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1968.

УДК 343.98

ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ТАКТИЧЕСКИХ ОПЕРАЦИЙ ПО ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СВЯЗАННЫХ С ОРГАНИЗОВАННЫМИ И ОРГАНИЗОВАННО-КОРРУМПИРОВАННЫМИ ТИПАМИ МОШЕННИЧЕСТВА ПРИ ПОЛУЧЕНИИ ВЫПЛАТ

Юрий Петрович Гармаев, профессор кафедры Красноярского государственного аграрного университета, доктор юридических наук, профессор

E-mail: garmaeff1@mail.ru

Статья посвящена вопросам проведения тактических операций на основе оперативно-розыскных мероприятий «проверочная закупка» и «оперативный эксперимент» в целях выявления и расследования организованных и организованно-коррупционных типов преступлений, связанных с мошенничеством при получении выплат. Доказывается, что такие преступления необходимо выявлять инициативно, с применением принципа наступательности. Но при этом оперативные сотрудники не должны допускать провокационно-подстрекательских действий, для чего предлагаются соответствующие правила проведения тактических операций.

Ключевые слова: тактические операции; оперативно-розыскные мероприятия; мошенничество при получении выплат; наступательность расследования; провокационно-подстрекательская деятельность; раскрытие и расследование преступлений.

FEATURES OF CONDUCTING TACTICAL OPERATIONS IN CASES OF CRIMES RELATED TO ORGANIZED AND ORDERLY-CORRUPT TYPES OF FRAUD IN OBTAINING BENEFITS

Yury Petrovich Garmaev, professor of the Department of the Krasnoyarsk State Agrarian University, Doctor of Law, Professor

The article is devoted to the issues of conducting tactical operations on the basis of operational-search measures «test purchase» and «operational experiment» in order to identify and investigate organized and organized corruption types of crimes related to fraud in receiving payments. It is proved that such crimes must be detected proactively, using the principle of offensiveness. But at the same time, operational officers should not allow provocative-inflammatory actions, for which the corresponding rules for conducting tactical operations are proposed.

Keywords: tactical operations; operational-search measures; fraud in receipt of payments; offensive investigation; provocative inflammatory activities; disclosure and investigation of crimes.

По данным специального исследования [14; 15], в стране ежегодно регистрируется около 8 тыс. преступлений, предусмотренных ст. 159.2 УК РФ «Мошенничество при получении выплат» (в 2013 г. – 9874, в 2014 г. – 8390, в 2015 г. – 7390, в 2016 г. – 7472, в 2017 г. – 6877 преступных посягательств).

Как представляется, снижение числа регистрируемых преступлений вряд ли указывает только на эффективность работы правоохранительных органов или на уменьшение объективных показателей преступности. Вместе с тем подавляющее большинство лиц привлечены к уголовной ответственности по основному, наименее тяжкому составу преступления, то есть по ч. 1 ст. 159.2 УК РФ. Так, в 2017 г. количество осужденных по ч. 1 ст. 159.2 УК РФ составило 1153 чел., по ч. 2 – 80 чел., по ч. 3 – 828 чел., по ч. 4 – 249 чел.

Эти данные свидетельствуют о том, что правоохранительными органами выявляются и раскрываются в основном мелкие, «бытовые» мошенничества, совершенные непрофессиональными преступниками-одиночками. Крайне редко раскрываются самые опасные посягательства – совершаемые в составе организованных преступных групп и сообществ (ОПГ и ОПС), связанных с коррупцией. При этом уголовные дела по таким преступлениям далеко не всегда «доходят» до суда. Прежде всего это указывает на недостатки в выявлении и раскрытии преступлений, в проведении оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ) по признакам организованных и коррупционных преступлений, связанных с мошенничеством при получении выплат (о криминалистической характеристике и типологии данных преступлений см. [15, с. 43–59]).

Следует отметить, что мировая практика борьбы с организованной и коррупционной преступностью придает ключевое значение оперативно-розыскной деятельности, когда самым эффективным является «негласное, секретное расследование» [13, с. 275].

Между тем в ходе исследования нам не удалось найти уголовные дела, где до их возбуждения с целью изобличения организованных преступных формирований, специализирующихся на мошеннических аферах с социальными выплатами, проводились бы ОРМ «проверочная закупка» или «оперативный эксперимент», «оперативное внедрение». Не припомнили таких примеров и опрошенные респонденты (нами было опрошено 25 сотрудников органов внутренних дел, имеющих стаж оперативной и следственной работы не менее 5 лет на должностях младшего и старшего начальствующего состава в подразделениях ОВД по экономической безопасности и противодействию коррупции Следственного департамента МВД России). Это, безусловно, не говорит об отсутствии такой практики. Такие примеры, безусловно, должны иметь место, хотя теперь уже очевидно, что они немногочисленны.

Как уже отмечалось в литературе, между появлением практической потребности и созданием криминалистической методики (научного результата) происходит некое диалектическое запаздывание. Причины запаздывания чаще всего кроются в том, что, например, в реальности отсутствует сколько-нибудь пригодный (количественный и качественный) материал для методических обобщений. Такие затруднения могут быть преодолены за счет прогностических методов [8; 9], в том числе за счет метода экспертных оценок [4, с. 54–55]. Примеры довольно успешного использования данного метода для прогнозирования расследования можно найти в диссертации С. К. Крепышевой [10]. Других прогностических методик нам найти не удалось. Есть лишь краткие упоминания об их вероятных достоинствах.

В нашем исследовании большинство экспертов (74 %) согласились с предположением об эффективности проведения таких ОРМ, как проверочная закупка или оперативный эксперимент в расследовании преступлений, связанных с мошенничеством при получении выплат. Речь идет о двух типичных следственно-оперативных ситуациях инициативного типа:

- 1) оперативными сотрудниками в ходе ОРМ инициативно выявлены факты мошенничества при получении выплат;
- 2) обстоятельства организованного мошенничества (в том числе с признаками коррупции) выявлены в результате расследования иных преступлений, прежде всего деятельности ОПГ, ОПС и/или коррупционной деятельности.

На более общий вопрос о наступательности расследования и ОРМ респонденты единодушно указали, что типичные инициативные ситуации являются наиболее благоприятными, предпочтительными для правоохранительных органов. В рамках именно этих следственных ситуаций наиболее эффективно применение таких ключевых принципов выявления и расследования, как принцип наступательности и принцип приоритета выявления и расследования совокупностей преступлений и их серийности [5, с. 72].

В литературе приводится множество определений проверочной закупки. Приведем мнение авторов одного из пособий по оперативно-розыскной деятельности. Проверочная закупка – это регламентированное Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» [1] (далее – ФЗ об ОРД) и ведомственными нормативными актами оперативно-розыскное мероприятие, состоящее в возмездном приобретении предметов, веществ и изделий, получении определенных услуг у лица, проверяемого в связи с его возможной причастностью к преступной деятельности, а также в целях фиксации противоправных действий этого лица и решения частных задач оперативно-розыскной деятельности.

Авторы верно отмечают, что в рамках проверочной закупки могут приобретаться не только товары и услуги, свободный оборот которых ограничен или запрещен, но и товары (услуги), находящиеся в свободном гражданском обороте [2, с. 79–80]. Таковыми можно называть преступные услуги по «обналичиванию» материнского капитала, субсидий для сельхозпроизводителей и иные.

Авторы указывают, что проверочные закупки подразделяются на три вида: гласные, негласные и зашифрованные; кратко описывают порядок проведения каждой. Так, особенностью гласной проверочной закупки является то, что ее начальный этап осуществляется в условиях полной негласности. Лицо, оказывающее услугу (в нашем случае предприниматель – руководитель или сотрудник фирмы, предоставляющей незаконные услуги по получению социальных выплат), не должно знать о проводимом мероприятии. Однако, например, после завершения расчета и предоставления услуги «покупателю» должностное лицо объявляет об акте закупки, после чего начинается полная проверка по факту оказания преступной услуги (услуг).

Порядок проведения зашифрованной проверочной закупки тот же, что и гласной. Однако отношение к ней фактического инициатора и организатора – оперативного аппарата – скрывается от лиц, у которых она проводилась. Негласная проверочная закупка по порядку проведения сходна с гласной и зашифрованной, однако факт ее проведения не оглашается,

а результаты закупки определяются ее участниками также негласно, прежде всего по отношению к лицу, оказавшему услугу [2, с. 80–81].

Очевидно, что для целей выявления и раскрытия преступлений, связанных с организованным и организовано-коррупцированным мошенничеством при получении выплат, могут проводиться все виды проверочных закупок. Субъектом их проведения, как отмечается в цитируемом пособии, всегда выступает оперативный сотрудник. Ряд ученых-криминалистов указывают, что руководить тактическими операциями на основе проверочных закупок и оперативных экспериментов должен все-таки следователь как лицо, отвечающее за весь ход предварительного расследования [3, с. 126–127]. Однако в ряде типичных ситуаций тактическая операция по задержанию организованных мошенников и коррупционеров с личным может осуществляться до возбуждения уголовного дела и проводиться как с участием следователя, так и без такового.

Продолжим цитировать упомянутое выше пособие. Оперативный эксперимент представляет собой оперативно-розыскное мероприятие, состоящее в искусственном создании контролируемой оперативным работником ситуации, позволяющей установить истинные намерения проверяемого (разрабатываемого) лица или возможность реального осуществления этим лицом конкретных действий, имеющих непосредственное отношение к событию, по поводу которого проводится проверка (разработка) в целях решения возникающих в связи с этим задач оперативно-розыскной деятельности [2, с. 79–80].

Проведение оперативного эксперимента допускается только в целях выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступления средней тяжести, тяжкого и особо тяжкого преступления, а также выявления и установления лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших (ч. 9 ст. 8 ФЗ об ОРД).

К проведению обоих видов ОРМ широко привлекаются и иные участники процесса (по возбужденному делу), а также субъекты оперативно-розыскной деятельности (до возбуждения дела), включая лиц, оказывающих содействие оперативным сотрудникам, в том числе на конфиденциальной основе. Такими содействующими лицами по делам исследуемой категории могут выступать как минимум две категории граждан:

- 1) специально приглашенные лица, якобы или действительно нуждающиеся в оказании услуг по получению социальных выплат на законной основе;
- 2) лица, уже избалованные в приготовлении, покушении либо в оконченном преступлении, связанном с мошенничеством, дающие согласие на сотрудничество в рамках, например, досудебного соглашения о сотрудничестве (гл. 40.1 УПК РФ).

Безусловно, и сами оперативные сотрудники вправе быть участниками ОРМ – «взяткодателями», «закупными».

В рамках примененного метода экспертных оценок практическим работникам – следователям и оперуполномоченным – приводился пример организованной преступной деятельности рассматриваемого типа и задавались вопросы о том, можно ли проводить названные ОРМ, а вернее тактические операции, в типичных ситуациях первоначального этапа расследования. Результаты обобщения мнений респондентов показывают полную поддержку предлагаемого ниже алгоритма.

Так, по одному из уголовных дел граждане К., О., З. и Ф. были осуждены по ч. 3 ст. 159.2 УК РФ. В ходе расследования было установлено, что они являлись соучредителями ООО, искали и приобретали без юридического оформления сделок купли-продажи земельные участки, предназначенные под индивидуальное жилищное строительство. Затем преступники подыскивали держателей сертификата на материнский капитал, помогали им оформить банковский счет для получения средств, оформляли фиктивные договоры купли-продажи земельных участков, реальная стоимость которых была значительно меньше средств материнского капитала. Как установило следствие, держатели сертификатов находились в полной уверенности

в том, что сделки имеют реальный характер. После фиктивной сделки преступники получали от держателя сертификата свою долю. Этот механизм преступной деятельности реализовывался преступниками на протяжении более двух лет*.

Смоделируем тактическую операцию в типичной следственной ситуации начального этапа на основе ОРМ «проверочная закупка». В ходе анализа результатов ОРМ о деятельности работников названного ООО получены сведения о совершении ими хотя бы одной из описанных преступных сделок с недвижимостью конкретным лицом, например, гр. Б. Получены данные о типовом механизме преступления, соучастниках, типовых различиях между реальной и фиктивной стоимостью земельных участков, способах подделки документов и т. п. Как установлено судом, в состав организованной группы Б., кроме прочих, привлек гр. Г., являющуюся должностным лицом и работавшую в администрации муниципального образования. Она занималась подготовкой, регистрацией и выдачей справок, ведением похозяйственных книг и имела доступ к печати муниципального образования и к оформлению выписок из похозяйственных книг. Б. предложил Г. за взятку (часть обналиченных денежных средств от сертификата) подыскивать объекты жилья, производить их регистрацию для последующего документального оформления в собственность лиц, обналичивающих сертификат.

Таким образом, в отношении разрабатываемых лиц имеются обоснованные сведения (пп. 1 п. 2 ч. 1 ст. 7 ФЗ об ОРД) об организованно-коррумпированном типе мошенничества при получении выплат (ч. 4 ст. 159.2 УК РФ) с такими квалифицирующими признаками, как «организованная группа» и «крупный размер» (признаки тяжкого преступления). Имеются также и сведения о признаках преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 290 УК РФ «Получение должностным лицом взятки за незаконные действия», а также об иных преступных деяниях. Важно отметить, что наличие такого рода сведений на момент до начала ОРМ легко будет доказать (именно доказать!) в рамках предстоящего судебного разбирательства.

С учетом наличия в данном случае надежных оснований, соблюдения условий проведения ОРМ еще до возбуждения уголовного дела выносятся либо постановление о проведении оперативного эксперимента в отношении должностного лица – гр. Г., либо принимается решение о проведении проверочной закупки в отношении гр. Б., либо принимается одновременно или последовательно оба правовых решения.

Остановимся на порядке проведения проверочной закупки (речь идет об открытых рекомендациях, аналоги которых имеются во множестве открытых публикаций [7]), поскольку особенности тактической операции по задержанию взяткополучателя с поличным подробно освещены в открытой литературе [11; 12]. Для проведения проверочной закупки в данном случае даже не требуется постановления, утвержденного руководителем органа – субъекта ОРД (ч. 8 ст. 8 ФЗ об ОРД).

К гр. Б., предполагаемому на тот момент руководителю ОПГ, обращается гражданин – «закупной» (оперативный сотрудник или содействующее лицо) с просьбой помочь в получении средств материнского капитала. При этом необходимо обеспечить законный характер просьбы. Иначе, на наш взгляд, налицо признаки подстрекательства к хищению. Например, это может быть просьба просто помочь юридически неграмотному человеку «оформить все по закону». В разговоре Б. вряд ли сам уйдет от соблазна предложить описанную выше преступную схему. И если Б., повторимся, по своей инициативе предложит реализовать один из типов мошенничества, только тогда «закупной» может уточнить суммы, порядок оформления документов и т. д. Далее можно следовать по алгоритму, сходному с традиционным проводимым оперативным экспериментом или проверочной закупкой, вплоть до задержания преступника и его сообщников с поличным или иным образом.

* Приговор от 18 января 2016 г. по уголовному делу № 1–23/2016 // Архив Куйбышевского районного суда г. Омска. URL: <https://rospravosudie.com/court-kujbyshevskij-rajonnysud-g-omskaya-oblast-s/act-517834286/> (дата обращения: 15.01.2020).

Следующие этапы тактической операции – изобличение остальных соучастников преступной деятельности.

Приведенный алгоритм тактической операции на основе инициативного ОРМ «проверочная закупка» может вызвать сомнения у следователей, судей, надзирающих прокуроров по поводу того, не имеет ли место провокационно-подстрекательская деятельность в любых подобных ОРМ и в целом в тактических операциях. Здесь нужны дополнительные пояснения. Одна из причин того, что такого рода ОРМ, а вернее тактические операции, по делам данной категории не имеют широкого распространения, заключается в следующем. Сама возможность изобличения ОПГ/ОПС, предлагающих преступные сделки с социальными выплатами, с применением традиционной тактики проведения проверочных закупок и всей тактической операции «Задержание с поличным», подробно описанной в опубликованных работах по ОРД, предоставляется оперативным сотрудникам довольно редко.

Кроме того, лица, нуждающиеся в социальных выплатах и совершающие бытовой тип мошенничества, как правило, не склонны к сотрудничеству с оперативными аппаратами. Оперативные подразделения располагают сведениями о конкретных фирмах, систематически занимающихся обналичиванием материнского капитала и т. п., но вероятность убедить граждан выступить заявителями и добровольно принять участие в ОРМ слишком мала.

Ситуация усугубляется еще и тем, что уже многие годы наблюдается рост количества оправдательных приговоров и прекращенных дел со ссылкой в правовом решении на провокационно-подстрекательскую деятельность со стороны сотрудников оперативных подразделений, ссылками на отсутствие оснований проведения ОРМ [16, с. 24–33]. И в том далеко не только их вина. В условиях пробельности законодательства об ОРД, отсутствия на нормативном уровне подробного алгоритма изобличения преступников без провокационно-подстрекательских действий, частых случаев привлечения оперативных сотрудников к юридической ответственности инициативность и наступательность со стороны оперативных сотрудников не поощряется государством. Удивительная ситуация: требуем от правоприменителя повышения эффективности борьбы с масштабными хищениями и коррупцией, тут же наказываем его за провокации, но не даем ему инструкций, как ее избежать, как делать правильно [6, с. 1–10].

В последнее время резко увеличилось число интернет-публикаций, которые уже складываются в некую тенденцию стремления опорочить в глазах общества всю деятельность органов – субъектов ОРД, направленную на борьбу с преступностью путем проведения таких ОРМ, как проверочная закупка и оперативный эксперимент*.

Не стремясь дать какую-либо оценку данной тенденции, сформулируем правила законности проведения типичных ОРМ (или серии ОРМ) и тактических операций, связанных с изобличением мошеннических услуг.

Правило 1: до начала ОРМ оперативные сотрудники должны располагать предусмотренными ФЗ об ОРД основаниями для его проведения (ст. 7).

Правило 2: до начала ОРМ оперативные сотрудники должны обеспечить предусмотренные ФЗ об ОРД условия его проведения (ст. 8).

Правило 3: в целом по ОРМ инициатива в оказании услуг по незаконному получению выплат может исходить только от лиц, их предоставляющих.

Правило 4: собранные надлежащим образом сведения еще до начала ОРМ должны свидетельствовать о наличии у лица (лиц) умысла на оказание преступных мошеннических услуг, сформировавшегося независимо от деятельности оперативников и содействующих им лиц.

* Как проводится проверочная закупка наркотических средств в рамках оперативно-розыскной деятельности? URL: <https://legis-group.ru/publications/> (дата обращения: 15.01.2020); Сейчас мы вам подбросим! URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2019/06/15/80908-instruktsiya> (дата обращения: 15.01.2020).

В заключение следует отметить, что активное взаимодействие между следователем и оперативными сотрудниками, применение принципа наступательности уже с момента начала ОРМ или доследственной проверки по признакам мошенничества при получении выплат и далее в рамках всех этапов расследования обеспечивает высокую эффективность всего производства по конкретному уголовному делу.

Литература

1. Об оперативно-розыскной деятельности: федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (ред. от 02.08.2019). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. Алферов В. Ю., Гришин А. И., Ильин Н. И. Правовые основы оперативно-розыскной деятельности: учеб. пособие / под общ. ред. В. В. Степанова. 3-е изд., испр. и доп. Саратов, 2016.
3. Галанова А. В. Следственные ситуации и тактические операции при расследовании преступлений, связанных с вымогательством: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2000.
4. Гармаев Ю. П., Лубин А. Ф. Проблемы создания криминалистических методик расследования преступлений: теория и практика: монография. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2006.
5. Гармаев Ю. П., Обухов А. А. Квалификация и расследование взяточничества: учеб.-практ. пособие. М.: Норма, 2009.
6. Гармаев Ю. П., Степаненко Р. А. Инициативный легендированный оперативный эксперимент: эффективная борьба с коррупцией без провокационно-подстрекательских действий // Полицейская деятельность. 2019. № 2.
7. Гармидов Ю. А., Холопова Е. Н. Правовая характеристика оперативно-розыскного мероприятия «проверочная закупка»: монография. М.: Юрлитинформ, 2014.
8. Горшенин А. Г. Основы теории криминалистического прогнозирования. М.: Академия МВД РФ, 1993.
9. Зорин Г. А. Эвристические методы формирования стратегии и тактики следственной деятельности. Гродно, 1991.
10. Крепышева С. К. Формирование прогностической методики расследования преступлений, связанных с легализацией (отмыванием) преступных доходов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2001.
11. Лашко Н. Н. Криминалистическая характеристика и первоначальный этап расследования взяточничества и коррупции: дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2001.
12. Организация и методика расследования взяточничества: метод. пособие / А. В. Бриллиантов [и др.]; под рук. Е. А. Миронова. М.: НИИ УЗП при ГП РФ, 2001.
13. Хэйлман Джон. Организованная преступность и официальная коррупция в США // Проблемы борьбы с организованной преступностью: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. М., 1998.
14. Чумаков А. В., Гармаев Ю. П. Расследование мошенничества при получении выплат: монография. М.: Юрлитинформ, 2020.
15. Чумаков А. В. Особенности методики расследования мошенничества при получении выплат: дис. ... канд. юрид. наук. Барнаул, 2018.
16. Чупилкин Ю. Б. Как адвокату доказывать провокацию преступления // Уголовный процесс. 2018. № 12.

УДК 343.985

СВЕДЕНИЯ О ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА И СПОСОБАХ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КАК БАЗОВЫЕ КОМПОНЕНТЫ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА

Дмитрий Анатольевич Ильичев, начальник УМВД России по Хабаровскому краю

E-mail: dilichev2@mvd.ru

В статье рассматривается оперативно-розыскная характеристика взяточничества. Исходя из теоретических представлений о содержании оперативно-розыскной характеристики, наибольшую важность представляют компоненты, включающие сведения о личности преступника и способах совершения преступлений. Анализ оперативно-следственной практики позволил автору выделить главные закономерности указанных компонентов оперативно-розыскной характеристики взяточничества. Подобные сведения могут быть использованы сотрудниками подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции с целью совершенствования организации оперативного обслуживания линии по противодействию коррупции.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность; оперативно-розыскная характеристика; способ совершения преступления; сведения о личности преступника; взяточничество.

THE CRIMINAL'S IDENTITY AND MODUS OPERANDI AS THE BASIC COMPONENTS OF INVESTIGATIVE CHARACTERISTICS OF BRIBERY

Dmitrii Anatolevich Ilchev, Head of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Khabarovskii Krai

The article deals with the study of the investigative characteristics of crimes in the field of bribery. Basing on the theoretical notions of the connotation of the investigative characteristics of crimes, the components which include criminal's identity and ways of committing crimes are the most important. The analysis of investigative experience made it possible for the author to highlight the most significant patterns of the mentioned components of investigative characteristics of bribery. Such information may be used by the officers of the sub-units dealing with economic security and countering corruption with the objective of improving the organization of the anti-corruption service line.

Keywords: criminal detection activity; investigative characteristics; modus operandi; criminal's identity; bribery.

Эффективность выявления и раскрытия преступлений, в том числе взяточничества, напрямую зависит от полноты знаний сотрудников оперативных подразделений о закономерностях преступного поведения, складывающихся в типичных оперативно-розыскных ситуациях. При этом справедливо отмечается, что задачи оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД), по предупреждению и раскрытию преступлений успешней решают оперуполномоченные, владеющие знаниями об оперативно-розыскной характеристике (далее – ОРХ) преступлений [7, с. 75–76].

Вопросы понятия и содержания ОРХ преступлений неоднократно обсуждались в теории ОРД, что, однако, не привело к формированию единой концепции. Так, одной группой ученых ОРХ рассматривалась как симбиоз различных характеристик преступлений. Например, один

из основоположников концепции ОРХ Д. В. Гребельский понимал под ней совокупность ряда информационных признаков, упорядоченных и взаимосвязанных между собой, почерпнутых из различных информационных источников, входящих прежде всего в криминалистическую, криминологическую, психологическую, социологическую, экономическую и другие характеристики преступлений [2, с. 73]. Данная концепция и сейчас находит поддержку в научном сообществе, краткий обзор чего, в частности приводится в диссертационном исследовании И. Н. Потапова [8, с. 48].

Однако по мере совершенствования правового регулирования оперативно-розыскной деятельности, появления разнообразных методик выявления, предупреждения и раскрытия преступлений, ОРХ преступлений стала наполняться самостоятельным содержанием, не всегда заимствованным из других наук криминалистического цикла. Одним из представителей данного подхода стал В. Д. Ларичев, отметивший, что в содержание ОРХ необходимо включать только такие сведения, использование которых способствует эффективному применению разведывательно-поисковых сил, средств и методов оперативных аппаратов органов внутренних дел в борьбе с преступностью [5, с. 16]. Данный подход представляется более актуальным, т. к. позволяет сконцентрировать усилия на выборе наиболее значимой для оперативного сотрудника информации.

В целом, несмотря на некоторые разночтения, представители обоих подходов при определении содержания ОРХ сходятся на том, что ее ключевыми компонентами являются сведения о способе совершения преступлений и сведения о личности преступника. Как показывает практика, без знания данных компонентов ОРХ оперативные сотрудники сталкиваются с трудностями в организации обслуживания закрепленных за ними линий.

К сожалению, коррупция остается негативным явлением, широко распространенным в обществе. Нередко, в коррупционных сделках заинтересованы обе стороны (должностное лицо и взяткодатель), что обуславливает высокую латентность данных преступлений и малую вероятность поступления «заявительской» информации в правоохранительные органы. В данной ситуации оперативные сотрудники, обладающие знаниями основных компонентов ОРХ (способы совершения преступлений и сведения о личности преступников), могут определить для себя наиболее важные поисковые признаки коррупционных преступлений, что позволит им организовать деятельность источников информационного обеспечения ОРД.

С. И. Давыдов указывал, что внутренняя модель криминальной ситуации включает такие звенья, как субъект и объект посягательства, деятельностная сторона ситуации [3, с. 4]. При этом отмечалась не только важность установления подобных звеньев, но и определение их взаимосвязей. Данное обстоятельство будет учитываться и нами при рассмотрении таких компонентов ОРХ, как способ совершения преступлений и сведения о личности преступника.

Сведения о личности преступников в сфере взяточничества

Согласно статистическим данным*, за 4 месяца 2020 г. в России выявлено 1747 фактов получения взяток, при этом лиц, являющихся взяткополучателями, совершивших данные преступления, – 540 человек. Исследование уголовных дел по фактам получения взяток в ряде регионов, таких как Алтайский, Приморский и Хабаровский края, Новосибирская область, позволило увидеть, что в основное число лиц, получающих взятки, входят судебные приставы, инспекторы Федеральной налоговой службы, преподаватели высших учебных заведений, служащие Росреестра. Данный факт свидетельствует о преимущественно бытовом взяточничестве, когда незаконное вознаграждение получается от граждан, заинтересованных в той или иной стороне деятельности должностного лица. Это подтверждается и тем, что при совершении преступления по получению взяток преступники очень редко прибегали к вымогательству (примерно 5–7 % от общего числа).

* Сайт МВД РФ. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai>

Большинство взяточполучателей – это лица мужского пола в возрасте от 30 до 49 лет, выполняющие организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, местные жители региона, имеющие высшее образование, положительно характеризующиеся по службе, семейные, не злоупотребляющие алкоголем, ранее не совершавшие преступления, получившие взятку в городах и поселках городского типа.

Большинство лиц, вовлеченных в преступления в сфере взяточничества, руководствуются корыстными мотивами, стремлением к стяжательству. При этом, как отмечают исследователи, среди свойств личности взяточполучателей выделяются прежде всего дефекты их правосознания, выражающиеся в наличии антиобщественных установок, отрицательного, пренебрежительного отношения к нормам права. При этом они нередко имеют высокий образовательный уровень, хорошие интеллектуальные способности, что делает их серьезными соперниками для оперативных сотрудников полиции, осуществляющих противодействие коррупции. Занимая определенное служебное положение, субъекты рассматриваемых преступлений обладают многочисленными связями, которые используются для оказания противодействия в процессе раскрытия преступлений. Особо следует выделить связи с представителями правоохранительных, административных и управленческих структур, которые могут помочь не попасть взяточнику в поле зрения правоохранительных органов [1].

Данный вид преступной деятельности может осуществляться преступными группами, в том числе обладающими иерархической вертикалью. В этом плане, рассматривая портрет современного взяточполучателя, П. П. Елисов отмечал, что современная тенденция состояния коррумпированности характеризуется преступным сближением лиц, владеющих крупным капиталом, с лицами, наделенными властными полномочиями. Самостоятельным элементом такого симбиоза выступает устойчивая и достаточно организованная группа, действующая в течение длительного времени [4, с. 71]. Руководители подобных групп могут не участвовать в оформлении каких-либо документов, поручая это своим подчиненным. На последних также могут возлагаться непосредственные контакты со взятокодателями, посредниками и иными заинтересованными лицами.

При интервьюировании оперативных сотрудников подразделений ЭБ и ПК Дальневосточного федерального округа было выяснено, что взяточполучателей, которых удалось задокументировать, по типу личности можно разделить на четыре группы:

1. Лица, которые периодически (разово) получали взятки в расчете на то, что правоохранительные органы не смогут это выявить. При фиксации факта получения незаконного вознаграждения данные лица первоначально возмущались, но поняв, что их действия задокументированы, быстро признавали свою вину.

2. Взяточники околосреднего и среднего звена. В случаях выявления преступления, данные лица предпринимали попытки доказать свою непричастность, в том числе по причинам того, что преступление якобы произошло вследствие случайных совпадений либо в результате ненадлежащего исполнения обязанностей их подчиненными, которые являются действительно виновными.

3. Лица, систематически получавшие взятки, которые до последнего момента отрицают свою вину в совершении преступления («злостные взяточполучатели»). Только при осознании того, что их вина доказана, они могут частично признаться в содеянном. В эту группу входят должностные лица среднего и вышесреднего звена.

4. Лица, аналогичные указанным в третьей группе, но с отличием в том, что они практически не признаются в совершении получения взятки ни при каких условиях.

Личность взятокодателя также представляет безусловный интерес при построении ОРХ рассматриваемых преступлений. За 4 месяца 2020 г. на территории России органами внутренних дел выявлено 1367 фактов дачи взятки, которые совершили 998 лиц, являющиеся взяточ-

дателями. Оперативно-следственная практика показывает, что лиц, дающих взятки, условно можно разделить на две категории:

1. Обыкновенные граждане, которые заинтересованы в тех или иных действиях должностных лиц. Приобретаемые «коррупционные продукты» могут быть как законными действиями, так и незаконными. Исходя из практики, взяткодатели «покупали» законные действия, когда необходимо было миновать очереди, ускорить какой-то процесс и т. п. При этом незаконные действия представляли коррупционный интерес для взяткодателей при условии их возможного привлечения к юридической ответственности. Так, за истекший период 2020 г. в Дальневосточном федеральном округе органами внутренних дел выявлены взяткодатели при даче денежного вознаграждения за непривлечение к административной ответственности за нарушение правил дорожного движения, за снятие ареста с имущества при исполнительном производстве и т. п.

2. Лица, входящие в деловые круги, и заинтересованные в даче взяток систематически. Данная категория взяткодателей является руководителями или собственниками юридических лиц, имеет источник дохода от какой-либо деятельности, которая сопряжена с постоянным и систематическим расходом на дачу взяток. Подобные лица имеют устойчивые, долговременные и проверенные связи с взяткополучателями. Это вызвано прежде всего постоянным коммерческим интересом взяткодателя в «коррупционном продукте» должностного лица. Выборочный анализ оперативно-следственной практики позволил установить, что «коррупционными продуктами» являются: заключение контрактов на поставку продукции для нужд государственных и муниципальных организаций; принятие решений налоговым органом о возмещении НДС; подписание актов выполненных строительно-ремонтных работ на объектах государственной и муниципальной собственности. Важность представляет такой элемент характеристики личности данной категории взяткодателей, как заинтересованность в даче взятки и принятии мер о нераспространении такой информации. В оперативной работе органов внутренних дел встречается очень незначительное число подобных лиц, которые заявляли бы о том, что с них требуют взятку. Такие факты единичны и вызваны чрезмерным увеличением суммы взятки, дача которой будет убыточна для деятельности взяткодателя.

Взяткодатели из числа деловых кругов, при подготовке к даче незаконного вознаграждения и последующей непосредственной даче такового могут прибегать к определенной помощи своего окружения, которое полностью или частично может владеть информацией о процессе дачи взятки. В число данного окружения входят коллеги по работе, компаньоны по бизнесу и самая важная категория, с точки зрения формирования модели оперативно-розыскной методики выявления и раскрытия взяточничества, – это посредники, которые являются связующим звеном между взяткодателем и взяткополучателем и полностью владеют механизмом способа передачи незаконного вознаграждения.

Согласно статистическим данным, за 4 месяца 2020 на территории России выявлено 558 преступлений, предусмотренных ст. 291.1 УК РФ «Посредничество во взяточничестве», при этом лиц, являющихся посредниками во взяточничестве, – 204. В 63,6 % от общего количества изученных посредников ими выступили работники государственных органов, где и работал непосредственный взяткополучатель, в 18,2 % – бывшие работники государственных органов, в 18,2 % – лица, имеющие определенные знакомства с должностными лицами, представляющими коррупционный интерес для взяткополучателей*.

Изучение профессионального статуса посредников во взяточничестве, являющихся работниками государственных и муниципальных учреждений, где также работает взяткополучатель, позволило увидеть, что эти лица находятся в прямом или косвенном подчинении у должностного лица, являющегося взяткополучателем, либо занимают равнозначную должность со взяткополучателем. Так, сотрудниками ЭБиПК УМВД России по Рязанской обла-

* Сайт МВД РФ. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai>

сти были задокументированы факты взяточничества в УФНС России по Рязанской области при возмещении НДС, где взяткодателем являлся представитель коммерческой структуры, посредником – инспектор ФНС, а получателем взятки – начальник отдела УФНС России по Рязанской области.

Рассматривая посредников во взяточничестве из числа лиц, не являющихся представителями государственных и муниципальных учреждений, где также работает взяткополучатель, мы можем увидеть, что посредничество во взяточничестве прикрито деятельностью каких-либо фирм и организаций, оказывающих консалтинговые услуги при получении лицензий на различные виды деятельности, при проверках надзорных органов (Ростехнадзор, Роспотребнадзор, Росздравнадзор и т. п.). Эта категория посредников во взяточничестве имеет узкие специальные познания относительно деятельности конкретного ведомства, деятельности взяткополучателя, официального документооборота. Часто в число посредников входят лица, имеющие высшее юридическое или экономическое образование.

Из представленного анализа прослеживается высокая заинтересованность всех участников взяточничества (взяткополучателя, взяткодателя, посредника) в передаче и получении денежного вознаграждения за «коррупционные продукты», а также в последующем нераспространении информации об этом. Данные обстоятельства являются главными причинами высокой латентности таких преступлений.

Сведения о способах совершения взяточничества

Характеристика способов совершения взяточничества предопределена наличием некой формы сделки с криминальным оттенком, в которой обязательно присутствуют две стороны: «продавец» и «покупатель». В качестве «продавца» выступает должностное лицо, обладающее признаками из содержания примечания ст. 285 УК РФ, а «покупателем» – иное лицо без каких-либо специальных признаков, которому интересен «коррупционный продукт», находящийся в перечне возможностей его представления «продавцом». Способ совершения взяточничества определяется степенью симбиоза между «продавцом» и «покупателем», то есть между взяткополучателем и взяткодателем. При этом часто такой симбиоз происходит с участием посредника. «Коррупционный продукт» (объект взяточнической сделки) может быть определен как конкретная ситуация, материальный и иной интерес, на которые направлены действия участников взяточничества.

А. Н. Марданов отмечает следующие наиболее популярные «коррупционные продукты»:

- положительное разрешение конкретной жизненной и правовой ситуации на уровне бытовой коррупции (освобождение от административной, гражданской и иной ответственности; предоставление каких-либо прав или освобождение от обязанности; занятие должности; ускорение в принятии законного решения; поступление в учебное заведение; решение насущных потребностей, связанных со здоровьем, жильем и т. п.);
- содействие в создании коммерческих структур или федеральных и муниципальных предприятий с целью «перекачки» в эти структуры бюджетных средств;
- передача государственной и муниципальной собственности предпринимателям по заниженным ценам, нарушая законодательство об аукционах;
- заключение убыточных для государства соглашений о сдаче в аренду объектов недвижимости, транспортных средств и т. д.;
- нецелевое использование бюджетных и внебюджетных средств, «перекачка» их в свои коммерческие фирмы;
- заключение государственных (муниципальных) контрактов в сфере закупок товаров и услуг;
- предоставление аффилированным предпринимательским структурам монопольного права производства продукции, предоставления услуг, торговли (например, торговля нефтепродуктами, создание магазинов сетевой торговли, вытеснение конкурентов перевозчиков

в сфере общественного транспорта, содействие недобросовестной конкуренции на потребительском рынке и т. п.);

– предоставление налоговых и таможенных льгот, незаконное лицензирование, выдача незаконных квот на добычу полезных ископаемых, биоресурсов и т. п.;

– незаконные сделки с землей, в том числе выведение лучших земельных участков из сельскохозяйственного оборота, передача их своим фирмам с последующей продажей по рыночным ценам;

– принятие нормативных актов, которые выгодны определенным структурам;

– непринятие мер к выявленным правонарушениям, фальсификация материалов документальной ревизии, аудиторской или налоговой проверки;

– сокрытие компрометирующих материалов, поступающих в правоохранительные органы, в средства массовой информации. Оказание давления и противодействие расследованию уголовных дел, рассмотрению материалов в арбитражных судах и судах общей юрисдикции и др. [6].

С учетом многообразия «коррупционных продуктов» важно выделить способы и механизмы совершения преступления со стороны взяткодателя, взяткополучателя и посредника, то есть способы взяточничества логично определять в зависимости от того, кто является инициатором преступного деяния.

Исследование способов взяточничества по инициативе взяткодателя, позволило выделить следующие направления действий:

– определение учреждения и установление конкретных должностных лиц, которые могут выполнить нужную услугу, то есть тех, у которых имеется соответствующий «коррупционный продукт»;

– установление контактов с взяткополучателем – либо лично или через посредников;

– выбор способа воздействия на потенциального взяткополучателя (деловое предложение, угроза, прямой или завуалированный шантаж, зависящий от нужд и целей ситуации);

– достижение соглашения об условиях коррупционной сделки (конкретные действия, определение «коррупционного продукта», определение размера незаконного вознаграждения);

– передача незаконного вознаграждения (по времени может быть сдвинуто до, после, в момент оказания коррупционной услуги);

– реализация коррупционной сделки взяточничества, принятие мер для сокрытия следов преступления (организация безопасных условий передачи взятки, обеспечение алиби на случай задержания с поличным и пр.).

В свою очередь, исследование способов взяточничества по инициативе взяткополучателя позволило выделить свои особенности осуществления противоправной деятельности:

– активный инициативный поиск должностным лицом и последующее выявление потребителя коррупционной государственной услуги из числа представителей коммерческих предприятий и иных организаций;

– выбор способа воздействия на потенциального взяткодателя для достижения договоренности о размере незаконного денежного вознаграждения (путем давления или вымогательства, создания каких-либо препятствий для будущих взяткодателей). Эти операции могут сопровождаться намеками или неприкрытыми требованиями незаконного вознаграждения, высказываемыми лично этим лицом или через посредников;

– выполнение должностным лицом взятых на себя обязательств за незаконное денежное вознаграждение (подписание документа, принятие нормативно-правового акта, дача соответствующих распоряжений и т. п.);

– получение незаконного вознаграждения (по времени может быть сдвинуто до, после, в момент оказания коррупционной государственной услуги), кроме того это возможно с участием посредника;

– принятие мер для сокрытия следов получения взятки (организация безопасных условий передачи взятки, обеспечение алиби на случай задержания с поличным, использование полученных денег и имущества, включение их в гражданский оборот и пр.).

Способы получения или дачи взятки с позиции посредника нередко пересекаются с действиями взяткодателя или взяткополучателя. Выделим следующие:

– посредник в большинстве случаев может получать незаконное вознаграждение под видом оказания каких-либо консультационных услуг с наличием договоров и дальнейшим сопровождением до получения коррупционной государственной услуги;

– посредник открыто информирует потенциального взяткодателя о том, что необходимо материальное вознаграждение должностных лиц за получение коррупционных государственных услуг;

– роль посредника во взяточнической сделке может быть единичной или сложной, то есть имеет место разделение функций между несколькими посредниками;

– посредник так же принимает меры для сокрытия следов получения взятки (организация безопасных условий передачи взятки, обеспечение алиби на случай задержания с поличным, использование полученных денег и имущества, включение их в гражданский оборот и пр.);

– посредник максимально нейтрализует контакт между взяткодателем и взяткополучателем.

Коррупционная сделка, то есть взяточничество, часто сопровождается перед самим фактом передачи-получения подкупа переговорным процессом, в котором могут участвовать все звенья. Эта фаза нами считается подготовительной, и, очевидно, она не проходит бесследно, т. к. после нее остаются как материальные, так и идеальные следы. К материальным следам важно отнести: следы рук; пальцев рук; обуви; транспортных средств; биологического происхождения (в частности, слюна на окурках сигарет); следы, оставленные на камерах видеонаблюдения (если таковые имелись) в месте контактов и встреч. Перечень идеальных следов на указанном этапе взяточничества характеризуется сведениями о фактах встреч участников коррупционной сделки и о возможном содержании бесед. Такими сведениями могут обладать лица из числа окружения участников взяточничества, куда нами отнесены коллеги по работе; знакомые и родственники; лица, случайно оказавшиеся при этом; работники организаций, где могла быть встреча (официанты, администраторы кафе и ресторанов, охранники).

Сам факт передачи-получения предмета взятки является основным этапом совершения преступления и важным обстоятельством, который должен быть зафиксирован оперативными сотрудниками при выявлении и раскрытии. Передача-получение предмета взятки может быть проведена контактным и бесконтактным способом, что накладывает отпечаток на соответствующий механизм образования следов, где кроме материальных и идеальных следов появляются следы-предметы. Они включают в себя: денежные средства, материальные ценности, переданные взяткополучателю; лицевые банковские счета, банковские карты, счета электронных кошельков.

«Коррупционный продукт», получаемый за незаконное денежное вознаграждение, также имеет следы-предметы, а именно документы должностных лиц (решения, акты, подписи-согласования, управленческие документы и т. д.). Возникновение «коррупционного продукта» сопровождается следообразованием овеществленного и документального характера.

Перечень следов, оставляемых при совершении взяточничества, играет важную, а порой и решающую роль в формулировании методики выявления и раскрытия такого рода преступлений. Анализ механизма следообразования и их взаимосвязей с другими структурными элементами ОРХ взяточничества, с обстановкой, лицами, которые причастны к совершению преступного деяния, а также установление обстоятельств, способствующих совершению преступления, являются важным условием для эффективного выявления, раскрытия и последующего оперативно-розыскного обеспечения расследования этих преступлений.

В заключение отметим, что ОРХ взяточничества, основанная на анализе типичных оперативно-тактических ситуаций, являясь важной научной категорией, имеет большое практическое значение, т. к. аккумулирует разнообразную информацию о личности преступников, способах совершения рассматриваемых преступлений. Подобные знания являются отправной точкой функционирования различных организационно-тактических форм ОРД по борьбе со взяточничеством – от оперативного поиска первичных данных о совершении рассматриваемых преступлений к осуществлению процесса их выявления и документирования и далее – к оперативному сопровождению расследования уголовных дел.

Литература

1. Бычков В. В., Багмет А. М. Квалификация и расследование преступлений, связанных с подкупом: учеб. пособие. М.: Юрлитинформ, 2014.
2. Гребельский Д. В. О состоянии криминалистических и оперативно-розыскных характеристик преступлений // Криминалистическая характеристика преступлений. М., 1984.
3. Давыдов С. И. Криминальная ситуация как объект познания в процессе раскрытия преступления // Научный вестник Омской академии МВД России. 2013. № 4 (51).
4. Елисов П. П. Портрет современного коррупционера: мотивация и причины коррупционного поведения // Личность преступника: теоретические и практические проблемы: мат-лы межведомст. кругл. стола. Ч. 1 / под ред. Э. А. Васильева. М.: ВНИИ МВД России, 2012.
5. Ларичев В. Д. Оперативно-розыскная характеристика экономических преступлений: понятие и содержание // Оперативник (сыщик). 2007. № 2(11).
6. Марданов А. Н. Взаимодействие следователя и оперативных подразделений в процессе расследования взяточничества при наличии посредника: дис. ... канд. юрид. наук. СПб, 2017.
7. Михайлова Л. В. Оперативно-розыскное обеспечение раскрытия и расследования хищений на объектах морского транспорта: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2015.
8. Потапов И. Н. Выявление и раскрытие преступлений коррупционной направленности, совершаемых в негосударственном секторе экономики: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО. ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО. СЕМЕЙНОЕ ПРАВО. МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

УДК 346.5

О ГОСУДАРСТВЕННОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ

Людмила Николаевна Древал, профессор кафедры Дальневосточного юридического института МВД России, доктор юридических наук, профессор

E-mail: dreval.lyudmila@mail.ru

Статья посвящена исследованию проблем, связанных с государственным регулированием предпринимательской деятельности. Предпринята попытка раскрыть основания, особенности и методы его осуществления. Обоснована необходимость и целесообразность применения государством мер воздействия как императивного, так и иного характера.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность; самостоятельность; государство; права; интересы; защита; субъекты; органы государственной власти.

ON STATE REGULATION OF BUSINESS ACTIVITY: SOME ASPECTS

Lyudmila Nikolaevna Dreval, professor of the Department of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor

The article is devoted to the study of problems related to state regulation of business activities. It attempts to reveal its grounds, features and methods of implementation. The necessity and expediency of the application of measures of action, both mandatory and other, by the State is justified.

Keywords: business activity; autonomy; state; rights; interests; protection; subjects; state authorities.

Российское государство, поддерживая предпринимательскую деятельность, старается создать равные возможности (правовые, финансовые, организационные и др.) для ее осуществления заинтересованными субъектами.

Реализуя свое право, предприниматели надеются на отсутствие какого-либо вмешательства со стороны государства, поскольку осуществление предпринимательской деятельности основано на законах рынка.

Однако в действительности же происходит несколько иначе. Государство применяет различные рычаги, направляя рассматриваемую деятельность в то или иное русло, тем самым, как кажется субъектам предпринимательства, нарушает их самостоятельность, которая выражается в том, что предприниматель вправе выбирать по своему усмотрению вид деятельности, масштабы ее осуществления, организационно-правовую форму, партнеров и др.

По их мнению, государственное вмешательство иногда очень «навязчиво», поскольку чаще всего используются административно-правовые методы. Оно начинается уже тогда, когда предпринимателем исполняется обязанность по регистрации себя как субъекта, реализующего право на осуществление такой деятельности законно.

Помимо государственной регистрации, законодательством установлены лицензирование в отношении некоторых видов деятельности, антимонопольное регулирование, дополнительные обязанности в отношении потребителей, пределы для цен и тарифов на отдельные виды товаров (работ, услуг), налоговый учет и др.

Специальное разрешение (лицензию) следует получить, например, при оказании медицинских и образовательных услуг на определенных территориях [8]. Лицензия необходима, если субъекты предпринимательства – кредитные организации [2]; если речь идет об организованных торгах на товарных и финансовых рынках [3] и др.

Государством в императивном порядке введен запрет на занятие предпринимательской деятельностью для некоторых категорий граждан, которые являются, например, сотрудниками правоохранительных органов [9] или государственными служащими [4]. Указанные граждане не вправе заниматься ею лично либо через доверенных лиц.

Антимонопольное регулирование достигается посредством широкого спектра правовых средств [6], которые применяются уполномоченным органом в определенных случаях: при выявлении недобросовестной конкуренции, при доминирующем положении, проявлениях монополистической деятельности и т. п.

В отношении предпринимателей потребительским законодательством закрепляются более жесткие требования и меры гражданско-правовой ответственности [7].

У государства имеется право, несмотря на рыночные отношения, влиять на ценообразование. В предусмотренных законодательством случаях оно может устанавливать цены и тарифы или их предельный уровень, например, в отношении «товаров» естественных монополий [5].

Можно привести и другие примеры.

Регулирование проявляется через возрастающую роль контролирующих мероприятий со стороны органов государственной власти (федерального и регионального уровня) и органов местного самоуправления. Это также касается использования земель, водных ресурсов, охраны окружающего мира и многого другого.

Контрольные мероприятия, ограничительные и другие подобные меры относятся к прямым методам воздействия. И это правильно, а как же иначе? Ведь рыночные отношения подталкивают субъектов предпринимательства к тому, чтобы осуществлять деятельность без надежды на поддержку извне, уповать только на себя, иногда забывая о других. И, если есть перспектива получения максимальной прибыли, задумываться о путях ее достижения (возможных и невозможных) им иногда не приходится (или не очень хочется). В некоторых случаях субъекты предпринимательства идут на это намеренно, зная о нарушении прав других лиц и о причинении вреда государству, партнерам, гражданам. Стремление к большей наживе позволяет забыть об экологии; нарушать нормы, касающиеся здоровья населения. Поэтому, чтобы защитить свои интересы, права граждан, всех участников предпринимательских отношений, государство для блага всего общества должно применять меры такого рода.

Устанавливая требования к качеству товаров, работ, услуг, оно проявляет заботу о нации в целом. Ведь не секрет, что в настоящее время производители для увеличения срока хранения в молочную, мясную продукцию добавляют антибиотики или для снижения цены исключают натуральные ингредиенты, заменяя их на то, что продуктами питания назвать трудно (например, вместо животных жиров – пальмовое масло), и т. п.

К сожалению, сегодня законодательством гарантируется только безопасность товара (работ, услуг), которая выражается в том, что товар должен быть безопасным для жизни, здоровья, окружающей среды при обычных условиях его использования, хранения, транспорти-

ровки и утилизации, а также чтобы не причинял вред имуществу потребителя. Безопасность обеспечивается техническими регламентами, т. е. документами, устанавливающими обязательные для применения и исполнения требования к объектам технического регулирования (продукции или связанным с требованиями к продукции процессам проектирования (включая изыскания), производства, строительства, монтажа, наладки, эксплуатации, хранения, перевозки, реализации и утилизации). Помимо этого предпринимателями могут использоваться декларации о соответствии (документы, удостоверяющие соответствие выпускаемой в обращение продукции требованиям технических регламентов) и знаки соответствия (обозначения, служащие для информирования приобретателей). Однако, по мнению некоторых сотрудников контролирующих органов и потребителей, настоящие правила не могут заменить ранее существовавших более строгих требований, связанных со стандартизацией и обязательной сертификацией.

Стандартизация как деятельность по установлению правил и характеристик в целях их добровольного многократного использования направлена на достижение упорядоченности не только в сфере производства, но и в сфере обращения продукции и повышения ее конкурентоспособности.

Цель сертификации – это создание нормальных условий для технологического процесса на предприятиях-изготовителях и обеспечение необходимого контроля за выпускаемой продукцией.

Основаниями для пересмотра государством рассматриваемых норм послужили: 1) сложный механизм обязательной сертификации, которая имела главенствующее значение; 2) большая загруженность органов государственной власти, имеющих право ее осуществлять (а значит, увеличение сроков проведения экспертиз); 3) высокая стоимость сертификации и контрольных испытаний.

Перечисленные обстоятельства стали серьезным препятствием для продвижения товаров, работ, услуг на рынок. И, как следствие, возникла проблема, связанная с подделкой документов и чиновничьим бюрократизмом.

Сегодня можно констатировать, что, в противовес интересам потребителей, законодателем отдается предпочтение добровольной сертификации.

Вмешательство государства необходимо еще и потому, что в условиях мирового финансового кризиса субъектам предпринимательской деятельности приходится выживать. Поэтому они иногда сознательно идут на нарушение установленных требований и провоцируют государство (в лице его органов) на проведение контрольных мероприятий. Однако не нужно забывать о том, что государственное регулирование должно осуществляться в рамках правового поля. Это касается всех направлений деятельности, особенно налоговой сферы, где сложно, в силу специфичности общественных отношений, достигается гармония (баланс) между интересами публичных и частных субъектов. Так, закрепляя обязанность субъектов предпринимательства встать на налоговый учет и заявить о себе как о налогоплательщиках (фискально-обязанных лицах), государство в первую очередь обеспечивает поступление налогов и других обязательных платежей в бюджеты (казну), чтобы впоследствии профинансировать необходимые расходы, в том числе распределить финансовые ресурсы для поддержки предпринимательства. Налоговый учет позволяет улучшить результаты налогового контроля, поскольку он представляет собой совокупность мер регистрационно-мониторингового характера, направленных на обеспечение эффективности налогообложения.

Увеличению объемов публичных доходов отчасти способствует и таможенное регулирование, с помощью которого оказывается существенное влияние на развитие национальной экономики. К тому же, тем самым государство влияет на внешнеэкономический оборот страны, внутренний рынок, создавая благоприятные условия для развития бизнеса на всей ее территории. Благодаря постоянному контролю над потоком товаров через таможенную

границу государство стремится защитить как собственные интересы, интересы граждан, так и интересы участников предпринимательских отношений. Оно должно осуществлять взвешенную таможенную политику, заключающуюся в продуманных импортно-экспортных связях с разными участниками торговых отношений с помощью установления различного рода взиманий на ввоз-вывоз товаров при избыточном их количестве и, наоборот, посредством их отмены при недостатке тех или иных товаров.

В целях обеспечения стабильности во внешнеэкономических отношениях, стимулирования развития экспорта и импорта, а также привлечения иностранного капитала государством осуществляется регулирование внешнеэкономической деятельности. Это очень важно для предпринимателей со статусом совместных предприятий или если партнерами по бизнесу являются коммерческие организации иностранных государств.

Не только в интересах государства осуществляется и антимонопольное регулирование. Претворяя в жизнь конституционный принцип, способствующий развитию конкуренции, оно защищает самих же предпринимателей. Особенно это касается субъектов малого и среднего бизнеса, когда у крупных предприятий появляется возможность навязывать свои (в том числе дискриминационные) условия (например, устанавливая на товары (работы и услуги) монопольно высокие или монопольно низкие цены) и быть на порядок выше (находиться в неравном положении по сравнению с такими субъектами), получать наибольшую прибыль и тем самым наносить вред не только им, но и партнерам, конкурентам.

Видя в государственном регулировании только негативное, предприниматели забывают о том, что государством предоставляются меры поддержки, способствующие их эффективно-му функционированию и развитию. Такие методы тоже являются частью государственного регулирования предпринимательской деятельности. Их принято называть косвенными и подразделять на финансовые и нефинансовые.

Более действенными считаются финансовые меры. К ним относятся различные льготы (налоговые, кредитные) и иные преференции, позволяющие предпринимателям «твердо встать на ноги». Это могут быть и налоговые каникулы, и освобождение от уплаты налога на прибыль в течение первых нескольких лет (для налогоплательщиков, получивших статус резидента территории опережающего социально-экономического развития) [1, ст. 284.4]; уплата этого же налога по нулевой ставке (для некоторых организаций, осуществляющих образовательную или медицинскую деятельность) [1, ст. 284.1]; применение специальных налоговых режимов, которые способствуют развитию субъектов малого и среднего бизнеса (при сохранении свободы выбора системы налогообложения) [1, разд. VIII.1]; предоставление денежных средств из бюджетов (в том числе инвестиций и субсидий), льготных кредитов и др.

Государством разрабатываются и внедряются программы, реализуемые по государственной поддержке субъектов малого и среднего предпринимательства. В средствах массовой информации, например, часто обсуждаются вопросы с представителями фондов содействия инновациям, созданных в рамках программы «Старт» и находящихся в разных регионах Российской Федерации. Программа направлена на создание новых и поддержку существующих малых инновационных предприятий, стремящихся разработать и освоить производство нового товара, изделия, технологии или услуги с использованием результатов собственных научно-технических и технологических исследований, находящихся на начальной стадии развития или имеющих значительный потенциал коммерциализации.

В качестве иллюстрации можно привести данные Гарантийного фонда Хабаровского края, который был создан при участии Министерства экономического развития и внешних связей этого субъекта РФ для обеспечения доступа субъектов малого и среднего предпринимательства к финансовым ресурсам банковских организаций. Являясь объектом инфраструктуры поддержки малого и среднего бизнеса, он действует в рамках государственной целевой программы. Так, за период с 2012 по 2018 г. им было предоставлено 584 поручительства на

сумму 2 млрд 469 млн руб., что позволило субъектам малого и среднего предпринимательства Хабаровского края увеличить привлечение финансовых ресурсов до размера 6 млрд 115 млн руб.*

В последние годы государство все чаще инвестирует деятельность субъектов предпринимательства, рискуя лишиться своего имущества в виде бюджетных денежных средств. Приобретая долю в уставном (складочном) капитале, вкладываясь в объекты капитального строительства, находящиеся в собственности юридических лиц, или объекты недвижимого имущества, оно может не только не получить прибыль, но и потерять то, что вложило.

Конечно, предпринимателям хотелось бы получить поддержку лучше в денежной форме. Однако государство не может выделить денежные средства всем желающим, поскольку большая их часть, как показывает практика, разоряется в первые несколько лет после начала ведения своего бизнеса. Причины – отсутствие профессиональной грамотности, партнерских связей, управленческих навыков, знаний действующего законодательства и др.

Используемые в отношении предпринимателей нефинансовые методы играют тоже очень важную роль. Так, для предпринимателей уполномоченными органами разрабатываются предложения по их участию в проектах на безвозмездной основе, которые способствуют получению прибыли в ближайшей перспективе. Примером может служить предоставление земельных участков (так называемый дальневосточный гектар). Государство также помогает предпринимателям в продвижении их продукции (аутсорсинг).

Следовательно, действуя в интересах общества и осуществляя регулирование в сфере предпринимательства, государство сочетает как императивные методы, так и меры иного характера. Вмешательство государства в деятельность, осуществляемую предпринимателями, является оправданным, целесообразным, необходимым. Его сущность заключается в обеспечении интересов самих предпринимателей, других субъектов предпринимательства, населения, самого государства.

Литература

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ (ред. от 27.12.2019) // Собрание законодательства РФ. 2000. № 32. Ст. 3340.
2. О банках и банковской деятельности: федеральный закон от 2 декабря 1990 г. № 395-1 (ред. от 27.12.2019) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 6. Ст. 492.
3. Об организованных торгах: федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 325-ФЗ (ред. от 27.12.2018) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 48. Ст. 6726.
4. О государственной гражданской службе Российской Федерации: федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ (ред. от 16.12.2019) // Собрание законодательства РФ. 2004. № 31. Ст. 3215.
5. О естественных монополиях: федеральный закон от 17 августа 1995 г. № 147-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 34. Ст. 3426.
6. О защите конкуренции: федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ (ред. от 27.12.2019) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3434.
7. О защите прав потребителей: закон РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 (ред. от 18.07.2019) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 3. Ст. 140.
8. О лицензировании отдельных видов деятельности: федеральный закон от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ (ред. от 02.08.2019) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 19. Ст. 2716.
9. О полиции: федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 27.12.2019) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 7. Ст. 900.

* Официальный сайт Гарантийного фонда Хабаровского края. URL: <http://garantfond27.ru/homepage/about/o-garantijnom-fonde> (дата обращения: 04.02.2020).

УДК 347.412.92

ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ОХРАННЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ НА ОБЪЕКТЫ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Валерия Владимировна Кудряшова, преподаватель Дальневосточного филиала
Российского государственного университета правосудия

E-mail: lera_patrakova@mail.ru

Статья посвящена исследованию особенностей, причин и условий государственной реформы института охранных обязательств. Автором проанализирована научная обоснованность и целесообразность использования термина «обязательство» применительно к отношениям между публично-правовым образованием и собственником объекта культурного наследия по выполнению последним мер по охране и защите таких объектов. Разработана концепция охранного договора, в соответствии с которой охранный договор должен стать гражданско-правовым инструментом с отдельными публично-правовыми особенностями.

Ключевые слова: гражданское право; объекты культурного наследия; охранные обязательства; охранный договор.

POSSIBILITIES TO ENHANCE PRESERVATION ORDERS ON CULTURAL HERITAGE SITES

Valeria Vladimirovna Kudryashova, lecturer of the Far Eastern Branch of the Russian State University of Justice

The article is devoted to the research of peculiarities, reasons, and conditions of the preservation order institution state reform. The author analyzes scientific validity and practicality of use of the term «order» in the context of a relationship between a governmental unit and an owner of a cultural heritage site, with the latter implementing measures to secure and protect such sites. A concept of a conservation pledge agreement is developed, in accordance with which this agreement must become a civil legal instrument with certain public law specificities.

Keywords: civil law; cultural heritage sites; preservation order; conservation pledge agreement.

Защита и сохранение объектов культурного наследия – это первоочередная задача любого современного государства, однако она не сводится исключительно к действиям по защите ценных объектов от внешнего воздействия и сохранению их в неизменном виде. Это многогранный комплекс мероприятий (в первую очередь правовых), направленных на создание оптимальных условий для существования таких объектов и реализации их собственниками своих законных прав. В связи с этим, законодательство в указанной сфере должно быть таковым, чтобы соблюсти необходимый баланс между задачей сохранения и защиты объектов культурного наследия и интересами их собственников.

Защита объектов культурного наследия в первую очередь строится на правовых нормах, устанавливающих запреты и ограничения для их собственников. В Российской Федерации запреты и ограничения закреплены в охранных обязательствах собственника, которое является главным источником правил поведения в отношении объекта культурного наследия. Определенная законом роль охранного обязательства в установлении границ возможного и должного поведения собственника, однако, не способствует установлению повсеместной надлежащей защиты и охраны таких объектов, что в определенной степени противоречит первоначальному замыслу законодателя.

В настоящее время законодатель рассматривает охранное обязательство как односторонний акт органа государственной власти, однако сохраняет за ним некоторые гражданско-правовые черты. Это скорее является рудиментом в связи с тем, что до 22 января 2015 г.* охранные обязательства и охранные договоры заключались между собственниками объектов культурного наследия и органами охраны объектов культурного наследия, срок их действия ограничивался временем нахождения объекта у собственника (пользователя), за нарушение условий охранного обязательства наступала гражданско-правовая ответственность [1].

Идея об изменении правовой природы охранного обязательства появилась в 2009 г., когда в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации был внесен законопроект**, который впоследствии был опубликован как Федеральный закон № 315-ФЗ. В ходе длительного рассмотрения текст законопроекта подвергся существенным изменениям. Первоначальным проектом от 7 февраля 2009 г. вместо охранного обязательства собственника планировалось ввести договор о выполнении требований, установленных в отношении объекта культурного наследия (далее – договор о выполнении требований), которым закрепить обязанности собственника, обладателя вещного права на объект культурного наследия по выполнению действий и осуществлению мер по реализации требований, установленных в отношении объекта культурного наследия. В качестве существенных условий такого договора были указаны обязательства собственника (иного обладателя вещного права). Предполагалось возложить на собственника обязанность по страхованию риска гибели или повреждения объекта культурного наследия. Предусматривались также гражданско-правовые меры ответственности в виде неустойки за неисполнение или ненадлежащее исполнение требований договора о выполнении требований.

При рассмотрении внесенного законопроекта Правовое управление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации в заключении*** не дало правовую оценку данному предложению, что свидетельствует о том, что возражения правового характера в отношении договора о выполнении требований отсутствовали. Законопроект был принят в первом чтении 17 марта 2010 г., концепция договора о выполнении требований была сохранена. Поправки к законопроекту обсуждались с 25 ноября 2010 г. до 4 июля 2014 г., и по результатам их рассмотрения вместо договора о выполнении требований появились охранные обязательства в том виде, в каком существуют сейчас.

Такое изменение подхода к порядку оформления охранных обязательств, по мнению Е. В. Чуватиной [8, с. 49–58], обусловлено необходимостью усиления мер контроля за сохранением объектов культурного наследия. В качестве недостатка ранее существующих охранных договоров она называет сложности при определении лица, ответственного за нарушение или неисполнение их условий.

Таким образом, законодателем был избран публично-правовой вектор развития института охранного обязательства. Вместе с тем, при разработке новой концепции охранного обязательства законодателем допущено смешение частноправовых и публично-правовых начал. Термин «обязательство» имеет исключительно гражданско-правовую природу; охранные обязательства порождает возникновение гражданских прав и обязанностей. Кроме того, ранее действовавшие охранные договоры не утратили своей силы и продолжают действовать в неизменном виде. Следует также отметить, что законодательное изменение правовой природы охранного обязательства не повлекло за собой соответствующее изменение судебной

* Дата вступления в силу Федерального закона от 22 октября 2014 г. № 315-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 315-ФЗ).

** О внесении изменений в Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации: законопроект № 163864–5. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/163864-5>

*** Заключение по проекту федерального закона № 163864–5. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/163864-5/>

практики и правовой доктрины. Такое «торможение», возможно, обусловлено недостижением законодателем целей правового регулирования и установлением норм, необоснованно затрудняющих исполнением собственником объекта культурного наследия возложенных на него обязанностей и, как отмечает В. Г. Баукин [6], влечет за собой умаление частноправовых начал в регулировании и не учитывает специальные правила гражданского законодательства.

Отдельные авторы и сейчас признают, что «охранное обязательство является договором, заключаемым в силу закона, при волеизъявлении лица стать собственником недвижимого объекта культурного наследия с одновременным принятием на себя определенных обязанностей и наделением другой стороны данного договора – публично-правового образования – соответствующими правами» [7]. Такое признание обуславливает необходимость серьезного исследования взаимосвязи природы охранного обязательства и правовых моделей, используемых при защите объектов культурного наследия.

Политика, направленная на установление запретов и ограничений в административном порядке, разработка только лишь императивных норм в регулируемой сфере деятельности приводит на практике к прямо противоположному эффекту: вместо упорядочения распространяется правовой нигилизм, собственники объектов культурного наследия оказываются в железных «правовых тисках» и теряют какую-либо заинтересованность в сохранении объектов культурного наследия.

Верховный Суд Российской Федерации в одном из определений отметил, что мероприятия, указанные в приложении к охранному обязательству, выполняются в целях сохранения имущества в рамках исполнения публичной обязанности, установленной Законом об объектах культурного наследия*. Следовательно, возложение на собственника объекта культурного наследия определенных обязанностей должно рассматриваться именно как передача части обязанностей по охране и сохранению объектов культурного наследия.

Для унификации правового режима всех существующих охранных обязательств законодателю следует вернуться к первоначальной идее заключения договоров о выполнении требований, несколько изменив их модель с учетом действующих норм права, а также обоснованной критики ранее существовавших охранных документов. Так, в частности, следует учитывать, что одним из существенных недостатков ранее действовавшей модели охранных договоров было большое количество преддоговорных споров, связанных с тем, что собственники объектов культурного наследия не были согласны с объемом возлагаемых на них обязанностей.

Вместе с тем мы не считаем правильным полное и безоговорочное возвращение к первоначальному законопроекту с идеей о договорах о выполнении требований. Задача правового регулирования состоит не в том, чтобы навязать субъектам права любые удобные законодателю правила поведения, а в том, чтобы создать такие правила, которые одновременно будут и отвечать замыслу законодателя, и не будут чересчур обременительны для непосредственных исполнителей. Именно с этой целью юридическая наука, основанная на историческом анализе, сравнительном правоведении, прогнозировании, оценке будущего воздействия нормативного правового акта, разрабатывает свои предложения и замечания.

Кроме того, речь не идет о полном отказе от публично-правовых элементов в регулировании охранных обязательств. Безусловно, отдельные публичные элементы в установлении правил применения таких договоров должны присутствовать, однако их существование должно быть сведено к объективно необходимому минимуму. Объекты культурного наследия – это объекты гражданских прав, ограниченные в обороте в силу особого статуса, установленного государством. Такие объекты могут находиться в любой форме собственности: государственной, муниципальной, частной (за исключением отдельных объектов). Обязанности собственника объекта культурного наследия выполнять в отношении такого объекта определенные

* Определение Верховного Суда РФ от 25 января 2018 г. по делу № 305-ЭС17-17543, А40-119033/2016. URL: <http://kad.arbitr.ru/Card/0b9a2df7-10c9-420a-93c5-d0d510277b03>

действия или воздержаться от их совершения обусловлены статусом принадлежащей собственнику вещи и стоящей перед государством задачей по ее сохранению и защите. Следовательно, и основой охранного обязательства должен стать договор между публично-правовым образованием в лице уполномоченного органа и собственником (или иным законным владельцем) объекта культурного наследия.

Следует также отметить, что избранный законодателем термин «обязательство» – неудачный. Обязательство, являясь гражданско-правовым феноменом, не находит своего толкования и применения в публично-правовых отношениях, в то же время в соответствии с п. 2 ст. 307 ГК РФ обязательства представляют собой правоотношения и возникают из договоров и других сделок вследствие причинения вреда, неосновательного обогащения, а также из иных оснований, указанных в ст. 8 ГК РФ.

Распространенной практикой органов охраны объектов культурного наследия является издание распоряжений (приказов) об утверждении охранных обязательств «утвердить прилагаемое охранное обязательство» (например, приказ Министерства культуры Российской Федерации от 17 октября 2019 г. № 1652 [2], распоряжение Управления государственной охраны объектов культурного наследия Правительства Хабаровского края от 26 марта 2019 г. № 35.1.5/15 [5]). Интересно отметить, что приказ о включении выявленного объекта культурного наследия в единый государственный реестр объектов культурного наследия не является правовым основанием таких распоряжений (не указан в преамбуле распоряжений в качестве такого).

Если сохранять наименование «охранное обязательство» в неизменном виде, неизбежно возникнет вопрос: что явилось основанием его возникновения? Акт государственного органа (пп. 2 п. 1 ст. 8 ГК РФ)? Анализ нормативных правовых актов Управления государственной охраны объектов культурного наследия Правительства Хабаровского края о включении выявленных объектов в единый государственный реестр объектов культурного наследия (например, приказы от 17 апреля 2019 г. № 23.1.3/1 [3], от 5 ноября 2019 г. № 23.1.3/67 [4] и другие) свидетельствует о том, что в подобного рода приказах не содержится указания на необходимость утверждения охранного обязательства. Следовательно, принятие уполномоченным органом государственной власти решения о признании отдельного объекта объектом культурного наследия не является единственным безусловным основанием для утверждения в отношении такого объекта охранного обязательства, так как само решение не содержит указания на это.

Кроме того, охранное обязательство в существующем виде по своей природе остается договором между государством и собственником объекта культурного наследия о *правах и обязанностях, связанных с охраной и содержанием объектов культурного наследия*. Внедрение охранного договора, таким образом, будет более отвечать требованиям как цивилистической, так и публично-правовой науки.

Учитывая изложенное, предлагается следующая модель охранного договора. Охранный договор – это смешанный гражданско-правовой договор между собственником объекта культурного наследия и государством в лице его органов, уполномоченных в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия.

К процедуре заключения охранного договора должны применяться положения ст. 445 ГК РФ о заключении договора в обязательном порядке. То есть при отказе собственника объекта культурного наследия от заключения такого договора у органа охраны памятников будут полномочия по понуждению его к заключению таких договоров и, при необходимости, к возмещению убытков, причиненных отказом собственника от заключения договора. Такая норма позволит также решить проблему большого количества преддоговорных споров.

По общему правилу, охранный договор должен заключаться с собственником объекта культурного наследия, так как именно на него в силу гражданского законодательства возложено бремя содержания вещи. Однако в случае закрепления объекта культурного наследия за

учреждениями или предприятиями на праве хозяйственного ведения или оперативного управления, охранный договор должен быть заключен с таким учреждениями или предприятиями и подлежит согласованию с собственником объекта культурного наследия. Указанные правила в настоящее время предусмотрены п. 11 ст. 47.6 Закона об объектах культурного наследия [1], за исключением требования об обязательном согласовании с собственником имущества.

Представляется, что существенными условиями нового охранный договор должны быть:

- предмет;
- требования, запреты и ограничения для собственников объектов культурного наследия;
- срок действия охранный договор (может быть сформулирован в виде перечня оснований для его прекращения (расторжения));
- ответственность за неисполнение охранный договор.

Предметом охранный договор являются обязательства собственника объекта культурного наследия по выполнению требований, запретов и ограничений в отношении принадлежащего ему объекта. Предмет должен быть сформулирован таким образом, чтобы он позволял точно определить объект культурного наследия, в отношении которого заключен охранный договор. Кроме того, стоит предусмотреть отдельные встречные обязательства государства по отношению к собственникам объектов культурного наследия (к таким, в частности, может быть отнесена консультативная помощь, софинансирование реставрационных работ и другое).

Требования, запреты и ограничения, которые должны быть отражены в охранный договор, в настоящее время сформулированы в п. 2 ст. 47.6 Закона об объектах культурного наследия [1] и, по нашему мнению, корректировки не требуют.

В качестве оснований для расторжения охранный договор следует выделить:

- 1) передачу объекта культурного наследия в собственность публично-правового образования (что возможно как на основании договора, так и в порядке перехода прав на выморочное имущество);
- 2) существенное нарушение собственником объекта культурного наследия требований охранный обязательства.

Существенным нарушением требований охранный договор следует считать нарушение, повлекшее причинение вреда объекту культурного наследия или ухудшение его состояния или создавшее угрозу такового. Следует установить возможность расторжения охранный договор в связи с существенным нарушением его требований только в судебном порядке с одновременным выкупом бесхозно содержащегося объекта культурного наследия.

Прекращение охранный договор возможно только в случае физического уничтожения объекта культурного наследия, в отношении которого заключен такой договор. Отчуждение объекта культурного наследия не может являться достаточным основанием ни для прекращения, ни для расторжения охранный договор. В случае отчуждения объекта культурного наследия, к охранный договор должен применяться порядок перевода долга, установленный ст. 391 ГК РФ.

Кроме того, целесообразным будет предусмотреть право государства в судебном порядке понуждать собственника объекта культурного наследия к исполнению обязанностей, предусмотренных охранный договором, в случае возникновения угрозы причинения вреда объекту культурного наследия или ухудшения его состояния.

К указанным гражданско-правовым нормам следует добавить норму публичного характера, в соответствии с которой собственники или иные законные владельцы объектов культурного наследия в отношениях с органами государственного контроля (надзора) вправе ссылаться на заключенный охранный договор. Следует также предусмотреть переходное положение, в соответствии с которым на охранные документы, заключенные до вступления в законную силу предлагаемых изменений, распространяются положения об охранных договорах, независимо от их переоформления.

Указанные изменения приведут к унификации правового режима всех существующих охранных документов в отношении объектов культурного наследия и будут способствовать созданию устойчивого баланса интересов государства и собственников объектов культурного наследия в сфере охраны и защиты таких объектов.

Литература

1. Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации: федеральный закон от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ (ред. от 18.07.2019). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. Об утверждении охранного обязательства собственника или иного законного владельца объекта культурного наследия федерального значения «Ансамбль Новодевичьего монастыря», 1524–1525 гг. (г. Москва): приказ Министерства культуры Российской Федерации от 17 октября 2019 г. № 1652. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/SignatoryAuthority/foiv070>
3. О включении выявленного объекта культурного наследия «Бани», 1937 г., расположенного по адресу: Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Кирова, 36, в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации в качестве объекта культурного наследия (памятника архитектуры) местного (муниципального) значения, об утверждении границ территории, режима использования земель в границах территории и предмета охраны: приказ Управления государственной охраны объектов культурного наследия Правительства Хабаровского края от 17 апреля 2019 г. № 23.1.3/1. URL: <http://dvforum.khabkrai.ru/ListDoc.aspx?C=98>
4. О включении выявленного объекта культурного наследия «Жилой дом», 1955 г., расположенного по адресу: Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр-т Мира, 26, в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации в качестве объекта культурного наследия (памятника архитектуры) местного (муниципального) значения, об утверждении границ территории, режима использования земель в границах территории и предмета охраны: приказ Управления государственной охраны объектов культурного наследия Правительства Хабаровского края от 5 ноября 2019 г. № 23.1.3/67. URL: <http://dvforum.khabkrai.ru/ListDoc.aspx?C=98>
5. Об утверждении охранного обязательства собственника или иного законного владельца объекта культурного наследия регионального значения «Дом жилой», 1949 г., расположенного по адресу: Хабаровский край, г. Хабаровск, ул. Ленина, 81, входящего в состав объекта культурного наследия регионального значения «Жилой комплекс завода «Энергомаш», 1950-е гг.: распоряжение Управления государственной охраны объектов культурного наследия Правительства Хабаровского края от 26 марта 2019 г. № 35.1.5/15. URL: <https://nasledie.khabkrai.ru/Dokumenty>
6. Баукин В. Г. Правовое регулирование деятельности железнодорожного транспорта: автореф. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2005.
7. Комментарий к Федеральному закону от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (постатейный) / К. Н. Аверина [и др.], 2017. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
8. Чуватина Е. В. Отдельные вопросы судебной практики по делам, связанным с применением Федерального закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» // Арбитражные споры. 2018. № 2.

УДК 347.4

К ВОПРОСУ ОБ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ПРИРОДЕ ДОГОВОРА ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ПРИСОЕДИНЕНИЯ

Марат Талгатович Хамидуллин, аспирант Казанского федерального университета

E-mail: marat.oren@mail.ru

В статье автором рассматриваются доктринальные положения и материалы судебной практики о правовой природе договора технологического присоединения. Проводится его сравнение с организационным договором. Выделяются общие черты, позволяющие отнести договор технологического присоединения к организационным договорам, и особенности, разграничивающие два эти договора. На основании проведенного анализа сделаны выводы о квалификации договора технологического присоединения в качестве имущественно-организационного договора и представлено авторское определение данного договора.

Ключевые слова: энергоснабжение; технологическое присоединение; договор технологического присоединения; организационные отношения; организационный договор; имущественный договор; имущественно-организационный договор

ON THE ISSUE OF THE ORGANIZATIONAL NATURE OF THE GRID CONNECTION AGREEMENT

Marat Talgatovich Khamidullin, post graduate of the Kazan Federal University

In this article, the author examines the doctrinal provisions and materials of judicial practice on the legal nature of the technological connection agreement. It is compared with the organizational contract. The author highlights common features that make it possible to attribute the technological connection agreement to organizational agreements and features that distinguish these two agreements. Based on the analysis, conclusions are drawn about the qualification of the technological connection agreement as a property and organizational agreement and the author presents his own definition of this type of agreement.

Keywords: energy supply; technological connection; technological connection agreement; organizational relations; organizational agreement; property agreement; property and organizational agreement.

Подключение объекта капитального строительства к присоединенной сети в целях его энергоснабжения опосредуется договором о подключении (договором технологического присоединения).

Правовое регулирование данного договора осуществляется специальным законодательством об отдельных видах энергетических ресурсов, учитывающих специфику их оборота.

Вопрос о правовой природе договора технологического присоединения является дискуссионным. В юридической литературе и судебной практике по данному вопросу существует несколько точек зрения: договор о подключении рассматривается как разновидность договора возмездного оказания услуг [4; 10, с. 45–60; 17, с. 11–14], договора подряда [13, с. 27–33], как смешанный договор, сочетающий в себе элементы двух предыдущих [6; 8, с. 135], как договор простого товарищества [22, с. 22–28] либо в качестве непоименованного в Гражданском кодексе Российской Федерации договора особо рода (*sui generis*) [5; 21, с. 49].

Между тем существует еще одна точка зрения на квалификацию указанного договора, сторонники которой придерживаются мнения, что договор о подключении является организационным договором. Так, например, С. В. Матияшук пишет, что договор о подключении

является организационным, поскольку он обеспечивает процесс заключения и исполнения договора энергоснабжения [16, с. 8].

Понятие организационного договора тесно связано с представлениями ряда ученых-цивилистов о существовании в гражданском праве особых организационных правоотношений. Выделить в предмете гражданского права организационные отношения впервые предложил О. А. Красавчиков. Он определял данные отношения как социальные связи, построенные на началах координации и субординации социальных связей, которые направлены на упорядочение иных общественных отношений, действий их участников либо на формирование социальных образований [15, с. 163].

Однако теория организационных правоотношений в цивилистике не является достаточно разработанной, что, впрочем, признается и самими ее сторонниками [18].

Следует согласиться с мнением С. А. Свиркова, который пишет, что при выявлении сущности организационных правоотношений в гражданском праве «мы сталкиваемся со своеобразной интерполяцией феномена управления (являющегося центральным понятием для административного права) в плоскость гражданского права, т. е. в сферу имущественных отношений» [20]. Поэтому автор считает, что в частном праве организационные отношения могут существовать лишь в рамках договора, поскольку взаимодействие субъектов без учета их согласованной воли противоречит основополагающим принципам гражданского права [20].

Таким образом, если существование в гражданском праве особых организационных отношений ставится под сомнение, то наличие организационных договоров правоведами признается.

Одно из первых определений организационного договора предложила Н. В. Васева. Она определяет его как соглашение, «направленное на организацию, упорядочивание взаимоотношений и создание предпосылок, необходимых и достаточных для вступления его участников в иные общественные отношения имущественного характера» [7, с. 69].

Более точное определение, на наш взгляд, сформулировал С. Ю. Морозов: «По организационному договору стороны обязуются выполнить определенные договором совместные действия, направленные на возникновение иного гражданско-правового обязательства между теми же либо иными лицами и (или) на его исполнение в соответствии с условиями организационного договора» [18]. Хотя, по его же собственному признанию, оно также не лишено недостатков и в нем продолжают обнаруживаться некоторые неточности [17, с. 11].

Взгляды ученых на организационные обязательства как направленные не на товарообмен, а на его организацию [9, с. 182], привели к появлению в классификации договоров новой дихотомии, разделяющей договоры на организационные (организующие) и имущественные (организуемые) [11, с. 22].

Таким образом, по организационному договору стороны обязуются выполнить совместные действия, направленные на возникновение нового гражданско-правового обязательства, – как правило, условий для заключения имущественного договора либо его исполнения.

При подобном определении договор технологического присоединения может быть рассмотрен в качестве организационного. При этом понятие «подключение» в некоторых нормативных правовых актах, регламентирующих технологическое присоединение [3, п. 2], определено как совокупность организационных и технических действий, которые обязуется осуществить исполнитель.

Надлежащее исполнение договора о подключении создает предпосылки для энергообеспечения. Так, например, в соответствии со ст. 15 Федерального закона «О теплоснабжении» [1] технологическое присоединение энергопотребляющей установки к тепловой сети, произведенное в установленном порядке, является необходимым условием для заключения договора теплоснабжения. В части 8 ст. 15 указанного закона особо подчеркивается, что ус-

ловия договора теплоснабжения должны соответствовать техническим условиям подключения к тепловым сетям.

Дополнительным аргументом в пользу организационной природы договора технологического присоединения является и то обстоятельство, что прекращение договора о подключении его надлежащим исполнением в ряде случаев не только создает условия для заключения договора энергоснабжения, но и приводит к его непосредственному заключению. Так, согласно п. 1 ст. 540 ГК РФ, в случае, когда абонентом по договору энергоснабжения выступает гражданин, использующий энергию для бытового потребления, договор считается заключенным с момента первого фактического подключения абонента в установленном порядке к присоединенной сети.

Исполнение договора о подключении посредством совершения сторонами совместных действий предопределяется направленностью договора на возникновение обязательства по энергоснабжению. Каждая из сторон обязана совершить технические мероприятия по подключению к присоединенной сети. При неисполнении этой обязанности хотя бы одной из сторон, технологическое присоединение является невозможным.

Между тем действия исполнителя имеют определяющее значение для исполнения договора о подключении. Это обусловлено тем, что исполнитель (энергоснабжающая или сетевая организация) является профессиональным участником отношений в энергоснабжении и обладает всеми необходимыми знаниями, квалификацией и опытом для обеспечения технологического присоединения, соответствующего техническим регламентам. Поэтому заявитель обязан выполнять указания и требования исполнителя.

Так, например, в соответствии с п. 82 Правил горячего водоснабжения, утвержденных Постановлением Правительства РФ от 29 июля 2013 г. № 642, исполнитель осуществляет контроль за выполнением заявителем мероприятий по подключению объекта к централизованной системе горячего водоснабжения без взимания за это дополнительной платы.

В связи с этим данные отношения можно охарактеризовать как организационное неравенство. Заключается оно в том, что технические и организационные мероприятия по подключению формулируются исполнителем в технических условиях (условиях подключения) [3, п. 2], которые являются неотъемлемой частью договора о подключении и обязательными для исполнения его сторонами. При неисполнении или отступлении от указаний исполнителя обязательство заявителя будет считаться, соответственно, неисполненным или исполненным ненадлежащим образом.

Несмотря на то, что в организационном обязательстве невозможны отношения субординации, характерные для административного права, элементы координации в нем присутствуют. Для достижения результата на одну из сторон возлагаются функции по координации действий другой стороны. В связи с этим в организационном обязательстве могут быть выделены две стороны – координатор и дестинатор (получатель ценности).

Координатором является сторона организационного договора, определяющая основные условия договора и контролирующая их выполнение дестинатором в целях достижения результата договора. Дестинатор – получатель услуги, чьи действия нуждаются в координации.

В договоре технологического присоединения координатором является исполнитель, дестинатором – заявитель. Применительно к отношениям по подключению к системе теплоснабжения действия координатора заключаются в обеспечении согласованности действий сторон посредством определения технических условий договора и контроля за их исполнением заявителем для обеспечения достижения результата договора.

Рассмотрение договора о подключении в качестве организационного, несомненно, вносит определенную ясность в его назначение. Однако при более детальном анализе принадлежность данного договора к организационным может встретить серьезные возражения.

Так, в теории не решен вопрос о правовой природе самих организационных договоров и их месте в системе гражданско-правовых договоров. Например, С. Ю. Морозов считает, что организационный договор является самостоятельным типом договора и нормы о нем должны быть включены в подотрасль обязательственного права [18]. Б. И. Пугинский также полагает, что существует отдельный тип организационных договоров [19, с. 285].

Исследуя систему транспортных организационных договоров, С. Ю. Морозов отмечает, что понятия «организационный договор» и «транспортный организационный договор» соотносятся как род с видом, в связи с этим родовое понятие должно быть урегулировано в части первой ГК РФ. Последующая дифференциация организующих договоров по видам, по мнению ученого, должна проводиться в Особенной части ГК РФ. Например, если договоры направлены на организацию отношений по перевозке, то их относят к транспортным организационным договорам; если же они организуют отношения, связанные с кредитованием (открытие кредитной линии), то данные договоры соответственно могут быть отнесены к кредитным организационным договорам [18].

Однако очевидно, что такой критерий дифференциации организационных договоров, как вид организуемых имущественных договоров, при применении к договору технологического присоединения приведет к ошибочному выводу. Исходя из данного критерия договор о подключении следует отнести к обязательствам по купле-продаже, т. к. имущественный договор энергоснабжения, на заключение которого направлено технологическое присоединение, является разновидностью договора купли-продажи.

Еще одним немаловажным аспектом является представление о неимущественном характере организационного договора. Как пишет С. Ю. Морозов, «самым главным определяющим признаком организационных договоров является их неимущественный характер» [18]. Автор отмечает, что организационным является лишь такой договор, из которого возникают неимущественные правоотношения, направленные на организацию имущественных отношений [18]. Данной точки зрения придерживается также А. И. Хаснутдинов [23, с. 39].

Между тем в договоре технологического присоединения присутствует имущественный элемент, который заключается во внесении заявителем платы за подключение. В определенных случаях размер платы составляет всего 550 руб. [2, п. 107], однако, несмотря на это, договор о подключении во всех случаях является возмездным, поскольку обязательству исполнителя произвести подключение корреспондирует встречное обязательство заявителя внести за это плату. Таким образом, договор о подключении в определенной степени направлен на товарообмен.

По словам С. Ю. Морозова, обязательства из организационных договоров могут содержать элементы имущественных отношений, что, однако, не превращает его в имущественный договор [18]. К сожалению, он не поясняет свою мысль.

По вопросу о соотношении в рамках одного договора организационных и имущественных элементов С. А. Свирков и К. А. Кирсанов придерживаются мнения, что организационные обязательства существуют либо в рамках самостоятельных организационных договоров, либо в форме отдельных элементов в конструкциях имущественных договоров [12, с. 9–13; 20]. Организационные договоры, содержащие имущественные элементы, данными авторами не выделяются.

Иной точки зрения придерживается Е. Б. Козлова, которая отмечает, что элементы имущественных отношений могут присутствовать в организационных договорах, равно как элементы организационных отношений могут быть включены в имущественные договоры. В зависимости от того, какой из элементов преобладает в договоре, автор и предлагает решать вопрос об отнесении его в ту или иную группу [14, с. 8].

По нашему мнению, договор технологического присоединения не может носить исключительно организационный характер.

Договор о подключении к сетям инженерно-технического обеспечения имеет двойственную правовую природу, что выражается в том, что он содержит комплекс организационных и имущественных элементов и поэтому не может быть отнесен в чистом виде к какому-либо из двух видов договоров.

Сущность организационного элемента состоит в совершении сторонами договора совместных согласованных действий, направленных на подключение объекта капитального строительства заявителя к присоединенной сети исполнителя в целях возможности его снабжения энергией, т. е. заключения в будущем договора энергоснабжения. В то же время имущественный элемент заключается в том, что договор о подключении априори является возмездным – заявитель обязан внести плату за подключение.

Невозможность разделить в договоре технологического присоединения без ущерба для его целостности организационные и имущественные начала позволяет нам прийти к выводу, что дихотомия, выделяющая организационный и имущественный договоры, является несовершенной, поскольку наряду с указанными разновидностями договоров существуют также договоры, относящиеся по своей правовой природе к имущественно-организационным. К такому виду договоров относится договор технологического присоединения, в предмете которого органично сочетаются оба элемента – организационный и имущественный.

С учетом изложенного имущественно-организационный договор можно определить как соглашение, по которому стороны обязуются совершить совместные, но при этом встречно-возмездные действия, направленные на возникновение нового гражданско-правового, как правило, имущественного, правоотношения.

Литература

1. О теплоснабжении: федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 190-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2010. № 31. Ст. 4159.
2. Основы ценообразования в области регулируемых цен (тарифов) в электроэнергетике: утв. Постановлением Правительства РФ от 29 декабря 2011 г. № 1178 // Собрание законодательства РФ. 2012. № 4. Ст. 504.
3. Правила подключения (технологического присоединения) к системам теплоснабжения, включая правила недискриминационного доступа к услугам по подключению (технологическому присоединению) к системам теплоснабжения: утв. Постановлением Правительства РФ от 5 июля 2018 г. № 787 // Собрание законодательства РФ. 2018. № 29. Ст. 4432.
4. Определение Верховного Суда РФ от 19 января 2018 г. № 310-ЭС17-11570 по делу № А62-434/2016. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
5. Постановление Президиума ВАС РФ от 10 июля 2012 г. № 2551/12 по делу № А56-66569/2010. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
6. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 13 апреля 2017 г. по делу № А44-4085/2016. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
7. Васева Н. В. Имущественные и организационные договоры // Гражданско-правовой договор и его функции: межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. О. А. Красавчиков. Свердловск, 1980.
8. Городов О. А. Договоры в сфере электроэнергетики: науч.-практ. пособие. М.: Волтерс Клувер, 2007.
9. Гражданское право: в 4 т. Т. 3: Обязательственное право / отв. ред. Е. А. Суханов. М.: Волтерс Клувер, 2005.
10. Елисеев И. С. Технологическое присоединение – pro et contra // Энергетика и право. 2009. № 1.
11. Кирсанов К. А. Гражданско-правовое регулирование организационных отношений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2008.
12. Кирсанов К. А. Гражданско-правовые организационные отношения (теоретический аспект) // Российский юридический журнал. 2003. № 2.
13. Кирюхина Е. В. Некоторые вопросы правового регулирования договора технологического присоединения к электрическим сетям // Юридический мир. 2009. № 6.
14. Козлова Е. Б. Организационные договоры: понятие и классификация // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 5.
15. Красавчиков О. А. Гражданские организационно-правовые отношения // Антология уральской цивилистики, 1925–1989: сб. ст. М.: Статут, 2001.
16. Матияшук С. В. Система договорных отношений по электро- и теплоснабжению в условиях развития когенерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2012.

17. Морозов С. Ю. Некоторые проблемы, связанные с определением правовой природы гражданско-правовых организационных договоров // Российская юстиция. 2015. № 7.
18. Морозов С. Ю. Система транспортных организационных договоров: монография. М.: Норма, 2011.
19. Пугинский Б. И. Коммерческое право России: учебник. 2-е изд. М.: Зерцало, 2006.
20. Свирков С. А. Договорные обязательства в электроэнергетике: монография. М.: Статут, 2006.
21. Семенович К. С. Договор технологического присоединения к электрическим сетям: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2017.
22. Смагин А. В. Договор об осуществлении технологического присоединения как самостоятельная сделка в электроэнергетике: актуальные проблемы // Энергетика и право. 2013. № 3.
23. Хаснутдинов А. И. Вспомогательные договоры на транспорте: дис. ... д-ра юрид. наук. Иркутск, 1995.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

1. В редакционную коллегию представляются оригинальные, ранее не опубликованные статьи, а также научные сообщения, соответствующие научным направлениям журнала.

Текст представленной работы должен содержать: введение (вводную часть), основную часть и заключение (заключительная часть). Объем каждой из частей и их соотношение определяются автором, исходя из особенностей статьи.

Вводная часть работы, как правило, служит для обоснования автором целесообразности и/или актуальности темы (научной разработки, проблемы, вопроса или задачи). В ней же формулируется основной замысел или причина, побудившая автора к проведению углубленного исследования темы и поиску решения проблемного вопроса (ситуации).

Основная часть служит для раскрытия содержательных и/или доказательных аспектов рассматриваемой темы (проблемы, вопроса или задачи) исследования. Здесь необходимо подробно изложить суть проблемы, провести ее анализ, обосновать решения и конкретные приемы (способы, методы), предлагаемые автором, отразить результаты, полученные путем анализа и синтеза, а также привести достаточные основания и доказательства, подтверждающие их достоверность.

В заключении (заключительной части) автором формулируются обобщенные выводы, основные рекомендации или предложения; приводятся иные итоги проведенного исследования; прогнозы и/или перспективы развития темы, а также возможности и сферы их использования; могут указываться направления дальнейших исследований и разработок автора.

2. При приеме статьи с автором (авторами) заключается лицензионный договор (размещен по адресу: <https://media.mvd.ru/files/application/1584044>) о предоставлении издательству Дальневосточного юридического института МВД России прав на использование материалов (неисключительная лицензия), в том числе права на обработку персональных данных автора (авторов).

3. Все рукописи статей, поступившие в редколлегию журнала, проверяются на оригинальность текста с использованием специализированного программного обеспечения. Доля оригинального текста должна быть не менее 70 %. В случае обнаружения ранее опубликованной (обнародованной) работы, повторяющей результаты находящейся на рассмотрении статьи более чем на 30 % по отчету специализированного программного обеспечения, редколлегия Вестника оставляет за собой право отказать авторам в опубликовании статьи.

4. Статья представляется в редакцию журнала в распечатанном и электронном виде на CD или по электронной почте (e-mail: vestnikdvui@yandex.ru).

5. Объем статьи должен быть не менее 10 и не более 20 страниц текста, набранного в соответствии с указанными ниже требованиями.

6. Статья должна быть подписана автором (авторами). Каждому автору необходимо указать: имя, отчество, фамилию (полностью), должность и место работы, ученую степень и звание, почетные звания, почтовый адрес и телефон для контактов, а также адрес электронной почты. Статьи адъюнктов и аспирантов должны также иметь подпись их научного руководителя, заверенную соответствующим образом.

7. Обязательно наличие аннотации, ключевых слов (не более семи речевых единиц) и пристатейного библиографического списка. Объем аннотации – около 500 знаков (включая пробелы). Аннотация не должна быть перифразом названия статьи, включать малоинформативные формулировки. Пристатейный список литературы размещается в конце статьи и содержит пронумерованные по порядку библиографические ссылки на использованные при написании статьи литературные и другие источники. При этом список библиографических ссылок вначале содержит перечень использованных официальных документов, расположенных по юридической силе, затем – перечень печатных источников (книги, статьи в журналах и газетах и т. д.), а в конце списка литературы приводятся ссылки на интернет-ресурсы. В пределах каждой такой подгруппы библиографические записи сортируются по алфавиту. Пристатейный нумерованный список литературы следует оформлять в соответствии с требованиями ГОСТ 7.0.5–2008.

8. Название статьи, аннотация, ключевые слова, информация об авторах должны быть представлены на русском и английском языках.

9. Статья должна иметь шифр УДК.

10. Технические требования к статьям:

– набор осуществляется в программе «Word» шрифтом «Times New Roman», размером 14 пунктов с полуторным междустрочным интервалом;

– библиографические ссылки внутритекстовые. В квадратных скобках указывается порядковый номер издания, на которое автор ссылается, при необходимости указывается номер страницы;

– название файла статьи – по фамилии автора (авторов).

11. В случае несоответствия присланных рукописей требованиям к оформлению статей редколлегия оставляет за собой право вернуть рукопись автору без рассмотрения.

12. Рукописи статей рецензируются в соответствии с Положением об институте рецензирования журнала «Вестник Дальневосточного юридического института МВД России» (размещено по адресу: <https://dvui.mvd.ru/document/6828906>). Основными критериями рецензирования являются: актуальность; научная новизна; теоретическая и прикладная значимость; логичность и последовательность изложения; аргументированность основных положений; достоверность и обоснованность выводов. Решение о публикации статьи принимается редколлегией журнала в зависимости от результатов рецензирования.

13. Плата за опубликование статей не взимается.

14. Редакционная коллегия поддерживает связь с авторами только по указанной ими электронной почте (e-mail). При этом редколлегия не несет ответственности за недостоверность представленного ей адреса электронной почты и мер к поиску иных способов связи с авторами не предпринимает. В случае если автор не отвечает в течение более одного месяца на запросы редколлегии, его статья снимается с публикации.

Адрес редакции:

680020, Хабаровск, пер. Казарменный, 15,

Дальневосточный юридический институт МВД России,

редакционно-издательский отдел,

журнал «Вестник ДВЮИ МВД России».